

№12 * 1963

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

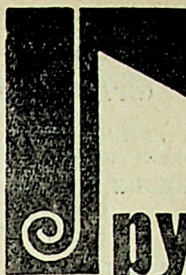
ЛИТЕРАТУРНАЯ РУСИЯ

10335
1963

1963 / 2 .

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная рудзия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ХУТА БЕРУЛАВА. Поэтам России. Слушай, сердце. По всей Грузии. Стихи. Переводы с грузинского Вл. Соколова и С. Куняева	3
ЛЕВАН ГОТУА. Жребий. Рассказ. Авторизованный перевод с грузинского Л. Платоновой	5
✓ БЕЛЛА АХМАДУЛИНА. Дождь. Главы из поэмы	9
ТЕИМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ. Ушба. Повесть. Перевод с грузинского И. Даднапи	12
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Шехерезада. До рассвета. Стихи. Перевод с грузинского Вл. Соколова	49
ЛЕВАН ХАИНДРАВА. Подвиг. Рассказ	50
ФОТУЛА ЯННАКОПУЛУ. Пришли мне... Стихи. Перевод с новогреческого Э. Гольдернесса	37

К 40-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО АЛЬПИНИЗМА

НИКОЛАИ ТИХОНОВ. Покоряющим вершины. Стихи	58
Г. ДЕМИРХАНОВА. Кинолетопись альпинизма	59

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. Роман и жизнь	61
---	----

ОЧЕРКИ

МОСЕ ГВАСАЛИЯ. Кязим Хутаба	72
---------------------------------------	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОДАР НАТАДЗЕ. Следы далекие и близкие	75
ВЛАДИМИР СОКОЛОВ. Книга и сердце	81

12.580.

12

ДЕКАБРЬ

1963

ЖАННА ЧОЧИЕВА. Лирика Колау Надирадзе . . .	82
ИАНА КАКАБАДЗЕ. Рабле — боец за мир . . .	83

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. В содружестве с переводчиком поэмы Руставели . . .	87
НИНО ЦИЦИШВИЛИ. Из воспоминаний . . .	92

СПОРТ

ГАРРИ МЕТРЕВЕЛИ. На поле одиннадцатый номер .	94
---	----

Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1963 год	109
--	-----

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Махарадзе, 14, телефон 3—44—08.

Хута БЕРУЛАВА

ПОЭТАМ РОССИИ

*Участникам декады
русской поэзии в Грузии*

Извечно в Грузии, отчизне дружелюбья,
Встречали гостя, как явление чуда.
Его приветствовали всей сердечной глубиою,
Не спрашивая, кто он и откуда.

Его встречали у ворот и на пороге,
Уж коль он добр, добро его не тщетно.
Его приветствовали, сталкивая роги,
Вином любви наполненные щедро.

Но ваш сегодняшний приход еще дороже.
Он наш особый праздник. В дни любые
Мы пламя бережем в сердцах одно и то же,
Прошли мы вместе бури боевые.

Мы одинаково свою отчизну любим.
У нас одно и то же вдохновенье.
Слова, как золото, мы дарим нашим людям,
Их находя в сердечном откровенье.

Друзья-поэты, мастера и побратимы,
Добро пожаловать! Примите этот
Восторг мгновенный и неукротимый,
Как мой подарок, стих сердечно спетый.

Долины Грузии прекрасной обойдите,
Страны моей вершины оглядите:
В их многоцветном, многокрасочном пыланье
И вашей славной лирики сиянье.

На поле, в доме, на лугу в его цветенье
Вас встретят ваши же стихотворенья.
На миг замолкнут, вас увидев, и, как лозы,
Тепло уронят радостные слезы.

Давайте ж встречу эту всё благословим,
Ценя союз собратства и искусства.
Примите ж, как порой мы в тостах говорим,
Стих небольшой большого полный чувства!

СЛУШАЙ, СЕРДЦЕ...

Над подобными мыслями я смеялся...
Но внезапно настал мой черед. Итак,
Слушай, сердце, с тобой говорить собрался
Я, твой самый жестокий и кровный враг.
Это я, твой безжалостный угнетатель,
Не даю тебе спать, а не кто иной.
Это я, как настойчивый неприятель
Навсегда отобрал у тебя покой.
Отношения наши подобны бою
Были в детстве, брала тебя часто дрожь.
Сколько в юности я воевал с тобою,
Не сдавалось, а крепло ты, сердце, все ж!
Я бессонницей мучил тебя ночами
Сколько раз, а с чего — и не помню я.
Сколько раз предавал я тебя печали
Понапрасну, по-моему. Просто зря.
Сколько мглы на тебя насыпал я, как страстно
Заставлял тебя в жарком гореть огне.
Сколько молний к тебе подпускал опасных,
А ведь мог их удары отвести вполне.
Не шадил тебя, сердце, со дня рожденья.
То, что было, не в силах и вспомнить я,
Только полон счастливого удивленья,
Что спаслось ты средь бурь моего житья!
Дум больших не любил отличать от малых.
Сколько сложностей щедро дарил тебе.
Только что это перед лицом тех шквалов,
Что обещаны нашей с тобой судьбе!
Мы с тобой перед ними раскрыты настежь.
Слышишь — движутся бурные, бой трубя?
Если ж ты невзначай, как свеча, погаснешь,
И оплакать-то я не смогу тебя,
Как бойца, как товарища и собрата!..
Только, что это я говорю... Гляди,
Небеса, водопады, леса крылато
К нам взывают. У нас еще все впереди.
Звать не сердцем тебя бы, а слитком стали,
Закаленное временем и огнем!
Свято долг выполняя и все неустанней,
Ты работаешь честно со мной вдвоем.

Перевод с грузинского Вл. Соколова

ПО ВСЕЙ ГРУЗИИ

Один в Лентехи мчится, как олень,
другой несет в горах кувшин с водою.
а этот все глядит в ночную тень,
пьянен Абастуманскою звездою.
Один у Бахтрионских гордых стен
слагает песню древнему герою,
другой у Вардзии вдруг попадает в плен,
захваченный любовью и Курою.
А этот не спеша на склонах гор
беседует с бессмертною природой,
ведет с ручьем и ветром разговор,
подслушивает тысячи мелодий.

Отечество, я слышу голоса
твоих сынов, единокровных братьев.
Твои глаза глядят в мои глаза,
ты распахнула мне свои объятия!
Один бы я не в силах был светить,
не мог бы жить, не чувствуя поруки,
не мог бы петь, смеяться, говорить
без сыновей твоих, с тобой в разлуке.
Любой из них мне близок и знаком.
Моя душа принадлежит любому.
Свою жизнь, мужеством, стихом
я присягаю очагу родному.

Перевод с грузинского С. Куняева

Жребий

РАССКАЗ

Авторизованный перевод с грузинского Л. Платоновой

— Что ты сделал? Да ведь ты настоящий убийца!

Аполлон Немсицверидзе, главврач Лайлашской больницы, пряча от меня смущенное лицо, нагнул голову еще ниже. На лбу у него выступила испарина.

— Да, теперь обо мне все могут сказать! И все же самый строгий судья себе — я сам! — проговорил он тихо.

Я знал, что в этой двухэтажной больнице двадцать пять коек постоянно занято больными — и взрослыми и детьми. Ведь больные сходятся сюда из окрестных деревень. Знал, что у больницы, в сущности, две кровли: одна обычная — железная, другая — необычная. Исполинская липа, чуть ли не пятисот лет от роду, распростерла свою могучую крону над больницей. И когда шел дождь, железная кровля часто бывала сухой.

Взволнованный ничуть не меньше меня, врач присел на огромный корень, торчащий из-под земли. Он провел платком по лицу.

— Диагноз я поставил правильно... И что мне было делать?! Я не мог поступить иначе!

Некоторое время мы сидели молча. Предвечерний ветерок шелестел листвою. По темнозеленой траве пробегала зыбь. Из больницы слышался детский плач.

— Вот он и подсказал мне окончательное решение...

— Бессердечие взрослых нечего сваливать на новорожденного! Или дров не могли достать в Лайлаши?

— Дрова-то мы достали... С них все и пошло...

И снова молчание и шорох увядших листьев.

В продолжение всего разговора ни один из нас ни разу вслух не назвал причину нашего раздора. И это говорило о большой душевной боли. Я догадывался, что доктор Апо, как все его здесь называли, больше всех переживает случившееся.

— Но... как бы поступили на моем месте вы — заступник человека и природы, писатель, болеющий душой за будущее? — Аполлон медленным шагом направился к уложенным у ворот штабелям дров и вытащил длинную жердь. — Вот оно, мое мерило!

Я с удивлением посмотрел на жердь.

— Уж не пригодится ли это вместо стетоскопа? — съязвил я.

— Нет, да и вместо пера тоже! — ответил он мне в тон не без ехидства. Потом глубоко вздохнул и начал рассказывать:

— Сидел я на этом самом месте и мерил жердью купленные дрова.

Что ж, главврач сельской больницы должен заботиться и о дровах!

— О дровах-то подумали, а об этой липе — гордости Лайлаши — забыли!

— Нет, — ни о дереве, ни о больнице, ни о людях, что в ней... Быть романтиком, вроде вас, совсем немудрено, а мне пришлось сделать строгий и справедливый выбор...

Аполлон провел рукой по стволу огромной липы.

— Ведь это неотъемлемая часть истории нашего народа! Живой памятник! Сколько раз леса спасали Грузию во времена бесчисленных нашествий! «Зеленый панцирь» был для нее главным убежищем в пору безвременья!

— Вы этого великана не видели, когда он подпирал небосвод... и был для больницы как бы второй кровлей... Вам-то и горя мало! А разве я могу ее забыть? Но ведь речь шла о спасении первой кровли. И разве наша мудрость только в охране старого?..

Я взял в руки трехметровую жердь и попробовал было измерить ею толщину пня, но до противоположного края так и не дотянулся. Меня удивило, что пень изнутри был пуст и даже как будто обуглен.

Как бы отвечая на этот мой жест, Аполлон сказал:

— Бывало, взявшись за руки, шесть человек едва обхватывали этого великана! По высоте дерево не уступало Светицховели, а упало — и вот...

— Так зачем же вы срубили его? Зачем? — Я почти кричал. Из окон выглянули сестры в белых халатах.

— Пора измерять температуру! — обратился к ним Аполлон. — Дайте больным ужин... Вечером обход будет поздно — у нас почетный гость! — И он крикнул отошедшим от окна сестрам: — Присмотрите за новорожденными... Проследите, чтоб матери вовремя кормили младенцев! — Потом повернулся ко

мне: — Под этим деревом мы часто принимали комиссии и консилиумы созывали. До того, как была построена больница, тут собирались старейшины села Лайлаши. А теперь от липы один пень остался...

Из открытых окон больницы донесся детский плач... Там, за окном, плакали новорожденные, верно, силась выпростать ручки из пеленок, а тут лежало дерево-исполн с обломанными ветвями, неподвижно, точно похолодевший труп.

Тогда доктор сидел там же, где сейчас сидел я. Именно этой жердью уперся он в основание дерева, пытаясь встать; но совершенно неожиданно жердь проткнула древесную кору и легко вошла внутрь. В лайлашской липе образовалась огромная полость. При тщательном осмотре обнаружилось, что вся сердцевина дерева-богатыря давно превратилась в труху. Под угрозой оказалось и здание, и, конечно, больные. Поднялся переполох. Немедленно были извещены все, от кого зависела и кого тревожила судьба больных, здания и дерева. И чудо — всеобщая любовь к липе-исполину возобладала! Все село сбегалось к ней, крепко призадумались все до единого.

Кого тут только не было — и председатель сельсовета, и учителя с учениками, и секретарь парторганизации, и врачи, и даже больные... И уж, конечно, работники лесничества и опытной станции, председатель колхоза и агроном... и даже старики — разве могли они усидеть дома? Народу все прибывало. Все, глядя вверх, высказывали свое мнение. Споры разгорелись с самого же начала. Такого боевого схода в Лайлаши никто не помнил. Зияющее дупло все видели своими глазами; видели, что дерево вот-вот переломится пополам, и все же не могли в это поверить. Лет пятьсот ведь простояло, и с чего бы вдруг переломиться ему

именно теперь? Но чем помочь? Чего только не придумывали, чего не предлагали! И лечение химикатами, и хирургическое вмешательство — обрубить могучие ветви и тем самым облегчить стволу тяжелую ношу. Были и такие, что требовали перенести больницу в другое место. Родилась мысль зацементировать дерево изнутри. Но тут же было подсчитано, что на это потребуются такое количество раствора, что его хватило бы на трехэтажную больницу. Село и район согласны были на эти затраты, однако спасение дерева все-таки оставалось под вопросом. А угроза была несомненна. Но никто не высказывался за то, чтоб его срубить.

Крона горделивого дерева-исполина была невозмутимо спокойна, зато под деревом многие не на шутку разволновались. И в первую очередь — главный врач.

— Это же ведь не моя собственность! Ведь и липа ваша, и больница! А больные и роженицы — под угрозой. А в этих спорах да сомнениях как бы нам не потерять их! Выбор неизбежен, и притом беспощадный. — Доктор помолчал и продолжал: — Дерево точит гангрена! Будь это человек, я бы знал, как поступить...

— У этого живого памятника старины особая судьба! Какая там гангрена? — загорячился учитель.

— Вся ваша больница не стоит и одной ветви с этой липы! — закричал лесничий.

— Полтысячи лет простояло это чудо природы! — пробасил агроном.

— Если дерево постарело, так давайте отпустим его на почетную персональную пенсию! — взорвался председатель колхоза. — Разве не под ним мы основали наш колхоз?!

— А вы мне дайте возможность лечить людей в безопасности! До сих пор липа была для больницы второй кровлей, а сейчас нависла над ней, как страшная угроза! Это

дерево — уже мертвец! Труп надо воздать почести и похоронить, не то от него живым не поздоровится! Дерево или больница — бросайте жребий!

— Цветет твой «труп»! Пока стоит крепко! И нас самих да и наших внуков, пожалуй, переживет! — расшумелись спорщики.

— Как бы моих больных и рожениц не пережил — вот чего я опасюсь!.. А это дерево я не меньше вас люблю!

— Ну, тогда сам решай! И грех на себя бери!

В конце концов ответственность свалили на врача. Ничего не решив, разошлись.

Подчас человеку труднее, видно, пожертвовать деревом, чем себе подобными.

После схода Аполлон едва уговорил двух рабочих обрубить хоть ветви. Вся округа собралась, чтоб поглазеть, как ветки с треском и шумом падали наземь.

Однако на исполнение пока ничего не было заметно. Он все еще казался целым лесом, стоящим на одной ноге.

Вдруг в толпе раздался крик. Размахивая какой-то бумагой, к дереву бежал хромой сторож сельсовета. Где-то в высших кругах решили до поры до времени пощадить великана.

Летом над Лечхуми бушевали вихри. Грозно нависала зеленая кровля над крышей больницы.

Неисцелимый недуг теперь уже явно и стремительно разъедал огромное тело дерева.

В то утро ветер усилился, цветы и листья на липе затрепетали, как живые, поминутно меняя окраску. Дерево то серебрилось, то ярко зеленело, то становилось будто седым. А из разверстой пасти у основания слышался глухой стон. В больнице натужно кричала роженица. Там тоже шла ожесточенная борьба между жизнью и смертью. Аполлон в белом халате, красный

и растерянный, метался между деревом и женщиной... Без сна провел он эту ненастную ночь. Трудное было у него дежурство — все висело на волоске!

Разразился ливень. Загремел гром. А липа все стояла. Стояла и больница. Больные, накинув на себя кто халаты, кто одеяла, повскакали с кроватей, только и ожидая знака от доктора, куда бы укрыться. Лежала одна роженица.

Аполлон поручил притихшую на время больную заботам акушерок, а сам поспешил к дереву. Он едва держался на ногах, но тревожился лишь о том, устоит ли «на ногах» великан.

Дождь хлестал по липе. По стволу дерева, и снаружи, и внутри стекали струйки воды, вымывая из дупла черную трухлявую древесину. Откуда-то сверху в ствол проник свет — зияющая рана появилась на дереве и у верхушки.

Аполлон сел под деревом и посмотрел вверх. Вдруг ему показалось, что могучий ствол дерева и ветви наклонились в сторону больницы.

— Выводите всех, кроме роженицы! — крикнул он во весь голос.

Доктор проследил, как бежали к кухне полуодетые больные. Он отлично знал, у кого какая температура и какие болячки.

Последним вывели старика на костылях. У него тоже была гангрена, и сегодня ему предстояло отнять ногу!.. Но как быть с деревом-великаном? Его ведь не поддержишь костылями!

В этот момент из открытого окна больницы послышался плач новорожденного.

Аполлон послал человека за лесорубами, а сам вбежал в свой кабинет. Долго звонил по телефону... Словно всему свету хотел возвестить:

— Липу рублю!.. По чьему распоряжению?.. Да вот новорожденный тут плачет в родильной. Что я ему назначил?.. Мирное небо — квантум сатис! Я не снимаю с себя ответственности, вроде некоторых... Жребий брошен! Чего касается? Старой липы прежде всего, а затем — всего того, что угрожает жизни! Да...

Рубить дерево начали сверху. Цветущая липа как бы обнажилась. Во дворе полег целый лес. Наконец верхушку обмотали длинным тросом и в дальнем конце двора прикрепили его к балке конюшни.

Ударили топором по могучему стволу.

Вздрогнуло старое дерево.

Дерево наклонилось вслед за собственной тенью и с протяжным стоном рухнуло наземь.

Падая, дерево задело ветхий угол кухни и снесло его. На минуту все смолкло. У главврача текли по лицу слезы, он не старался скрыть их.

Хотя солнце клонилось к закату, его лучи теперь безудержно хлынули на больницу.

Мне было стыдно своей вспыльчивости. Я понял, что у этого упряма, сухого на первый взгляд человека, глубоко в сердце запрятана великая любовь к человеку, к природе.

Мы обошли источенное временем дерево и отправились взглянуть на новорожденного. А нас неотступно преследовали все еще сильный запах липового цвета и неистовое гудение пчел.

...В жизни мы постоянно стоим перед каким-либо выбором. И я понял — он всегда будет правильным, если мерилom нам служат доброта и любовь.

Белла АХМАДУЛИНА

ДОЖДЬ

Главы из поэмы

Со мной с утра не расставался Дождь.
— О отвяжись! — я говорила грубо.
Он отступал, но преданно и грустно
Вновь шел за мной, как маленькая дочь.

Дождь, как крыло, прирос к моей спине.
Его корила я:
— Стыдись, негодник!
К тебе в слезах взывает огородник!
Иди к цветам!
Что ты нашел во мне?

Меж тем вокруг стоял суровый зной.
Дождь был со мной, забыв про все на свете;

Вокруг меня приплясывали дети,
Как около машины поливной.

Я, с хитростью в душе, вошла в кафе.
Я спряталась за стол, укрытый нишей.
Дождь за окном пристроился, как нищий,
И сквозь стекло желал пройти ко мне.

Я вышла. И была моя щека
Наказана пощечиною влаги,
Но тут же Дождь, в печали и отваге,
Омыл мне губы запахом щенка.

Я думаю, что вид мой стал смешон.
Сырым платком я шею обвязала.
Дождь на моем плече, как обезьяна,
Сидел.
И город этим был смущен.

Обрадованный слабостью моей,
Он детским пальцем щекотал мне ухо.
Сгущалась засуха. Все было сухо.
И только я промокла до костей.

Но я была в тот дом приглашена,
Где строго ждали моего привета,
Где над янтарным озером паркета
Всходила люстры чистая луна.

Я думала: что делать мне с Дождем?
Ведь он со мной расстаться не захочет.
Он наследит там. Он ковры замочит.
Да с ним меня вообще не впустят в дом.

Я строго объяснила:
Доброта
Во мне сильна, но все ж не безгранична.
Тебе ходить со мною неприлично.
Дождь на меня смотрел, как сирота.

— Ну, черт с тобой, — решила я, — иди!
Какой любовью на меня ты пролит?
Ах, этот странный климат, будь он проклят!
Прощенный Дождь запрыгал впереди.

Хозяин дома оказал мне честь,
Которой я не стоила.

Однако,
Промокшая всей шкурой, как ондатра,
Я у дверей звонила ровно в шесть.

Дождь, притаившись за моей спиной,
Дышал в затылок жалко и щекотно.
Шаги — глазок — молчание — шеколда.
Я извинилась:
Этот Дождь со мной.

Позвольте, он пробудет на крыльце?
Он слишком влажный, слишком
удлиненный

Для комнат.
— Вот как? — молвил удивленный
Хозяин, изменившийся в лице.

Признаться, я любила этот дом.
В нем свой балет всегда вершила
легкость.

О, здесь углы не ушибают локоть,
Здесь палец не порежется ножом.

Любила все: как медленно хрустят
Шелка хозяйки, затененной шарфом,
И, более всего, плененный шкафом —
Мою царевну спящую — хрусталь.

Тот, в семь румянцев розовевший спектр,
В грубу стеклянном, мертвый и
прелестный.

Но я очнулась. Ритуал приветствий,
Как опера, станцован был и спет.

Хозяйка дома, честно говоря,
Меня бы не любила непременно,
Но робость поступить несовременно
Чуть-чуть мешала ей, что было зря.

— Как поживаете? (О блеск грозы,
смирный в тонком горлышке гордячки!)
— Благодарю, — сказала я, — в горячке
Я провалялась, как свинья в грязи.

(Со мной творилось что-то в этот раз.
Ведь я хотела, поклонившись слабо,
Сказать:

— Живу, хоть суетно, но славно,
Тем более, что снова вижу Вас.)

Она произнесла: — Я вас браню.
Помилуйте, такая одаренность!
Сквозь дождь! И расстоянья отдаленность!
Вскричали все: — К огню ее! К огню!

Когда-нибудь, во времени другом,
На площади, средь музыки и брани,
Мы б свидеться могли при барабанах,
Вскричали б вы:
— В огонь ее, в огонь!

За все! За Дождь! За после! За тогда!
За чернокижье двух зрачков чернейших.

За звуки с уст, за косточки черешен,
Летающие без всякого труда!

Привет тебе! Нацель в меня прыжок,
Огонь, мой брат, мой пес многоязыкий!
Лжи мне руки в нежности великой!
Ты — тоже Дождь! Как влажен твой
ожог!

— Ваш несколько причудлив монолог, —
Проговорил хозяин уязвленный.
— Но, впрочем, слава поросли зеленой!
Есть прелесть в поколеньи молодом.

— Не слушайте меня! Ведь я в бреду! —
Просила я. — Все это Дождь наделал.
Он целый день меня казнил, как демон.
Да, это Дождь меня вовлек в беду.

И вдруг я увидела — там, в окне,
Мой верный Дождь один сидел и плакал.
В моих словах двумя слезами плавал
Лишь след его, оставшийся во мне.

Все, Дождь, тебе припомнится потом!
Другая гостя, голосом глубоким,
Осведомилась:
— Одаренных богом
Кто одаряет? И каким путем?

Как погремушкой, мной гремел озноб:
— Приходит бог, преласков и превесел.
Немного старомоден, как профессор,
И милостью ваш осеняет лоб.

А далее — летите вверх и вниз,
В кровь разбивая локти и колени
О снег, о воздух, об углы Кваренги,
О простыни гостиниц и больниц.

Василия Блаженного, в зубах,
Тот острый купол, помните! Представьте —
Всей кожей об него!
— Да вы присядьте! —
Она меня одернула в сердцах!

Хозяйка налила мне коньяка:
— Вас лихорадит. Грейтесь у камина.
Прощай, мой Дождь!
Как весело, как мило
Принять мороз на кончик языка!

Как крепко пахнет розой от вина!
Вино, лишь ты ни в чем не виновато.
Во мне расщеплен атом винограда.
Во мне горит двух разных роз война.

Вино мое, я твой заблудший князь,
Привязанный к двум деревьям склоненным.
Разъединяй! Не бойся же! Со звоном
Меня со мной пусть разлучает казнь!

Я делаю все больше, все добрей!
Смотрите — я уже добра, как клоун,

Вам в ноги опрокинутый поклоном!
Уж тесно мне средь окон и дверей!

О, господи, какая доброта!
Скорей! Жалеть до слез! Пасть на колени!
Я вас люблю! Застенчивость калеки
Бледнит мне щеки и кривит уста.

Что сделать мне для вас хотя бы раз?
Обидьте! Не жалейте, обижая!
Вот кожа моя — голая, большая,
Как холст для красок! Чист простор для
ран!

Я вас люблю без меры и стыда!
Как небеса, круглы мои объятия.
Мы из одной купели. Все мы братья.
Мой мальчик, Дождь! Скорей иди сюда!

Прошел по спинам быстрый холодок.
В тени раздался страшный крик хозяйки.
И ржавые, оранжевые знаки
Вдруг выплыли на белый потолок.

И — хлынул Дождь! Его ловили в таз.
В него вливались веники и щетки.
Он вырывался. Он летел на щеки,
Прозрачной слепотой вставал у глаз.

Отглясывал нечаянный канкан.
Звенел, играя в хрустале воскресшем.

Дом над Дождем уж замыкал свой
скрежет,
Как мышцы обрывающий капкан.

Он, с выраженьем ласки и тоски,
Паркет марая, полз ко мне на брюхе,
В него мужчины, поднимая брюки,
Примерившись, вбивали каблук.

Его скрутили тряпкой половой
И выжимали, брезгуя, в уборной.
Гортанью, вдруг охрипшей и убогой,
Кричала я:
— Не трогайте, он мой!

Хозяин дома прошептал:
— Учти,
Еще ответишь ты за эту встречу!
Я рассмеялась:
— Знаю, что отвечу.
Вы безобразны. Дайте мне пройти.

Пугал прохожих вид моей беды.
Я говорила:
— Ничего. Оставьте.
Пройдет и это.
На сухом асфальте
Я целовала пятнышко воды.

Земли перекалялась нагота,
И горизонт вокруг города был розов.
Повергнутое в страх Бюро прогнозов
Осадков не сулило никогда.

Тбилиси — Москва

Теймураз МАГЛАПЕРИДЗЕ

У ш б а

П О В Е С Т Ъ

Перевод с грузинского И. Даднани

I

Старенький, дребезжащий стеклами автобус с грохотом съехал по спуску и остановился у досчатого мостика. Ладо и шофер быстро соскочили с машины. Открыв багажник, шофер ждал, пока парень искал свой чемодан и рюкзак.

Автобус был битком набит пассажирами. Небритые мужчины в сванских шапках угрюмо молчали и беззастенчиво рассматривали незнакомца. Ладо чувствовал на себе их назойливые взгляды и мечтал поскорее остаться один. Шофер включил стартер. Автобус осторожно проехал по шаткому мостику, спустился на проселок и вскоре исчез.

Ладо, с трудом удерживая равновесие на скользких, поросших мхом валунах, сбежал по тропинке к мутной речонке и, набрав полные пригоршни холодной воды, несколько раз облил лицо. Повеселев и набравшись сил, поднялся он на дорогу и легко вскинул на плечи свои пожитки.

Дорога шла вдоль реки. Ущелье, словно коридор, разделяло поросшие сосновым лесом горы; они примыкали к красноватым, лишенным растительности хребтам, а над всем этим царила величественная в своей недоступности Ушба. На ее почерневшем и растресканном теле, словно украшения, были рассыпаны пятна сверкающего белого снега.

За рекой желтели скошенные луга ячменя. Ладо, прищурившись, смотрел на Ушбу.

На дороге показалась женщина. Она крепко сжимала в руках серп. Из-под темной косынки виднелись одни лишь глаза.

— Что это за деревня? — спросил ее Ладо.

Повесть печатается с сокращениями.

Женщина окинула незнакомца равнодушным взглядом — видно, приняла его за туриста.

— Доласуфи, — ответила она, собираясь уходить.

— А та, что виднеется вверху?

— Ушхванари.

— Мне нужна школа, — не отставал от нее Ладо.

— Школа? А для чего она тебе?

— Я учитель, — сказал Ладо, улыбаясь, — примете?

— Конечно, батано, с радостью. — Голос у женщины сразу изменился. — А школа, вон она, видите, белое здание.

— Спасибо.

— Не за что, батано... Дайте, я хоть вещи ваши снесу, вы, верно, устали с дороги.

— Нет, нет, как можно!

— Почему же? А вы сами из Тбилиси, или...

— Да, из Тбилиси.

Женщина шла рядом с ним, показывая дорогу.

— Скоро показался белый двухэтажный дом. Ладо свернул во двор. На

перекошенных столбах была натянута волейбольная сетка, у лестницы мальчишки толпились вокруг мотоцикла марки «ИЖ».

— Директор здесь? — спросил Ладо.

— Да, — ответил один.

— Пошли, покажешь, где он сидит.

Мальчик был в коротких штанишках, без рубашки. Ладо улыбнулся, посмотрев на его необычайно серьезное веснушчатое лицо. На лестнице он обхватил его за плечи, желая поднять, но мальчишка выскользнул у него из рук.

— Я тяжелый, — гордо заявил он.

Кабинет директора находился на втором этаже. Ладо сложил поклажу у дверей и ласково потрепал мальчишку.

— А теперь валяй. Я скоро вернусь.

Директор и завуч, Темраз Джачвлиани, составляли списки годовой нагрузки учителей.

— Здравствуйте, — поздоровался с ними Ладо.

Он стоял в дверях, широко расставив ноги и засунув руки в карманы своих чересчур узких брюк. Пестрая рубашка была расстегнута и обнажала его загорелую мускулистую грудь.

— Здравствуй, — ответил Темраз.

— У вас ко мне дело? — спросил директор, одетый в военный китель, застегнутый на все пуговицы.

— Да...

— Подождите меня за дверью.

Темраз неодобрительно покачал головой и с деланным интересом углубился в бумаги.

— А здесь нельзя?

Директор нахмурился.

— Я сам вас позову.

Ладо, вместо того чтобы выйти, шумно придвинул к себе стул и уселся прямо перед директором.

Наступило неловкое молчание. Ладо с безразличным видом глядел в освещенное солнцем окошко.

— Что вам нужно? — спросил наконец директор.

— Я сегодня прилетел из Тбилиси; Местийский районо направил меня к вам на работу.

Ладо достал из кармана брюк смятое направление из отдела образования и протянул директору. Тот принялся внимательно читать.

— Ладо Иашвили? Понятно. Вы кончали университет?

— Да, филологический факультет.

— Отлично, — сказал директор, — очень приятно.

— И мне тоже.

Оба замолчали.

Комната была небольшая. На стене висел портрет Ленина, под ним плакат: «Успешно встретим 1958—59 учебный год!»

— Что нового в Тбилиси? — спросил Темраз.

— Мир и благополучие.

— Это хорошо.

Темраз, подперев рукой щеку, с улыбкой глядел на Ладо.

— Будем знакомы, — сказал директор, — меня зовут Вано Вездени, а это мой заместитель.

Темраз с силой пожал руку Ладо.

— Вы подспели как раз вовремя, — обратился директор к Ладо. — Мы сейчас распределяли ваши часы другим учителям.

— Да, я немного запоздал.

— Для вас осталось всего семнадцать часов.

— Ничего, — достаточно и этого. Можно идти? — Последние слова Ладо произнес подчеркнuto вежливо. Директор заметил в его словах скрытую иронию, но не подал вида.

— Пожалуйста, идите.

Ладо вышел, кивнув обоим на прощание. Директор взглянул на Темраза.

— Не нравится мне этот парень!

— Что он будет делать здесь без квартиры?

— Пусть не думает, что это Тбилиси!

Директор поднялся. Он был высок и плечист. Седые, прямые волосы падали ему на лоб.

— Видели мы таких! — сказал он, криво усмехаясь.

— Пойду, помогу парню устроиться. — Темраз поднялся, взял свою шляпу и вышел.

Во дворе мальчишки уже вместе с Ладо рассматривали мотоцикл и о чем-то оживленно спорили. Увидев Темраза, все сразу притихли.

— Ну и как? Что же постановили? Хорош? — спросил Темраз.

— Очень! — несмело раздалось с разных сторон.

— А хозяин и того лучше! — со смехом добавил Ладо.

— Ты здесь новый человек и судить о людях тебе еще рано, — заметил Темраз.

Он нагнулся, намереваясь взять вещи Ладо, но тот успел опередить его.

Дорога шла вдоль реки, земля пылала зноем.

— Какая покоряющая тишина. Валяйся в тени и спи, — сказал Ладо.

— Здесь всегда так в жару.

— Я представлял себе Сванетию совсем иной!

— Да ты ведь не знаешь еще Сванетии, — улыбнулся Темраз.

В солнечных лучах сверкала белизной прибрежная галька. Речка с оглушительным шумом катила свои волны. На илистом лугу, отмахиваясь хвостами от надоедливых мух, паслись гнедые. Ладо оживился, глаза у него заблестели, по телу прошла дрожь. Бросив свои вещи на дороге, он стремительно направился к лугу. Ладо медленно приближался к лошадям. Лошади насторожились и лениво отодвинулись, готовые в любую минуту пуститься вскачь. Ладо вдруг притнулся и вскочил на крайнюю лошадь.

Сначала он повис на ней плашмя, потом стремительно подтянул все тело и изо всех сил вцепился ей в гриву. Остальные лошади с ржанием и топотом ускакали. Лошадь дернулась, поднялась на дыбы и принялась гарцевать. Ладо прилип к ней, как клещ. Он начал колотить ее каблукми по бокам и, отчаянно гикнув, погнал взбесившуюся лошадь по проселку.

Темраз, нахмурившись, глядел на желтую пыль, взметнувшуюся в небо. Потом он взял вещи Ладо и пошел вперед по дороге. Вскоре за поворотом показался Ладо. Одежда его запыхалась, одна штанина прорвалась на колене. Лошадь, пофыркивая, рядом щипала траву. Было заметно, что она хромает на переднюю ногу.

— Вредная! — сказал Ладо. — Верно, ее учили иноходи, да неудачно, споткнулась и, как мяч, сбросила меня на землю.

— Считай, что тебе повезло, — укоризненно сказал Темраз, — живым остался.

— Действительно.

— Будь осторожнее, это Сванетия.

Ладо взглянул на Ушбу.

— Знаю.

— Скажи, ты сам захотел сюда приехать?

Ладо немного помедлил с ответом.

— Было место, искали желающих...

— И ты решился?

— А что тут особенного?

— Тебе здесь будет трудно.

— Посмотрим.

Миновав подъем, они подошли к каменной ограде, за которой виднелся дом. В узеньком проходе валялись огромные нераспиленные бревна. Пахло навозом и свежескошенной травой.

— А вот и мой дворец, — произнес Темраз. — Добро пожаловать.

* * *

Свет от лампочки, тускло освещая большую, почти пустую комнату, разрисовал ее таинственными, желтоватыми тенями. За стол уселись вдвоем. Хозяйка выложила свежее сулгуни, жареный картофель, ветчину, круглые хлебцы, чиствари¹ и бутылку домашней водки.

Теро, супруга Темраза, была одета во все черное и казалась старше Темраза.

— Угощайтесь, батона, — пригласила она Ладо.

— А вы не присядете?

Теро, покачав головой, отказалась и вышла на балкон. Темраз взял бутылку и налил водку в небольшие граненые стаканчики. На дворе шумели дети. Их было четверо и еще Мациса, племянница Теро.

— Мациса, угомони ребят! — крикнул Темраз.

Голоса тотчас стихли. Темраз поднял стакан и чокнулся с Ладо.

— Будем здоровы!

— Будем здоровы... Мир дому сему!

II

Прозвенел звонок. Ладо, взяв журнал, направился к дверям девятого класса. Он нервничал, но это беспокойство доставляло ему какое-то внутреннее удовлетворение. Ладо был уверен, что произведет на ребят

¹ Чиствари — кукурузные лепешки, выпеченные вместе с сыром.

должное впечатление, но, столкнувшись с двадцатью парами детских глаз, растерялся. Держался он натянуто и неестественно. Он смотрел на всех и никого не видел. Ладо не знал, как поступить, что предпринять. Позднее он понял, что ученики ждут позволения сесть.

— Садитесь, — произнес он изменившимся от волнения голосом. Он собирался сесть и сам, но стула не оказалось на месте, и Ладо пошатнулся. Раздались смешки. Это заставило Ладо очнуться, и он немного овладел собой. Постепенно Ладо стал различать лицо каждого ученика в отдельности. Он раскрыл журнал и принялся читать список, внимательно рассматривая каждого. Дети были одеты в сшитые на деревенский манер ситцевые платья и в сатиновые блузы. У всех были добрые, простодушные лица.

— Шамприани Мациса! — прочел он в конце списка.

Скромное, прямого покроя платье Мацисы обрисовывало худенькие девичьи плечи. Волосы были заплетены в одну косу.

Ласково улыбувшись, Ладо знаком велел Мацисе сесть, закрыл журнал и поднялся.

Он видел, с каким интересом смотрят на него ученики. Нужно было сказать что-то такое, чем он сразу смог бы завоевать их доверие. Тысячи мыслей роились у него в голове, но слова не клеились.

— Сегодня я провожу свой первый урок, — начал он волнуясь, — быть может, не все у меня сойдет гладко...

Он несколько успокоился и начал говорить увереннее. Волнение его исчезло, и вдруг сразу нашлись нужные слова. Ладо продолжал говорить и все время смотрел на Мацису — так было легче. А Мацисе все казалось необычным в новом учителе: его узкие брюки и широко распахнутый ворот, не свойственная сванам речь и настойчивый взгляд карих глаз.

Класс слушал, затаив дыхание, только мальчишка с последней парты не мог утомиться. Он явно жаждал, чтобы и его присутствие было замечено. Схватив Мацису за косу, он что-то шепнул ей по-свански. Мациса, ничего не ответив, выдернула косу.

— Что случилось? — Ладо подошел к Мацисе.

— Он говорит: «Что ты уставилась на учителя?».

Мальчишка самодовольно улыбнулся. Мациса зарделась. Нить урока оборвалась. И учитель и ученики сразу же это почувствовали.

— Учитель, правда, что ты из Тбилиси приехал? — спросил мальчишка.

— Как тебя зовут? — не отвечая на вопрос, спросил Ладо.

Мальчик вскочил, вытянулся и гаркнул во весь голос:

— Коста, уважаемый учитель!

Ребята громко рассмеялись.

— А ты, оказывается, шутник, Коста. — Ладо улыбнулся, несмотря на свою злость. Мальчику стало неловко. Ладо подошел к нему, взял за руку. — А ты, оказывается, еще и силич?

— Ну, а как же! — обрадовался Коста.

Мальчик бесстрашно протянул Ладо свою крепкую, словно заостренную к концу, правую руку. Спокойный голос учителя не предвещал ничего дурного. Ладо слегка сжал ее. Мальчик насмешливо улыбнулся и победоносно глянул на товарищей. Ладо с силой сжал руку мальчика, тот вскрикнул, дернулся, пытаясь высвободиться, но Ладо не отпускал, все сильнее сжимая его руку. Мальчик весь сжался, согнулся.

— Больно... — крикнул он.

Ребята вскочили со своих мест и плотным кольцом окружили их. Ладо отпустил руку мальчика. От боли у Коста даже выступили слезы на глазах. Он сосредоточенно принялся дуть на слипшиеся пальцы.

— Так тебе и надо! — не сумев скрыть своего торжества, сказала Мациса.

— Продолжим урок! — как ни в чем не бывало объявил Ладо.

Ученики расселись по партам и затихли. Ладо снова ощутил свою власть, но у него не было уже прежнего интереса к уроку. Он видел через окно, как голенький мальчишка бегал за резвящимся теленком. Ладо, прищурив глаза, молча наблюдал за происходящим во дворе. Ему трудно было заставить себя повернуться лицом к классу.

А ученики, затаив дыхание, ждали. В это время по коридору, звоня, прошел сторож.

— Этот урок ушел у нас на знакомство, — глухо проговорил Ладо. Дети молчали. Коста обиженно дулся.

— Не беда! — решил наконец произнести кто-то.

— Ясное дело — не беда! — сказал Ладо и вышел из класса.

Он направился к учительской. Ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями и сомнениями.

Темраза не было.

Учителя сидели за длинным столом. Суровые, морщинистые лица их загорели и обветрились от дождей и ветров, руки огрубели от работы. Каждый был погружен в свои мысли, и на вошедшего никто не обратил внимания.

Откуда-то послышался плач младенца. Учительница первого класса поспешно пересела на стул поодаль и стала кормить младенца, который, оказывается, был здесь же, в учительской.

Ладо вышел из комнаты.

Воздух был насыщен влагой. Где-то далеко грянул гром, сверкнула молния. Вокруг все замерло, затаилось. Начался ливень. Маленькие и большие ручейки разрисовали песчаные тропинки. Ладо быстро намок и, увидев читальню, решил войти. От непогоды и здесь было темно. Пахло книгами. Возле полок стояла девушка. Она сосредоточенно листала какую-то книгу. Ладо поздоровался и присел на бревенчатую скамью, стоящую у стены.

— Я помешал вам?

— Нет, что вы.

Они помолчали.

— Есть у вас хорошие книги?

— Мало.

— Почему же не присылают?

— Местиа себе оставляет, — с обидой сказала девушка.

— Я вас отвлек, занимайтесь, пожалуйста, своим делом, я подожду,

пока прояснится.

Дождь все еще лил.

— Здесь так бывает, — сказала она, как бы извиняясь.

— Как вас зовут? — спросил Ладо.

— Кету, — ответила девушка.

— А меня — Ладо.

— Знаю, — смутившись, сказала она, — здесь ведь не город.

И оба снова замолчали.

На окно словно накинули завесу дождя. В библиотеке было тепло и спокойно, и Ладо нравилось это.

— У вас был урок? — решила спросить Кету.

— Сегодня, первый.

— Трудно пришлось?

— Да, было нелегко.

— Вам сорвали урок?

Ладо развел руками:

— Чего уж таить...

— Вот не думала... — с робкой улыбкой заметила Кету.

Ладо хотелось спросить — почему, но не решился.

— А дети мне понравились, — сказал он, — я рад, что буду работать с ними.

— Вы не похожи на наших учителей.

Ладо с интересом посмотрел на нее.

— Чем же?

— Не знаю.

Кету, смутившись, отвела взгляд своих голубых глаз, обрамленных длинными ресницами. Она открыла окно. В комнату ворвался резкий запах мокрого сена и влажной земли. Ладо поднялся, ему захотелось туда, под дождь.

— Но ведь льет... вы намокнете....

— Иногда хорошо пройтись во время дождя...

Он вышел, тяжело ступая. Кету смотрела в окно вслед ему. Неожиданно Ладо обернулся, улыбнулся и помахал ей рукой.

III

Наступила осень. Лес запестрел тысячами разных красок. Солнце все еще игло. На дорогах виднелись груженые сеном арбы. Быки двигались медленно, лениво, порой казалось, что они стоят на месте.

На окраине деревни, там, где начинались колхозные поля, крестьяне возводили стену нового дома.

— Поди-ка сюда! — позвал его мужчина с черными закрученными кверху усами. Видно, он был у них за главного.

— День добрый! — по-свански поздоровался с ними Ладо.

— Выучился по-нашему! — сказал мужчина, пряча довольную улыбку.

Остальные тоже почтительно заулыбались.

— Что вы строите? — спросил Ладо.

— Школу, — пояснил усач. — А то жалко детей зимой. Ваша-то далеко.

— Зима у вас, верно, длинная?

— Ну, а как же? Да ты увидишь сам. — Он повернулся к товарищу: — Дай водку.

Крестьяне с уважением глядели на Ладо. Усач наполнил маленький бычий рог.

— Ну-ка, пожелай нам успеха!

— Будьте здоровы, хорошее вы дело начали, желаю успеха.

Водка оказалась очень крепкой, двойной перегонки. После Ладо выпил усач, потом рог передали другим.

Вторым тостом благословили гостя. Немногословно, почтительно.

— Налейте еще один, — попросил Ладо.

— Понравилось? — Усач расплылся в улыбке. — Сам варил!

— А теперь — за ваше здоровье... За ваше мужество, за Ушбу!

— Хорош парень! — сказал усач, когда Ладо отошел.

Все снова взяли за работу.

Ладо вышел на безлюдный, скошенный луг, который примыкал к самому подножью Ушбы. Водка разогрела парня, ему стало жарко. Он снял блузу. Прищурив глаза, Ладо смотрел на солнце, и вдруг им овладела неопишуемая радость. Он радовался, что у него такое крепкое и гибкое тело, что перед ним возвышается Ушба, что палит солнце. Ладо впитывал в себя запахи земли и скошенных трав, пестреющего леса и снежных вершин.

Ощущение это заполнило его до краев. Ладо запел какую-то никому неведомую песню, не замечая, что сам сочинял ее в это мгновение.

Он разлегся у кустарника, на опушке леса. Прохладная, колючая трава обжигала его голую спину. Ладо перевернулся навзничь, спрятал лицо в траву и словно слился с землей.

Чей-то взволнованный разговор вывел его из приятного оцепенения. В эту минуту ему никого не хотелось видеть. Он незаметно перебрался в густой кустарник, но голос женщины показался Ладо настолько знакомым, что он не вытерпел и оглянулся. Это была Кету. Колхозный шофер Чопе Вездени, схватив ее за руку, силой удерживал девушку на дороге.

— Не позорь меня! — кричал Чопе.

— Оставь...

Ладо слегка раздвинул кусты, затаился.

— Ты понимаешь, о чем я тебе говорю?

— Нет! Нет! — Кету попыталась высвободиться, но Чопе схватил ее за плечо и привлек к себе.

— Все смеются надо мной — невеста, говорят, тебя бросила...

Ладо чуть не задохнулся, так быстро забилося у него сердце.

— Ты моя невеста, понимаешь?

— Нет! Нет!

— Кету...

В голосе его послышалась мольба. Кету молча, с ожесточением сопротивлялась. Под конец, теряя силы, она впилась зубами в его плечо. Чопе коротко вскрикнул, отпустил ее на секунду, потом изо всей силы ударил правой рукой по лицу. Кету пошатнулась, но, быстро придя в себя, гордо выпрямилась и застыла, словно изваяние.

— Бей еще!

Чопе посмотрел на свою руку и тихо отступил.

Охваченный яростью, Ладо перепрыгнул через кусты, ринулся на Чопе и со всего размаху ударил его по лицу. Чопе пошатнулся, руки его бессильно повисли, но он все же устоял на ногах.

Он потер тыльной стороной ладони пылающую щеку.

— Я прирежу тебя, как свинью... — Чопе вытащил из ножен висевший за поясом охотничий нож. Ладо весь похолодел. Он безнадежно смотрел на свои безоружные руки. Внезапно его осенило. Он пригнулся и схватил лежащий на дороге большой, заостренный камень.

— Ну-ка, подойди теперь! — злобно крикнул он.

— Брось сейчас же! — сказал хрипло Чопе.

— Бросай и ты!

Они молча мерили друг друга взглядами. Чопе колебался, Ладо — выжидал. Наконец, Чопе сложил нож.

— Я еще с тобой рассчитаюсь! — пригрозил он, уходя.

Ладо вздохнул с облегчением и присел на обочину дороги. Лишь некоторое время спустя он вспомнил о девушке, но ее уже не было. Ладо отыскала свою рубашку, оделся и пошел к деревне.

...И вдруг возле стога свежекошенного сена он увидел Кету. Она вытерла полные слез глаза и попыталась улыбнуться. На девушке было зеленое платье, четко обрисовывающее ее гибкое тело.

Ладо молча остановился перед ней. Ни он, ни она не знали, что сказать друг другу. В воздухе стоял сладковатый, пьянящий запах свежекошенной травы.

Ладо нерешительно поднял руку и осторожно провел ею по волосам, Кету.

— Какие у тебя хорошие волосы.

Кету опустила голову.

— Пойдем отсюда... Хорошо?

— Да...

Голубые глаза ее светились благодарностью, в них отражалась невысказанная печаль и мольба. Сердце Ладо наполнилось нежностью. Он ласково сжал ее руку, хотел утешить, что-то сказать, но ничего не мог придумать.

* * *

Темраз, сидя во дворе, обтачивал новые полозья для саней¹. Ладо присел возле него на землю. Около бревенчатого хлева стояли быки и лениво что-то жевали.

— Старые сломались?

— Да! Не сумел удержать сани на крутом подъеме. Перевернулись. Измучил я быков и сено не смог довести до дому.

— Сколько хлопот у вас из-за этого сена.

— Э, да это еще что, иногда мы косим в таких местах, где трудно даже ступить. Один неверный шаг — и свалишься... А ты попробуй еще везти оттуда сено. Мы скидываем его, а потом на спине тащим до дороги.

— Трудно вам, — проговорил Ладо.

— Трудно. Да я и сам понимаю. Иногда не знаешь, о чем думать, о школе или о том, где достать сено, чтобы хватило на зиму. Тогда я вспоминаю Важа Пшавела. Он целый день мог работать с косой в руках, а ночью при свете костра писать своего «Гостя и хозяина». У меня на это сил никогда не хватит. В университете про мою дипломную работу говорили, если немного расширить, можно опубликовать как кандидатскую. А вот приехал сюда и застрял...

— Да, много еще нужно сделать, — рассеянно заметил Ладо. — Темраз!

— Что?

— Что за девушка Кету Ушхвани?

Темраз вонзил топор в колоду.

— Хорошая. А что?

— Ничего. Просто так спросил.

— Она уже просватана. Знаешь Чопе, брата нашего директора?

— Знаю. Кету, говорят, его не любит.

— Кто тебе сказал?

— Не все ли равно.

— Не знаю. Может быть. Но это ничего не значит.

— Чопе — осел.

— И все-таки она должна выйти за него замуж.

— Как же это?

— Таков закон. Мой тебе совет, ни во что не вмешивайся. Чопе — брат директора. И кроме того...

— Плевать мне на обоих — и на Чопе и на его брата!

— Не петушись. Поверь мне — так лучше.

Они поставили сани на новые полозья, впрягли быков и погнали их за сеном, оставшимся в горах.

Солнце склонилось к закату. Удлинились тени деревьев. Серая туча медленно плыла в сторону Ушбы.

¹ В Сванетии на санях ездят круглый год.

Было воскресенье. Ладо нехотя просматривал материалы завтрашних уроков.

В окно он видел, как куры, хлопая крыльями, прыгали на насест. С балкона доносились звуки пандури и негромкое пение. Это пела Мациса. Ладо встал. Он сложил книги и вышел на балкон.

Теро накинула поверх черного платья телогрейку без рукавов. Из-под косынки виднелись ее зеленые глаза.

— Где Темраз? — спросил Ладо.

— В Доласуфи, — ответила она, не поднимая головы. — Пошел за отрубьями.

— Скоро вернется?

Теро пожалала плечами.

Ладо повернулся к Мацисе:

— Почему ты перестала играть?

Она уставилась на него огромными блестящими глазами, словно не понимая, что ей говорят.

— Давай-ка, сходим на источник, — предложил Ладо.

Мациса с радостью согласилась.

Дорога, изгибаясь, вела вдоль каменных закопченных сванских домов.

Где-то внизу, в дубовых зарослях, виднелась маленькая церковь «Ламарии»¹. Вскоре оттуда послышался медленный, размеренный напев.

— Кто это? — удивился Ладо.

— Не знаю.

— Сегодня какой-нибудь праздник?

— Нет. Когда собирают весь урожай, у нас обычно пируют.

— И Кету там будет? — вырвалось у Ладо невольно. Мациса подозрительно посмотрела на него.

— Какая Кету?

— Да нет, ничего. Пойдем к ним, посмотрим.

Скатерть была расстелена в дубяке среди зелени. Женщины, по старшинству, расселись в самом конце стола. Мужчины громко смеялись, макая куски отваренного мяса в соль. Мальчики разносили в кувшинах самогон, сразу же наполняя опустевшие бокалы.

Собралась вся сельская молодежь. При виде Ладо некоторые встали с мест, приглашая его.

Тамадой был бригадир Азмурза, высокий, широкоплечий сван. Не переводя дыхания, он осушил чайный стакан, перевернул его вверх дном, поцеловал дно и бросил Чопе. Тот, словно нехотя, поймал стакан. Ладо подумал, — надо вести себя так, словно я его не замечаю, но тотчас же устыдился этой мысли, обернулся и ответил на настойчивый взгляд Чопе насмешливой улыбкой.

Колхозный шофер, по прозвищу Француз, наполнил два стакана и подвинул их Ладо. На подбородке у него был шрам, и, когда он улыбался, лицо его перекашивалось и становилось страшным.

— Ну-ка выйди, друг, за здоровье наших женщин!

Ладо посмотрел вокруг и увидел побледневшее, печальное лицо Кету. Его руки, державшие стаканы, словно окаменели.

— Ну пей же скорее, чудака-человек. Или не привык еще к нашей водке?

¹ Ламариа—по-свански—богородица.

— За здоровье женщин! — Ладо взглядом дал понять Кету, что пьет за ее здоровье. Девушка в ответ еле заметно улыбнулась.

— Молодец! — Француз хлопнул Ладо по плечу и отдал тамаде пустые стаканы.

Кто-то визгливо запел плясовую, к нему присоединились и другие. Люди хлопали в ладоши все громче и громче. Пели все — мужчины и женщины, молодые и старики, но ни один из них не решался выйти в круг.

Все ждали. Под конец решился сам бригадир Атмурза. Он перепрыгнул через скатерть, сцепил руки на поясе, гордо поднял голову.

К Ладо подошел Чопе.

— Дело у меня, отойдем.

— Какое еще дело?

— Мы должны свести счеты.

— Хорошо. После. Только не мешай мне теперь веселиться.

Вокруг продолжали петь.

Один начинал, другой подхватывал припев, переходя на более высокую ноту. Песня ширилась. Казалось, Атмурза никогда не кончит плясать. Но тут, утомившись, певцы внезапно прервали пение.

Все как один выпили здравницу за бригадира. Чопе стоял неподвижно, нахмутив брови, и не принимал никакого участия в общем веселье.

Ладо осторожно поглядывал в сторону Кету. На секунду взгляды их встретились, но Кету тотчас отвела глаза. У нее было испуганное, расерянное лицо.

Чопе что-то сказал Француз. Тот удивленно развел руками, потом оба обернулись и посмотрели на Ладо. Ладо насторожился.

— Да подите же сюда, наконец! — сердился Атмурза. Он уже стоял во главе стола и держал в руках полные стаканы.

Чопе вдруг отделился от парней и, высоко вскинув голову, зашагал к лежащему неподалеку на земле колоколу.

— Что он собирается делать? — спросил Ладо у соседа.

— Хочет поднять колокол...

Колокол был большой и тяжелый. Ржавое тело его украшала старинная чеканка. С тех пор, как он упал с колокольни, прошло много времени и к нему никто не прикасался.

Неожиданно вперед вышел высокий старик с посохом в руках, он грубо оттолкнул Чопе и сурово прикрикнул на него.

— Он говорит, чтобы не гневали Ламарию, — улыбнувшись, перевел сосед Ладо, — из-за тебя, мол, вся деревня попадет в ад...

Чопе угрюмо слушал старика. Было ясно, что даже страх перед преисподней не заставит его изменить принятого решения. Почувствовал это и старик. Он снял свою войлочную шапку, перекрестился, плюнул в сердцах на землю и удалился.

На людей, правда, подействовала угроза старика, но стремление позабавиться взяло верх, и они стали горопить Чопе.

Он деловито поплевал на руки, не спеша взялся за колокол, перевернул его, затем ухватился за край.

— Давай, брат, тяни! — крикнул Француз.

Чопе легко поднял колокол до груди, вздохнул, напрягся, подтянул его выше и начал медленно выпрямлять руки. Показался темный зев колокола. Чопе сделал несколько шагов, перегнулся назад и скинул колокол наземь, отпрыгнув в сторону.

Восхищенные зрители вздохнули с облегчением.

— Молодец! — закричал Француз.

Чопе тяжело дышал. Отыскав глазами Ладо, он произнес громко, во всеулышание:

— Пусть теперь кто-нибудь другой попробует!

Ладо понял его замысел.

— Эх, кабы я столько не танцевал! — с притворным сожалением покачал головой Аtmурза. — Одной рукой бы поднял!

Все расхохотались, потом наступило молчание. Волнение Ладо постепенно усиливалось. Желание вступить в состязание волной захлестнуло его. Он искоса глянул на лица, застывшие в ожидании. Ему почудилось, что все смотрят на него и ждут.

— Кто же сумеет поднять его? — с сомнением произнес кто-то из присутствующих.

Перевернутый колокол валялся на земле.

Ладо с некоторой опаской поглядел на его разверстый зев и, не примеряясь, одним махом взялся за колокол. Уже оторвав колокол от земли, Ладо понял, что ему не поднять его. Жилы на виске вздулись, предательская дрожь объяла все тело... Но Ладо собрал все силы и донес колокол до груди. И вдруг он ощутил всю бессмысленность своего поступка. Ладо растерянно глядел на старый колокол, на его темный зев и не мог вспомнить, почему он оказался у него в руках. Ладо с каким-то безразличием отбросил колокол...

Женщины оживленно зашептались. Побледневшая Кету пряталась за чужими спинами, стараясь не встретиться взглядом с Ладо.

— Это наш учитель, — донеслось до Ладо.

Чопе что-то сказал по-свански. Кое-кто засмеялся. Ладо собрался уходить.

— погоди... — послышался вдогонку голос Чопе.

— Чего тебе...

Чопе улыбался.

— Пошли, выпьем водки.

— Спасибо...

— На что мне твое спасибо, — смеясь, сказал Чопе, — выпьем, да и все тут!

— В другой раз.

Чопе нахмурился.

— Будь умником. Вот тебе мой совет!

Ладо больше не слушал его, он скрылся за стеной церкви. Остановившись, принял лицом к холодным, шероховатым плитам. Откуда-то появилась Мациса, она робко коснулась его руки.

— Уходи! — сказал Ладо.

Мациса не сдвинулась с места.

— Ты слышишь? Уходи! — повторил Ладо.

Ладо оставил позади жнивье и уселся возле дороги в высокой траве. Он не знал, куда идти, что предпринять. Неподалеку стоял мотоцикл марки «ИЖ». Он понял, что это директорский. Наверно, на нем приехал Чопе. Ладо подошел к мотоциклу. Ключ зажигания был на месте. Он нажал стартер, включил скорость и, не успев еще разобраться, хорошо ли поступает, уже мчался по каменистой дороге. В ушах свистел холодный ветер. Мгновение, и деревня осталась позади. Мотоцикл, миновав овраг и шаткий мостик, взлетел на крутой склон...

Впереди возвышалась одетая в туман Ушба. Ладо прибавил газу. Вскоре он уже мчался по другой деревне. Оглушительный стрекот мотоцикла наводнил все вокруг. Идущее по дороге стадо в страхе прижалось к обочине дороги...

Ладо продолжал мчаться вперед. Уже началась долина Шихри. Отсюда до Ушбы было совсем близко. Голые хребты только запорошило снегом. В конце долины сверкала белизной речная галька.

Возле источника дорога обрывалась. Узенькая, повисшая над пропастью тропинка вела к перевалу Бечо. Начинались сумерки. Пошел мелкий моросящий дождь. Сквозь туман виднелась горделивая Ушба.

V

Когда Ладо возвратился из школы, ему передали слова Темраза: «Все, мол, пошли помогать Ушхванам рыть картофель и, коли тебе не лень, приходи тоже». Быстро поев мацони с хлебом, Ладо пошел на сеновал за лопатой. Вокруг пахло сухой травой. Ладо был взволнован: он снова увидит Кету. Он быстро спустился вниз. Вскинул лопату на плечо и вышел на проселок.

Заходящее солнце освещало гору Лахиль розовым светом. Дорога, не просохшая еще после дождей, была усеяна желтыми листьями.

Ладо издали различил согнутые фигурки работающих людей.

Ему хотелось поскорее присоединиться к ним.

Темраз и Теро работали вместе. Ладо направился к ним. Но по дороге столкнулся с Кету. Она спрятала за спину выпачканные землей руки.

— Зачем вы пришли...

— Вы не хотели?

— Устанете.

Ладо улыбнулся.

— Почему же?

— С непривычки.

— Мне хотелось вас видеть.

Кету покраснела, взяла ведро и отошла на крайнюю грядку. Здесь их никто не смог бы услышать.

Потом пришел Джанхват, дедушка Кету. Он протянул Ладо потресканную, шершавую ладонь.

Ладо взялся за лопату. Ему очень хотелось быть ловким, но у него ничего не получалось. Другие одним ударом выворачивали из гнезда все картофелины, а ему удавалось выбрасывать лишь три-четыре штуки. Ладо стало стыдно, ему казалось, что все смотрят на него.

— Не получается у меня...

— Это с непривычки... Налегайте на рукоятку всем корпусом.

Так и вправду получалось лучше.

Все работали не поднимая головы. Лишь было слышно, с каким грохотом падают картофелины на дно пустых ведер.

— Кету!

— Да?

— Давай, не будем больше говорить на «вы», ладно?

Кету не сразу поняла его, а потом улыбнулась.

— Хорошо?

— Как хотите, — тихо сказала Кету.

— Нет, не так.

— Как хочешь, — смущаясь, произнесла девушка и покраснела.

Снова подошел старый Джанхват. Его серая сванская шапка была сдвинута на затылок.

— А теперь отдохни, ты у нас гость.

— Пусть поработает, ему не повредит, — захихикала женщина, работавшая рядом.

— Не болтай попусту, Маргарита! — резко оборвала ее Кету.

— Глядите-ка, какая защитница объявилась! — насмешливо сказала Маргарита. Она была родственницей Чопе.

— Ну-ка, хватит болтать! — крикнул Темраз. — Взялись работать, так работайте!

- Не обижайся, — шепнула Кету.
 — Нет... — беспечно сказал Ладо.
 — Жизнь мне отравили, — упавшим голосом пожаловалась Кету.
 — Не обращай на них внимания.
 — До каких пор? До каких пор еще терпеть...
 — Кету... Будем друзьями... Хорошо?

Кету грустно улыбнулась.

Они продолжали копать. Люди уже почти кончали работу, когда из-за поворота вдруг выскочил «колхозник» и резко затормозил возле забора. Из машины вышел председатель колхоза. Следом за ним шагал Француз.

У председателя были рыжеватые усы. На ногах красовались соборные в гармошку «азиатские» сапоги.

— Смотри ты, даже учителя пришли помогать! — Председатель повернулся к Кету. — Видишь — всю деревню к тебе привел.

...Копать закончили в сумерках. Картофель собрали в мешки.

Дедушка Джанхврат стоял у ворот и, низко кланяясь, приглашал всех в дом. Председатель, Француз и другие уже поднимались по лестнице.

Гости усадились за длинный стол, на котором в беспорядке высились блюда со сванскими яствами — вареная курица и огромные, словно пласты земли, куски жирного, говяжьего мяса. Из молодого сулгуни сочилось молоко.

Нино, вырастившая Кету, высохшая, одетая во все черное женщина, занесла бутылки с домашней водкой.

— Ну, теперь все в порядке! — объявил председатель.

Дедушка Джанхврат встал и поднял полный стакан.

— Пока я жив, в этом доме никто другой не выпьет первого стакана! Да хранит нас бог!

В тонком бабьем голосе Джанхвата неожиданно прозвучали стальные нотки.

Все умолкли и обратились в слух.

— Эх, был бы здесь мой Мурза, все было бы иначе...

Взгляд дедушки Джанхвата обратился к стене, на которой висели портреты отца и матери Кету. Он утер тыльной стороной ладони невольно выступившие слезы и опрокинул стакан. Водка капала ему на подбородок и стекала за ворот. Кету подошла к старику, взяла у него недопитый стакан и насильно усадила на место.

— Живи долго, дорогая! — сказал старый Джанхврат и неловко поцеловал Кету в лоб. Потом он снова потянулся вперед:

— О Темраз, Чопе не пришел, так будь за хозяина!

Голодные и усталые люди быстро опьянели. Они забыли о том, что среди них находится Ладо, и громко говорили по-свански. Ладо напряженно вслушивался, но ничего не мог понять.

— О чем они говорят? — спросил он у Француза.

Француз заулыбался.

— Тебе нужно выучиться по-свански.

— Да.

— О-хо-хо-хо. Что было в тот день! — сказал Француз.

— Когда?

— Все-таки ты молодец, другой и вовсе не сумел бы поднять тот колокол.

— Оставь...

— Кету! — обратился Темраз к девушке.

Кету тотчас подошла к нему.

— Сядь тут. — Темраз освободил ей место рядом с Ладо. Кету

послушно села. «Только бы Чопе не пришел, — мысленно молила она, — Хоть бы не пришел».

У Ладо кружилась голова. Один тост следовал за другим. Беспорядочный шум усилился. Дедушка Джанхврат спал, уронив голову на руки.

Темраз с грустной улыбкой рассматривал сидящих за столом. Половицы балкона закрипели под чьими-то грузными шагами.

— Компании — привет! — В комнату ввалился Чопе. Он был так пьян, что еле стоял на ногах. Шатаясь, добрался до стола. Ворот рубахи у него был расстегнут, сапоги вымазаны в грязи, волосы растрепаны. Чопе поочередно обошел всех сидящих за столом. Он старался держаться прямо, но у него ничего не получалось. Перед председателем Чопе вытянулся по стойке смирно.

— Здравствуй, дедушка! — с трудом выговаривая русские слова, крикнул он в ухо дремавшему дедушке.

— Честь имеем! — Чопе вытянулся перед Атамурзой.

— А, сокол! — подмигнул он Французу.

Косо глянув на прижавшуюся к стенке Кету, он обернулся к Темразу и Ладо.

— Учителям добрый вечер!

— Садись, — нетерпеливо сказал председатель.

Чопе уселся рядом с Ладо и тотчас принялся за еду. Немного погодя от толкнул Ладо.

— Ты из Тбилиси, ведь так?

— Да.

— Я тоже жил в Тбилиси, в Ортачалах, потом ушел в армию. Да, здорово я там проводил время.

— Верю... — насмешливо ответил Ладо.

Темраз осторожно поглядел на него.

— Ты окончил университет? — продолжал Чопе.

— Да-а.

— Хоро-шо. Почему же ты украл мой мотоцикл?

— Я не крал, — спокойно ответил Ладо. — Просто взял на некоторое время.

— Ла-дно.

Чопе бросил на пол обглоданную кость и посмотрел на Ладо мутными злобными глазами.

— Что мне теперь с тобой делать, а? — Он взял в руки пустую бутылку, повертел ее. — Я тебе голову размозжу!

Темраз быстро поднялся.

— Ну-ка наполните стаканы опоздавшему! — И Темраз протянул Чопе стаканы, наполненные до краев.

Чопе что-то промычал в ответ и, стукнув, поставил на стол пустые стаканы.

— Я еще могу выпить, если хотите! — сказал он, ни к кому в отдельности не обращаясь, и уронил голову на грудь.

Француз толкнул локтем Ладо, показывая на Кету, беспомощно прижавшуюся к стене:

— Хороша, девочка, а?

— А тебе-то что?

— От такой и в Тбилиси не отказались бы, верно?

Ладо схватил его за плечо.

— Что ты хочешь сказать?

Кету молила его глазами. Ладо сник и отпустил Француза. Он почувствовал, что ему необходимо уйти, иначе он совершит нечто непопра-

вимое. Ладо встал и направился к выходу. Темраз окликнул его, но он не оглянулся.

Стояла холодная, туманная ночь. Ладо прильнул лицом к балконному столбу. В комнате затянули песню.

Начинал Чопе. У него был сильный, пронзительный голос. Ладо скрипнул зубами. Этот сырой, безликий туман... Эти чужие люди...

— Что мне делать? Что мне делать? — со стоном вырвалось у него. И вдруг он почувствовал прикосновение чьих-то рук, мускулы его напрялись, он резко повернулся.

— Ладо...

Ладо облегченно вздохнул.

— Я больше не могу так, Кету.

— Что с тобой происходит... — Пересохшие губы ее с трудом шевелились. Кету вся дрожала.

— Кету...

— Войдем в комнату...

Ладо прикоснулся лицом к ее волосам и замолк. Оба забылись. Кету первая пришла в себя и быстро отстранилась. Ладо закрыл глаза. Он чувствовал себя бесконечно усталым.

VI

Серые, наполненные влагой тучи неподвижно застыли на склонах гор. Солнце еле согревало землю. С осенними работами в деревне было покончено: сложено сено, убрана кукуруза, выкопан картофель, пригнан скот с горных пастбищ, утеплены фермы. У некоторых запасливых семейств вдоволь было заготовлено топлива, другие только теперь начинали возить дрова.

Исчезло всякое ощущение времени. Бесцветные, схожие дни как бы нехотя сменяли друг друга. Не переставая, лил дождь. Ладо стало невмоготу, ему хотелось туда, на простор, где темнели склоны Ушбы. У него оставалось много свободного времени. Читать без конца было так же невыносимо, как и глядеть на эти бесконечные дожди и туманы. Он плохо спал. Ему часто снилось яркое солнце, улицы Тбилиси.

От отца давно уже не было никаких известий. Ладо совсем лишился покоя. В Тбилиси у их соседа был телефон. Ладо решил позвонить туда. Вместе с Темразом зашли они на почту. Но, как назло, линия оказалась поврежденной.

Они сидели на перилах балкона и глядели на пустынный проселок.

— Не будь у меня уроков, я позвонил бы из Местиа, — сказал Ладо.

— У меня репетиция сорвется, иначе я пошел бы с тобой.

Они замолчали.

— Как идут занятия вашего хора? — спросил вдруг Ладо.

— Ничего.

— Что же делать — ехать мне в Местиа?

— Я думаю, это ни к чему.

Неожиданно на дороге показалась Кету. Ладо спрыгнул на землю.

— Я иду в Местиа, — вместо приветствия сообщила Кету. — Мне позвонили из отдела культуры.

Ладо на мгновение задумался. Казалось, он колеблется, какое принять решение. Темраз углубился в газету.

— Я тоже собирался в Местиа, — произнес наконец Ладо, — мне нужно позвонить отцу.

— Звонить можно и отсюда.

— Линия повреждена, — пояснил Ладо. — Поеду в Местиа, будь что будет!

Темраз медленно поднял голову.

— А что же ты станешь делать с уроками?

— Пусть пошлют другого, потом наверстаю.

— Не ходи, Ладо, — попросила Кету и взглянула на Темраза, ища поддержки.

— Возьми с собой деньги, — сказал Темраз, — пригодятся.

Он достал из кармана старого пиджака деньги и протянул их Ладо.

— Пойдем. — Ладо повернулся к девушке.

Кету несмело зашагала вслед за ним.

Темраз снял смятую шляпу и долго смотрел им вслед. В печальных глазах его появилась радость.

Ладо и Кету шли молча. Девушку сковывал страх: увидят их, и пойдут сплетни по всей деревне. К счастью, на дороге никого не было. Даже перед колхозной конторой и больницей было пусто. Но страх не покидал ее, хотя девушка была рада близости Ладо.

Мимо них быстро промчалась машина. Запыленный шофер окликнул их.

— Подвезти вас?

— Да, да! — заторопилась Кету.

Ладо стремительно вскочил на подножку и, прежде чем Кету успела сообразить, как ей подняться, он быстро подхватил ее на руки и легко подсадил наверх. Машина набирала скорость. Вот и Бечо затерялось в котловине. Позади виднелась лишь окутанная туманом вершина Ушбы.

Где-то, бесконечно далеко, внизу, серебряной нитью извивалась Ингури. Дорога свернула в лес. С деревьев, кружась, падали пестрые листья.

Холодный, сухой ветер обжигал их лица. Лучи солнца упали на Кету и, казалось, слились с ее золотистыми волосами. Ладо взглянул ей в глаза. Кету опустила голову, нерешительно прижавшись к его груди.

Показались рассыпанные на крутом склоне дома Латали. По кручам, словно паучья сеть, разбегались узенькие тропинки.

Вдали на солнце сверкал силуэт белоснежного Тетнульда.

Машина остановилась перед гостиницей. Ладо спрыгнул и протянул руку Кету. Девушка уверенно оперлась на нее. Ладо попрощался с шофером, взял Кету под руку и повел ее по широкой, заасфальтированной улице. У обоих было такое ощущение, что в Местиа никто не станет интересоваться их взаимоотношениями. Кету владела счастливая беспечность. Близость Ладо наполнила ее гордостью. В эту минуту Кету было совершенно безразлично, что подумают или скажут о них другие.

То тут, то там виднелись белые башни сванских домов. В сквере, густо засаженном елями, стоял памятник Ленину. Неожиданно из-за скалистых гор, запорошенных снегом, взмыл самолет. Его огромная тень стремительно пронеслась по асфальту и исчезла за рекой, у аэродрома. В неподражаемой гармонии слились здесь сегодняшний день и древность.

Кету и Ладо перешли улицу и направились к почте. Возле парикмахерской сгрудилась молодежь. Вместо сванских шапок на головах у всех красовались кепки.

На почте никого не было, телефонистка визгливо кричала в трубку.

— Ипари!.. Ипари!.. Отвечай!.. Ипари!.. Тьфу, будь ты проклята!..

Девушка бросила трубку.

— Какая вы, оказывается, сердитая, — улыбнулся Ладо.

— Целый час меня мучают, — пожаловалась та.

— С Тбилиси вы не сможете меня соединить?

— Линия повреждена. До шести часов не будет..

— Можно и в шесть часов.

Ладо попросил ее записать номер телефона и фамилию. Он и Кету снова вышли на улицу. Было уже около трех часов.

— Что же нам теперь делать?

— В три часа я должна быть в райкоме, — заторопилась Кету.

— Я немножко пройдуся, — сказал Ладо, — и к шести часам буду ждать тебя на почте.

...Некоторое время Ладо бесцельно шатался по улицам.

У входа в ресторан он заметил Француза. Увидев Ладо, тот широко осклабился. Уже невозможно было пройти мимо.

— Здравствуй! Ну как ты? — поздоровался Француз.

— Да так.

— Я видел тебя с Кету.

— Что ты тут делаешь?

— Я? Привез председателя на совещание. Куда девалась Кету?

— Пошли, выпьем пива.

Француз одобрительно похлопал Ладо по плечу. Он вел себя так, словно они были старыми друзьями. Ладо старался не обращать на это внимания.

В ресторане стоял синеватый папиросный дым. Стены были безвкусно размалеваны.

Ладо велел налить две кружки пива и положил на прилавок деньги, но какой-то низенький человек в синем плаще взял деньги и сунул ему обратно в карман пиджака.

— Уже уплачено, — сказал он, улыбаясь. Его полное самодовольное лицо показалось Ладо знакомым...

— Георгий! Вот не ожидал!

Это был Георгий Авалиани, на два года раньше Ладо окончивший отделение журналистики. Он активно сотрудничал в университетской газете и довольно часто выступал с докладами на заседаниях кружка молодых писателей. Вообще его считали сильным студентом.

Присели за свободный столик. Француз взял свою кружку и жадно отпил.

— Ух! — выдохнул он удовлетворенно.

Пиво действительно было хорошее.

— Захожу, вижу — Ладо Иашвили. Откуда ты взялся? Как сюда попал? — удивлялся Георгий.

— Я в Бечо работаю, учителем, — пояснил Ладо.

— Что ты говоришь?

— А ты?

— Как, разве не знаешь?

— Нет.

— Неужели ребята не сказали?

— Нет, не говорили. — Ладо улыбнулся.

— Я, браток, в Тбилиси пристроился. Слышал про такой журнал — «Колхозник Грузии»?.. Так вот — работаю в редакции литсотрудником. Француз был горд, что сидит в компании «ученых» людей. Он то и дело поглядывал на дверь, надеясь, что кто-нибудь из знакомых увидит его.

— Ты доволен? — спросил Ладо.

— Сказать правду, я пользуюсь авторитетом в редакции.

— Ну, а вообще как твои дела?

— Неплохо. Я даже женился.

— Значит, успел.

— А как же?! — Георгий снова улыбнулся.

— Ты все еще продолжаешь писать стихи?

— Пишу. Изредка их печатают в нашем журнале. Послал как-то в «Цискари», но что-то задерживают, не публикуют.

— Так, значит, ты «пристроился» в Тбилиси. Молодец. А сюда тебя каким ветром занесло?

— Да вот приехал на похороны родственника, хочу заодно написать очерк. Что поделаешь, нужно маленький гонорарчик отхватить, разве на зарплату проживешь... Верно я говорю?

— Тебе виднее...

— А ты? Сидишь в Бечо? — поинтересовался Георгий.

— Да.

— Неужто не нашлось никого, кто бы перетащил тебя в Тбилиси?

— Не нашлось.

— Да, брат, трудно жить в провинции!

— Ну, что ты.

— Не повезло тебе! — сказал Георгий. — Почему? Я ведь помню, ты всегда был хорошим студентом.

— Не везет, — усмехнулся Ладо. — Ничего не поделаешь.

— Помнится мне — ты и рассказы писал. Или это был кто-то другой?

— Вероятно, кто-нибудь другой.

— Не унывай, — утешил его Георгий. — Все уладится.

— Надеюсь.

— Жизнь — это борьба! — Георгий поднял руку. — Ты должен бороться.

Француз оживился. Ему давно хотелось вмешаться в беседу, но до сих пор он как-то не мог понять, о чем, собственно, идет речь.

— А ты все-таки изредка выглядывай, как бы председатель от нас не ускользнул, — сказал Ладо Французу, но тому не хотелось выходить из ресторана.

— Куда делась Кету? — спросил он у Ладо.

Ладо поднял кружку и отпил.

— Кто такая Кету? — заинтересовался Георгий.

— Есть одна, — хмуро ответил Ладо.

— Кету Ушхвани. Она из Бечо, работает в читальне, — уточнил Француз.

— А! Ушхвани! Как же, слышал! Немного таких девушек найдется в районе Мestia. Застрял я в Тбилиси, не то...

— Она просватана, — заметил Француз.

— Да, ходили какие-то слухи, — сказал Георгий. — Но она, кажется, не хочет выходить замуж.

Ладо собрал пустые кружки и пошел за пивом. Когда он вернулся, Француз все еще продолжал:

— Отказала жениху, просватавшему ее восемь лет назад. — Не люблю, мол, тебя. Разве порядочная девушка так поступит?

— А что, ходят какие-нибудь толки? — Георгий улыбнулся.

Ладо отпил глоток. Пиво показалось ему страшно горьким.

— Она в Сухуми училась. Сам знаешь, как это бывает...

— Не болтай глупости. — Ладо с трудом сдерживал себя.

Француз тотчас переменял тон.

— Я пошутил.

— Глупо шутишь. — Ладо повернулся к Георгию. — Мне нужно идти, я спешу, — сказал он как можно спокойнее. — Всего хорошего.

Он поспешно вышел из ресторана. Кету уже ждала его на почте.

— Я заставил тебя ждать? — спросил он ласково.

— Нет, я тут думала о своем. Никто мне не мешал.

— О чем ты думала...

— Обо всем понемногу.

— А все-таки?

— Обо всем, Ладо.

— И обо мне тоже?

Кету кивнула и покраснела.

Ладо подошел к окошечку.

— Не восстановили линию, проклятые! — сказала телефонистка.

— Да-а, неприятно.

— Что поделаешь, дорогой, если б это от меня зависело...

— Тогда дайте мне телеграфный бланк.

Он отошел к залитому чернилами столу и написал: «Срочно сообщите мои дела. Ладо».

— Так коротко? — удивилась Кету.

— Мой отец не любит лишних слов.

— И мама тоже?

— Матери у меня нет. У меня никого нет, кроме отца. Он тоже учитель, только, конечно, не такой плохой, как я.

— Как бы мне хотелось его увидеть, — сказала Кету.

— О, он у меня строгий! Поглядит на тебя поверх очков, и если ты ему не понравишься, так прямо и скажет.

— Тогда мне лучше с ним не встречаться.

— Но ты ему понравишься, — уверенно сказал Ладо. — Обязательно понравишься.

Они говорили громко, и телефонистка с любопытством прислушивалась к ним. Ладо протянул ей телеграмму.

— Сегодня же дойдет, — сказала она. — Вы из Тбилиси?

— Нет, я здешний. До свиданья.

Они вышли на улицу, миновали железную ограду сада и оказались на дороге, ведущей в Бечо.

— Пойдем, какая-нибудь машина догонит нас в пути.

Кету молча кивнула.

Ребятишки гнали коз и коров, беззаботно что-то распевая. Показалась такси «Победа». Мальчишки, размахивая палками, отогнали скотину к тротуару.

Ладо и Кету долго шли молча, точно забыв, что до Бечо еще 20 километров. Они были счастливы.

— Темно, — сказала Кету. — Мне страшно.

— Не бойся, со мной ты ничего не должна бояться.

— Сердце мое чувствует что-то неладное...

— Не говори так!

Он обнял ее, подхватил на руки, как ребенка.

Кету несмело прижалась к нему.

— С тобой мне все легко, Ладо. Ты такой сильный и большой...

— Так и должно быть!

— Отпусти меня, ты устанешь!

В ночную тишину ворвался шум машины. Снопы света метнулись вперед и озарили бесплодную равнину. Машина быстро нагнала путников и остановилась. Это был «колхозник».

Ладо и Кету, тотчас узнав Француза, невольно переглянулись.

— Вы что же — пешком собрались идти?

— Да.

— Хорошее дело!

— Подвезешь нас? — спокойно спросил Ладо.

— Если сядете — конечно! — Француз тихонько хихикнул.

Ладо помог Кету сесть и сам забрался в машину. На переднем сиденье дремал председатель колхоза.

Ладо взял в свою руку горячую руку Кету. До самого Бечо они не произнесли ни одного слова. Возле столовой председатель велел остановить машину.

— Я целый день ничего не ел, зайдем.

— Я пойду, — сказала Кету.

— Довези ее до дому. — велел председатель Французу.

На прощание Кету крепко сжала руку Ладо. Машина уехала. Ладо с председателем вошли в столовую. Одноглазый буфетчик тотчас подскочил к ним.

— Жора, дорогой, что прикажешь?

— Все равно. Мы очень голодны.

Ладо знал, что они сидят тут неспроста, и был осторожен, выжидал. Когда они немного подкрепились, председатель перегнулся к нему и негромко спросил:

— У тебя с этой девочкой серьезно, или...

Ладо насторожился.

— С какой девочкой?

— погоди! Ты меня не разыгрывай! Я для тебя стараюсь.

— Чего ты хочешь, Жора?

— А вот чего. Если у тебя серьезные намерения, то можешь на меня положиться. Ну, а если нет...

Ладо испытующе поглядел на него. У Жоры были рыжеватые усы и хитрые зеленые глаза. Ладо улыбнулся.

— Больше я тебе ничего не скажу! — произнес Жора.

VII

«25 ноября 1959 года в клубе состоится большой концерт.

Хор учеников исполнит сванские народные песни.

Руководитель: уч. Темраз Джачвлиани. Начало в 7 часов».

Афиша была вывешена на балконе колхозной конторы. Крестьяне читали ее по слогам и почесывали затылки.

— Денежки решили выжать!

— Пусть мне еще приплатят — может, тогда пойду!

— Что же это может быть: хор малявок?

— Говорят, вход бесплатный.

— Эге!

— Ежели даром, так сходим, что нам — жалко? — сказал наконец один.

Разошлись в хорошем настроении.

* * *

Одноногий сторож Кучо тщательно вымыл пол клуба и развесил плакаты на серых, некрашенных стенах. В зале рядами стояли длинные деревянные скамейки. Над сценой висела короткая занавесь из грубой ткани неопределенного цвета. Маленький зал быстро заполнялся.

Показался главврач больницы, с ним пришла его жена — худенькая, стройная женщина. Они принесли с собой стулья и сели впереди всех.

Жора, председатель колхоза, ухарски сдвинул набекрень кепку из букле и громко шутил с женщинами, кутавшимися в шали. Он подмигнул Ладо.

Пришла и учительница с грудным ребенком. Она неловко держала уснувшего младенца. За ней, грозно сверкая глазами, шел муж.

Директор школы, проходя мимо Ладо, слегка кивнул ему и уселся впереди, рядом с врачом.

Зал громко, нетерпеливо жужжал. Мальчишки и девчонки сидели прямо на полу и хлопали в ладоши, — начинайте, мол. В это время показала Кету. Следом за ней шел Чопе. Он беззастенчиво согнал с мест ребяташек в том ряду, где сидел Ладо, сел и усадил около себя Кету. Девушка опустила голову. Чопе широко улыбался и вызывающе поглядывал на Ладо. Ладо был спокоен.

— Ты хороший парень, очень хороший! — заявил Чопе.

— Ты тоже!

— Я? — смеясь, спросил Чопе. — Я, говоришь, тоже хороший?

Наконец представление началось. На мгновение показался растерянный Кучо, который, спотыкаясь, побежал в глубь сцены и спрятался за спинами выстроенных в ряд учеников. У Кучо был сильный бас, и его тайком заставляли петь в хоре. В зале громко засмеялись.

Ученики на сцене как-то неестественно вытянулись.

На мальчиках, словно на вешалках, болтались черески, у девчонок длинные платья волочились по полу. Появился Темраз. Шум смолк. Он провел рукой по высокому лбу и надтреснутым, но звонким голосом объявил:

— «Лилео».

Затем обернулся к хору, поднял карандаш и легонько взмахнул им.

— О-о, Лилео, о-о...

Начал чей-то высокий голос. К нему присоединились другие. Звуки слились, объединились, устремились ввысь. Песня рассказывала о чем-то древнем, величественном, богатырском.

Певцы еще были совсем юны, но в их голосах чувствовалась цельность и мощь предков...

Песня затихла.

Зал на мгновение, казалось, затаил дыхание, затем грянули аплодисменты. Певцы переглянулись и приободрились.

— «Беткил», — объявил Темраз.

Это была древнейшая плясовая. Поющие обняли друг друга за плечи и, плавно, размеренно двигаясь, составили круг.

Зрители, разинув рты, смотрели на них. Они были удивлены, что «малявки» так хорошо поют и пляшут. Ладо читал на лицах зрителей тайную гордость. Это чувство невольно передалось и ему...

Ученики опустили головы и словно окаменели. Темраз ждал, пока утихнут аплодисменты. Он добродушно улыбался.

— «Царица Тамара».

На сцене снова танцевали. Изгибаясь, плавно плыла Мациса.

Она знала, что танцует хорошо, и ей непременно хотелось всем, всем понравиться...

Потом спели «Бимурзела». Голоса певцов сразу стали суровыми и неприступными. Ладо не знал этой песни, но понял, что пели о лихих годах и о потоках крови...

— Вот это песня настоящих богатырей! — восторженно воскликнул Чопе. Он обернулся к Ладо и потянул его за плечо. — А, каково? Молодец Бека!

— Кто такой был Бека? — спросил Ладо.

— Он был охотником. Бимурзела похитил у него жену. Когда Бека вернулся с охоты, братья сказали: так, мол, и так. Бека отправился в Местиа и — чик! — убил Бимурзелу. А вместе с ним и своего деверя... Так-то! А что ты думаешь!

Чопе замолк, уставился на Ладо, ожидая, что тот скажет. Ладо упорно молчал.

— Потом он прирезал белолобого быка, — продолжал Чопе, и созвал всех.

— Может, жена его не любила? — спросил Ладо.

— Как это так — не любила?

— Ну, а если бы у тебя увели жену? — неожиданно спросил Ладо. — Что бы ты сделал?

Чопе от души рассмеялся, грубо обнял Кету и привлек ее к себе. Девушка с тайным упреком посмотрела на Ладо и молча стала отбиваться.

— Кто же должен ее у меня отнять? Может быть — ты?

Ладо заставил себя улыбнуться.

— Я пошутил.

— Ты хороший парень, хороший! — повторил Чопе.

Ладо душила злость.

Концерт окончился. Занавес задвинули, но зрители еще долго хлопали «артистам». Затем, громко переговариваясь, начали расходиться.

Темное небо отсвечивало красноватым цветом. Стоял мороз. Комья затвердевшей, как камень, земли с треском крошились под ногами. Ладо полной грудью вдохнул здоровый, морозный воздух. Зрители постепенно разбрелись по домам. Последними из клуба вышли Темраз и Мациса. У Мацисы из-под пальто выднелось длинное до пят платье. Девочке очень хотелось, чтобы Ладо похвалил ее, но он не обращал на нее никакого внимания.

Откуда-то доносился голос репродуктора. Диктор монотонно читал последние известия. Ладо невыносимо захотелось в Тбилиси. Никогда еще он так не скучал по Тбилиси, как в эту холодную, леденящую душу ночь. Сейчас отец, наверное, сидит у письменного стола и внимательно просматривает тетради...

Стояла непроглядная ночь. Ушбы не было видно. Они медленно шли меж заборами по каменистой дороге. Мацисе трудно было идти в длинном платье.

Дети уже спали. Тера молча стала накрывать к ужину. Затем подбросила дрова в камин. Огонь разгорелся. На белой стене заплясали длинные тени. Дети спали все вместе на деревянной, резной, еще дедовской кровати. Темраз на цыпочках подошел к ним, расцеловал каждого в отдельности и, словно устыдившись чрезмерной нежности, отошел прочь.

Ладо налег на водку. Горькая, мутная жидкость приятно разливалась по телу. На сердце у Ладо было тяжело. Неясные мысли мучили и не давали покоя.

— Вечер мне очень понравился, — сказал Ладо.

Темраз знал, что Ладо меньше всего думает сейчас об этом.

— О чем вы говорили с Чопе?

Ладо молчал.

— Трудно мне, — проговорил он наконец.

— А не обманываешь ли ты себя? — Темраз испытующе поглядел на него.

— Нет, не думаю!

— Ты плохо знаешь Сванетию.

— Выслушай меня, Темраз... В городе все как-то легко дается...

А я... В конце концов должен же я разобраться, на что способен?

— А здесь разберешься?

— Посмотрим... Мне кажется, что да.

— И я так думал, — задумчиво проговорил Темраз. — Но...

— Что но?

— Не вышло, не получилось.

— У меня получится.

— Я буду рад.

- Пойдем со мной к Кету. Я ничего не хочу скрывать!
- Мне не лень, только знай, в Сванетии не любят ничего подобного.
- Ничего!
- И я был таким, — печально сказал Темраз. — А сейчас... —

Темраз горько махнул рукой. — Слишком поздно. Я уже ничего не смогу изменить. Ты — другое дело.

Темраз подошел к постели поправить соскользнувшее с детей одеяло. — Вот только ради них и живу, — сказал он шепотом.

Ладо вышел к себе и принялся ходить из угла в угол. Он взял «Избранное» Важа Пшавела. Это была единственная книга, которую он привез с собой из Тбилиси. Он читал знакомые, любимые строки и чувствовал, как его мысли постепенно приходят в порядок...

* * *

На горах лежал молочно-белый туман. Оголенные, почерневшие деревья, затаившись, покорно ждали прихода зимы. Со дня на день должен был выпасть снег, и тогда все вокруг погрузится в глубокий сон. Ладо не любил зимы.

В читальне сидели маленькие девочки. Слюнявя пальцы, они листали страницы книги. Девочки почтительно поздоровались с Ладо. Кету стояла спиной к двери и что-то разыскивала на полке, она не обернулась

— Я знала, что это ты, — тихо сказала Кету.

Ладо обошел полку с другой стороны.

— Что нам делать, Кету...

— Что ты велишь...

— Мы придем к вам, я и Темраз.

— Ой, не надо...

— Будь что будет!

VIII

Снег выпал неожиданно. Небо словно нависло над землей. Оголенные ветви деревьев гнулись под тяжестью снежных хлопьев.

В деревне перевелись все дела. Люди сидели у каминов и коротали долгие зимние ночи, рассказывали разные небылицы. На чердаке висели окорока ветчины, сундуки ломились от пшеничной муки, в ямах полно было картофеля.

Дед Джанхват подсел к очагу и принялся набивать самосадом трубку, выточенную собственноручно. Он неторопливо что-то напевал.

Его узкие, затерявшиеся в морщинках глаза засветились радостью при виде Темраза и Ладо.

Ему просто повезло, что подошли гости. Выпить сейчас по стаканчику водки было бы очень кстати.

— Кету, девочка, бог послал нам гостей! — позвал он внучку.

Темраз и Ладо отряхивали с себя снег.

Кету со страхом глядела на пришедших. Те пожали руку деду Джанхвату и подсели к очагу.

— Поухаживай за нами! — сказал дедушка Джанхват.

Кету обрадовалась возможности хоть на время выйти из комнаты. Дедушка Джанхват вежливо выжидал, что скажут гости, но они молчали, словно заговорщики.

— Да, пришла настоящая зима, — сказал наконец Джанхват.

— Дороги закроются, — произнес Темраз.

— Разве это впервые? Ничего, переживем как-нибудь.

— Говорят, на Ингури собираются строить ГЭС. И дорогу новую проведут. Эта уже никогда не закроется.

— Что за чертовщина — ГЭС? — недоверчиво переспросил Джанхват.

— Свет она дает, — объяснил Темраз.

— А это что же — не свет? — Дедушка Джанхват протянул короткий палец к лампочке. — Новый вам понадобился?

— Почему бы и нет?

— Вам бы в мое время пожить, поглядели бы тогда, — дедушка Джанхват сплюнул в очаг, — не надо перебарщивать, бог рассердится!

— Ты старый человек, дедушка...

— Старый, да хороший. А как же! — с обидой сказал Джанхват.

Темраз покосился на Ладо.

Кету, прижавшись к стене, напряженно вслушивалась в их разговор. Истаявшая, в черном платье, Нино, сидя на тахте, вязала носок.

— Кто там? — не поднимая головы спросила она.

— Темраз Джачвлиани и... — Кету не смогла произнести имени Ладо, словно она боялась выдать этим свою тайну. — Учитель из Тбилиси, тот, что нам помогал.

— Хоть бы Чопе пришел. Угостил бы их.

Нино отложила вязание. Взяла с полки головку сулугуни и принялась нарезать его толстыми ломтями. При упоминании Чопе Кету стала бить дрожь.

Ладо задыхался. Нервы его были напряжены до предела.

— Говори же скорей, зачем мы пришли! — обернулся он к Темразу.

— Погоди! Не спеши! — сердито оборвал его Темраз.

— Скажи! — настаивал Ладо.

— Кету, куда ты пропала, девочка! — позвал дедушка Джанхват.

Побледневшая Кету присела на тахту. Руки ее бессильно упали.

— Что с тобой? — удивилась Нино. — Отнеси гостям еду.

Глаза у Кету блестели, как у больной. Ей хотелось броситься на шею Нино и все, все рассказать. Девушка тихонько заплакала. Нино взяла тарелки, вышла к гостям, поздоровалась и вернулась обратно.

— Так и не скажешь, что с тобой творится?

— Ничего, — прошептала Кету.

Эта женщина была ей бесконечно далека. Нино не стала больше настаивать, она сама отнесла в смежную комнату ветчину и хлеб.

Что-то заставило Ладо вскочить на ноги. Он преградил Нино дорогу.

— Где Кету?

Глаза женщины словно затянуло ледяной пленкой.

— Зачем она вам, батано?

«Все погибло», — с горечью подумал Темраз и закрыл лицо руками.

— Пусть выйдет, у меня к ней дело.

— Какое дело?

Дедушка Джанхват с трудом поднялся на ноги. Заскрипело деревянное кресло — почетное сиденье главы семьи.

— Я и Кету... Мы... любим друг друга...

Наступила мучительная тишина. У Ладо шумело в ушах, откуда-то издали до него доносились голоса:

Джанхват: Темраз!.. Может, уши меня обманывают...

Нино: У Кету есть жених, батано...

Джанхват: Темраз!.. Или кто-то решил бросить себя псам на съедение? Отвечай!

— Ладо! — Темраз повернулся к Ладо. — Ты что с ума сошел?

— Приведите Кету, — упрямо повторял Ладо.

В дверях показалась Кету, гордая, спокойная. Дедушка Джанхват

впился в нее своими узенькими, злобными глазами, словно желая пригвоздить ее к месту.

— Я никому не прощу позора семьи! — завизжал он тонким пронзительным голосом. — Не заставляйте меня проливать кровь!

Он обернулся к стене, где висели портреты сына и невестки.

— Клянусь прахом своего Мурзы!

— Кету, — вырвалось у Ладо, — скажи им все!

Кету молчала. Глядя на нее, можно было подумать, что она ничего не слышит.

— Что нужно от тебя этому чужаку? — спросила Нино.

— Скажи им, Кету! — В голосе Ладо слышалась мольба.

— Не знаю! — отчетливо проговорила девушка.

— Ты ведь тут не при чем?

— Нет.

Ладо оцепенел. Темраз подошел к нему, схватил за руку.

— Пойдем. Сейчас же пойдем отсюда!

— Ступай своей дорогой! — сказала Нино.

— Своей дорогой. — Ладо горько усмехнулся.

— Темраз! Ты мне за все ответишь! — повысил голос Джанхват. —

Его я не знаю. Я стар, но за нас отомстит Чопе.

Никто не пошел провожать гостей. Молочно-белый туман поглотил очертания деревни. В воздухе кружились крупные хлопья. Вокруг было тихо. Снег доходил до колен. Водянистые снежинки надоедливо липли к лицу. Холод действовал отрезвляюще. «Все кончено...» — подумал Ладо. И тотчас же дикое бешенство овладело им.

* * *

Ладо, не раздеваясь, лег на кровать. Послышался осторожный стук. Стук повторился.

— Войдите.

Темная тень принесла с собой резкий холод, прикрыла дверь и оставилась где-то совсем близко. Ладо напряг зрение, но ничего не смог различить.

— Кто это?

Тень молчала.

— Это я, — произнесла она наконец.

Ладо показалось, что все это сон.

— Ты пришла? — Ладо поднялся. — Я зажгу свет.

— Не надо... Так лучше.

— Ты пришла насовсем?

— Да...

Голова Кету покоилась на руке Ладо. Слезы медленно катились из ее глаз.

— Не надо, Кету, не надо!

— Так мне станет лучше.

— Не плачь, прошу тебя.

Кету утерла слезы.

— Скажи мне что-нибудь, — шептала она горячо. — Скажи мне что-нибудь.

— Хоть бы эта ночь никогда не кончалась.

— Да...

— Как ты ушла?

— Не знаю... Все заснули, и я ушла.

- Моя Кету...
- После вас пришел Чопе, пьяный.
- ?!..

— Дедушка обо всем рассказал ему. Он прямо обезумел. Бежал к тебе — грозился убить. Я сказала, что завтра же выйду за него. Еле успокоился... — глотая слезы, Кету с трудом рассказывала. — Это было в девятом классе. Директор пристал ко мне — ты, говорит, должна быть моей невесткой. Подослали сватов. Дедушка мой дал согласие. Меня никто не спрашивал. Я уехала в Сухуми, к дяде, — сказала, что хочу учиться. Но Чопе все-таки не отставал от меня... В Сванетии самым страшным позором считается, если женщина уйдет от жениха. Ты еще не знаешь здешних законов... Теперь он и сам терпеть меня не может, но брат не дает ему покоя. Однажды он подстерег меня в лесу... Ты ведь помнишь...

— Да... Да... — бормотал растерянный Ладо и неловко ласкал ее своими большими руками.

Они разговаривали шепотом.

— Мне кажется, я сумею совершить невозможное...

— И мне тоже.

— Уйдем отсюда, Кету, уйдем завтра же.

— Нет, дорогой, Чопе и под землей нас отыщет.

— Что же нам делать?

Они замолкли.

— Ничего, — прошептала Кету.

— Я хочу, чтобы ты всегда была со мной...

— И я тоже...

В деревне запели первые петухи. Кету, отыскав в темноте лицо Ладо, поцеловала его в лоб.

— Не уходи, Кету!

Он обнял ее.

— Отпусти меня, — попросила Кету.

— Я завтра же соберу всю деревню и объявлю, что ты моя жена!

— Ой, нет, не надо!

— Тогда уедем отсюда!

— Нет, нет!..

— Пожалей себя, Кету!

— Мне ничего не нужно, Ладо.. Только глядеть на тебя издали...

Больше мне ничего не нужно...

Ладо в отчаянии скрипнул зубами.

— Ладо, остерегайся Чопе!

— Я ему покажу! Ты слышишь? Я им всем покажу — и Чопе и директору...

IX

В учительской никого не было, кроме Ладо. Он сидел за длинным покрытым красной скатертью столом и просматривал журнал девятого класса. Декабрь был уже на исходе. Через несколько дней кончалась вторая четверть.

Сквозь запорошенные снегом окна ничего не было видно.

Ладо казался рассеянным. Он старался внимательно просматривать журнал, но не мог заставить себя сосредоточиться. В ушах у него все еще звучал горячий шепот Кету. Свершилось неизбежное... Ну а потом? Что же потом?..

Уборщица прервала его мысли.

— Вас зовут, — сказала она. — Это Чопе, брат директора.

До окончания уроков оставалось 15 минут. «Дождусь Темраза и выйду вместе с ним, — подумал он, — но Чопе может решить, что я струсил». Тогда Ладо взял пальто и быстро сбежал по ступенькам.

— Здравствуй!

Чопе с ненавистью посмотрел на него и не ответил.

— Что прикажешь?

— Здесь я не стану говорить.

— Тогда пойдем в столовую.

В столовой было темно, пахло пригоревшим луком. Чопе расстегнул пуговицы своего тулупа, стряхнул снег и присел к столу. Кроме них, никого не было. Ладо подошел к прилавку.

— Накормишь нас чем-нибудь? — спросил он у одноглазого буфетчика.

— У меня мало что найдется. Вчера, правда, получил хорошие рыбные консервы и свежую колбасу.

— Из Зугдиди?

— Ну да-а.

— Машины все еще ходят?

— Как же, пока ведь нет такого большого снега. Много ходит машин из Местиа, а из Дизи еще больше. Вывозят мрамор — торопятся, хотят успеть, пока дороги не перекроют.

— А самолеты курсируют? — не отставал от него Ладо.

— Сегодня из Местиа проезжали шофера. Говорят, летали в три рейса.

Ладо обрадовался, что связь с «большой землей» не прервана. Это словно прибавляло ему сил, порождало надежду.

— Открой нам консервы. И дай одну «Столичную».

— Не нужно! — хмуро сказал Чопе.

— Это уж мое дело.

— Нет, мое! — Чопе стукнул по столу кулаком. Солонка подпрыгнула и перевернулась. Одноглазый буфетчик покосился на них.

— Он немного обижен, — пояснил Ладо. — Это пройдет.

— Не пройдет!

Чопе медленно поднял стакан и молча выпил.

— Оставь в покое Кету! — бросил он, понурив голову.

— Ты сам оставь ее в покое, — спокойно предложил Ладо.

Чопе крепко сжал толстыми, покрасневшими пальцами стакан и отставил его в сторону.

— Кету моя невеста.

— Кету не любит тебя.

— Знаю, — выдохнул Чопе. — Но она моя невеста.

— Зачем она тебе, если не будет тебя любить?

— Это не твоя забота.

У Чопе на скулах заходили желваки.

— Что тебе нужно, братец? Хороший ты парень — но лучше оставь меня в покое, говорю тебе — лучше оставь...

— Пожалей Кету.

— А меня разве не жаль?

— Ты ее любишь?

— А если и не люблю, тебе-то какое дело? Если мы не поженимся, вся деревня станет называть меня , намцвири,¹ — вяло пробормотал Чопе.

— Это лучше, чем...

¹ Намцвири — отвергнутый жених. Это считается самым большим позором в Свадебной.

— Послушай, катись туда, откуда явился, не то...

Ладо равнодушно постукивал пальцами по клеенке. Одноглазый буфетчик внимательно вслушивался в их разговор.

— Если я уеду, то и Кету увезу с собой! — сказал Ладо.

Чопе тяжело дышал, ноздри его широко раздувались. Ладо налил водку и протянул ему.

— Выпей! — сказал он и в то же мгновение брошенный в него толстый граненый стакан разбился о стенку.

— Оказывается, ты кидать-то как следует не умеешь! — насмешливо сказал Ладо.

— Чопе, что с тобой, дорогой! — крикнул буфетчик, — этот стакан стоит денег!

Чопе шумно выдохнул воздух и наотмашь ударил Ладо по лицу. У Ладо голова пошла кругом, но он заставил себя удержаться на ногах и прижался к прилавку. Чопе несся на него, опустив голову, словно бык, Ладо ударил его в живот, отбросил назад и сам навалился на него всем телом. Чопе зашатался, осел...

Растерянный, он схватил стул, замахнулся, но Ладо подставил ногу и заставил выронить стул. В это время подошел буфетчик.

— Э, не к лицу учителю драться! — стал успокаивать он Ладо.

Ладо поднял упавший стул, отвел прочь руки буфетчика и сел на свое место. Почему-то он вовсе не был озлоблен, только все мускулы у него болели.

Чопе отвернулся.

— Ну что ж, я пойду!

Чопе внезапно оживился, схватил его за руку.

— Послушай, скажи мне наконец, что тебе от меня нужно?

— Ничего, — ответил Ладо.

— Так оставь меня в покое! Я у тебя твоего не беру, но и своего не отдам. Умру, но не отдам!

— Разве Кету — твоя?

— Она моя невеста!

Ладо подошел к буфетчику расплатиться.

— А ты, оказывается, ловкач, — тихонько хихикая, сказал буфетчик.

Чопе уже стоял в дверях.

— Пусти, — холодно велел Ладо.

— погоди, — сказал Чопе. — Скажи мне свое последнее слово.

— Что же я могу тебе сказать?

— Оставь в покое Кету! — В голосе Чопе слышалась просьба озлобленного, униженного мужчины.

— Кету поступит так, как сама захочет.

— Она моя невеста.

— Всего хорошего!

— Значит, так?

— Да, так.

— Хорошо, — сказал Чопе. — Мы еще посмотрим!

Он сбежал по ступенькам, покрытым грязным снегом.

Ладо вслед за ним вышел из столовой. Сквозь обрывки разрозненных, клочковатых туч просвечивало синее небо. Он полной грудью вдыхал бодрящий ледяной воздух и смотрел на Ушбу. За последнее время Ушба впервые была видна так отчетливо.

На крутых склонах Ушбы снег не мог удержаться даже зимой. Гордая Ушба была покрыта голубоватой морозной дымкой. Вокруг стояли белоснежные горы, и эта белизна еще резче подчеркивала суровую сине-

ву обнаженного тела Ушбы. Ладо позабыл обо всем. Ушба вытеснила из его души заботы. Она учила его мужеству. Ладо шел вперед, и Ушба становилась все явственнее и могущественнее.

Пошел снег, в воздухе закружились пушистые хлопья. Тучи лениво потянулись в сторону Ушбы. Ладо поднял воротник пальто, прибавил шагу. Дорога шла вдоль запорошенного снегом кустарника.

«Уедем с Кету отсюда, — подумал он внезапно, — остальное покажет будущее».

Ладо знал: у него хватит сил поступить так, и радовался — наконец-то он сможет вздохнуть свободно, сбросить тяжкий груз с сердца...

У поворота показался кто-то. Черный силуэт слабо мельтешил за завесой бесчисленных снежинок.

— Мациса?.. Почему ты возвращаешься так поздно?

— У нас было собрание.

— И что же? Что вы постановили? — чуть насмешливо спросил он.

— Ничего, — смутилась девочка.

— Пойдем, а то тебе станет холодно.

Ладо заботливо обнял ее за слабые плечи.

Утоптанную дорожку быстро запорошило легкой пленкой свежего снега. Ладо овладело нежное чувство. Ему захотелось приласкать эту тонкую, застенчивую девочку.

Мациса была растеряна. Она всегда терялась в присутствии Ладо; сердце девочки начинало учашенно биться, колени подкашивались, казалось, ей трудно даже сделать шаг. Приходилось насильно заставлять ее говорить...

— Мациса, что скажут, если я завтра уеду в Тбилиси? — спросил Ладо.

Мациса остановилась.

— Зачем вам уезжать?

— Да вот соскучился по Тбилиси...

— ?!

— Я пошутил. Пошли.

Мациса все время спотыкалась и невольно опиралась на руку Ладо. Ей было очень неловко, девочка никак не могла забыть разговор с Ладо. Они уже поднимались по лестнице домой, когда Мациса поборола скованность и спросила:

— А если вас не отпустят из школы?

Ладо рассмеялся.

— Ты все еще думаешь об этом? Я ведь сказал, что пошутил.

Мациса все-таки не поверила ему, но больше ничего не сказала. Она взяла маленький веничек и принялась обметать с Ладо снег. Темраз сидел у очага. Все четверо детей окружили его, в комнате стоял веселый гомон.

— Где ты запропастился? — спросил Темраз.

— Ходил по одному делу.

Темраз знал от уборщицы, с кем ушел Ладо.

— Ну и что? Что ты сделал?

— С сегодняшнего дня пусть каждый сам о себе заботится, — сказал Ладо с улыбкой.

«Кто же будет учить нас грузинскому языку?», — подумала девочка, сама не подозревая, что ее беспокоит нечто другое. Мациса принесла вареную картошку и сыр.

— Если хочешь, выпьем водки, — предложил Темраз.

— Нет, — возразил Ладо. — У меня срочная работа.

— Тогда — другое дело. Ну как, всем выставил оценки?.

— Почти что. Вот только Мациса у меня осталась. Завтра собираюсь ее вызвать — шкуру спущу.

Мациса опустила голову. «Не уезжает», — подумала она радостно.

— Новый год приближается... — вслух подумал Ладо.

— О-о, мы тут на Новый год затеваем всякие штуки... — сказал Темраз.

Дверь осторожно приоткрылась. Вошла Теро. Она оставила на пороге свою обувь и бесшумно ходила по комнате в черных носках домашней вязки. Сняв головной платок, вытрусила его и снова повязала, присев у огня. Ее холодные, зеленые глаза усталились в пол. Она ушла в какие-то свои мысли и ничего не замечала вокруг.

— Что случилось? — спросил Темраз.

— Я была у Ушхвани. Мы собирались варить новогоднюю водку... — Теро обращалась к Ладо.

— Ну и что же? — спросил Темраз.

— Им теперь не до водки, — Теро криво усмехнулась бескровными губами и снова повернулась к Ладо. — Прибежал Чопе. Он чуть не убил Кету, еле их разняли...

Ладо вскочил.

— Что ты сказала?

— Он хотел убить ее, — коротко повторила Теро.

— Ты что — с ума сошла? — Темраз повысил голос. Теро даже не оглянулась на него.

— Кету, оказывается, любит другого, — говорила она с холодной улыбкой и не спускала глаз с Ладо. — Развратилась молодежь!

— Молчи! — закричал Темраз. — Что ты понимаешь?

— Да, да, только ты один все понимаешь, — развела руками Теро. — Все это в книгах у тебя записано.

Темраз печально улыбнулся.

— Сказали и то, кого она любит. — Теро глядела на Ладо в упор. — Одурачил девчонку. Ему-то что — возьмет и уедет. А вот Кету? Как ей быть?..

— Подите вон отсюда! — прикрикнул Темраз на детишек. — И ты тоже! — повернулся он к Мацисе.

Дети послушно вышли в смежную комнату.

Ладо сидел, не зная, что сказать.

— Сванетия поругана, Темраз, Сванетия поругана! — Теро повернулась к мужу.

От волнения на ее высохших, желтых щеках выступили сероватые пятна.

— Ладо, не обращай на нее внимания, — сказал Темраз. — Мы что-нибудь придумаем...

— Все уже давно обдуманно, — ответил спокойно Ладо.

Он встал и вышел в свою комнату. Было холодно, вокруг царил невыносимая тишина. По оконным стеклам лениво скатывались растаявшие снежинки.

Ладо заметил на столе конверт. Это было письмо от отца. Отец сдержанно жаловался на старость, писал, что уже не может выносить одиночества и к каникулам, если не закроются дороги, просил на несколько дней приехать к нему в Тбилиси. На глаза Ладо навернулись слезы...

X

Директор вызвал Ладо в кабинет. До звонка оставалось несколько минут. Ладо держал в руках журнал девятого класса.

— Садись.

— У меня урок, — сказал Ладо.

— Садись, — холодно повторил директор.

Ладо сел. На директоре был военный китель, застегнутый на все пуговицы. Седые, прямые волосы падали ему на лоб. Он был очень похож на Чопе.

— Я хочу с тобой поговорить, — сказал он.

— Я вас слушаю.

Директор обдумывал, как бы начать.

— Скажу тебе прямо: твой приезд меня не обрадовал! — И прибавил: — Как только я тебя увидел, тотчас понял, что с тобой будет много хлопот.

— На самом деле? — Ладо усмехнулся.

— Тогда я ничего не стал говорить. И потом тоже. Я терпеть не могу лишнюю болтовню. Думал, ты хоть как учитель чего-нибудь стоишь. Но ошибся!

— Значит — не гожусь?

— Водить детей в лес, собирать какие-то цветочки, может, и годишься!

Ладо с трудом поборол охватившее его волнение.

— Учить можно и в лесу, иногда так получается лучше.

— Ерунда!

— Для кого как! — спокойно возразил Ладо.

Оба знали — все это только вступление. Основное должно быть сказано сейчас. Оба волновались, но не показывали вида. Директор дотянулся до карандаша и начал механически рисовать на бумаге кружочки. У него были большие красивые руки.

— Не пойму я — что ты за человек? Кто ты такой? — проговорил он как бы про себя.

— Именно для того, чтобы узнать это, я и приехал сюда. — Ладо улыбнулся.

— Ты что же — собираешься это проверять на нас?

— Выходит, так.

Директор поднял брови, на его продолговатом лице мелькнула то ли злоба, то ли изумление.

— Смотри, не путай Ваню Вездени с некоторыми. — Он повисил голое.

— Не спутаю, — убежденно ответил Ладо. — Ни за что не спутаю.

Главное все еще не было сказано.

— Иашвили!

Ладо спокойно ждал.

— Что ты хочешь от моего брата, говори прямо!

— Это трудно объяснить, — сказал Ладо.

— Ты что же, захотел жениться на замужней женщине? Или ты сам не ведаешь, что творишь?

«Главное не нервничать. Волноваться нельзя», — думал Ладо.

— О чем я могу с тобой договариваться? Ты надругался над семьей, надругался над законом и обычаем, этого нельзя простить! Ох, Темраз, я заставлю тебя пожалеть об этом, не будь я Ваню Вездени!

— При чем тут Темраз? — удивился Ладо.

— Это уж мое дело! Скажу тебе одно: мы, сваны, гостеприимный народ, но... уезжай! Я советую тебе — уезжай!

Ладо почувствовал, что в голосе директора звучала просьба.

— Если ты уйдешь по доброй воле, я сам все улажу в отделе прощения. Чего тебе еще?

— Больше ничего. — Ладо насмешливо улыбнулся. — Чего же я еще могу хотеть?

Директор вздохнул с облегчением, он радовался, что ему так легко удалось уговорить его. «Испугался. А что он думал?». И еще раз спросил:

— Значит, ты уедешь отсюда?

— Непременно, завтра же.

Морщинки на лбу директора разгладились.

— В Местиа я сам все улажу.

— О, премного благодарен, — Ладо низко наклонил голову.

Он вышел из кабинета и направился к классу, он действительно решил уехать. Но как дать знать об этом Кету?

Дети с нетерпением ждали его. Они по смутным толкам знали, что между директором и учителем пошли какие-то нелады, и были на стороне Ладо, так как не могли себе представить, что их учитель может быть перед кем-нибудь неправ.

Они находились в таком возрасте, когда каждое слово, каждый поступок любимого учителя воспринимается безоговорочно. Они верят ему от всего сердца, обычно не зная даже, в чем причина их любви. Они просто любят, вот и все.

Ладо часто задумывался над этим. Чем же он заслужил подобную любовь детей? Правда, он мог на протяжении всего урока читать им наизусть «Бахтриони» или играть на переменах в футбол, бродить с ними по лесу и вообще интересоваться такими сторонами их жизни, которые редко занимают учителей, но все это для Ладо казалось настолько естественным, что он не мог придавать этому значения.

В классе стояла тишина. Приходу Ладо все обрадовались. Дети старались заглянуть ему в глаза, чтобы угадать, в каком он настроении. Ладо понял это, и теперь, когда он собирался окончательно уехать отсюда, ему внезапно стало жаль оставлять этих детей.

Работа с ними доставляла Ладо радость. Он часто проводил ночи без сна, обдумывая, как лучше объяснить им урок. Возможно, он не соблюдал все указания методики преподавания, но уроки все-таки бывали интересными. Ладо видел это по сияющим лицам учеников и был счастлив, что делает что-то полезное.

А теперь он должен оставить все это и уехать. Ладо стало грустно. В то же время ему не давала покоя другая мысль: «Если я не уеду сегодня же — будет поздно; как же мне дать знать Кету?».

Внезапно его осенило: «Мациса! Я пошлю с нею записку. Никто ничего не заподозрит!».

Он повернулся к детям:

— Есть у вас еще урок после этого?

— Нет...

— Дайте мне листочек бумаги.

Мациса опередила всех.

— Подойди ко мне после урока, — тихо сказал ей Ладо.

— Хорошо.

Ладо отошел к окну, взял авторучку, написал несколько слов и сложил записку.

— Я отнесу, уважаемый учитель, — вскочил с места Коста.

— Что?

— Записку...

— Куда?

— Куда нужно будет.

Ладо улыбнулся.

— Не нужно, Коста, садись.

Коста обиженно пожал плечами. Дети рассмеялись. Ладо вспомнил свой первый урок. Тогда ему трудно было найти общий язык с учениками, а теперь он знал каждого из них не хуже самого себя. Ладо знал, о чем мечтает и думает каждый, кто в кого влюблен. Коста, например, посвящал девочкам длинные любовные стихи, хотя гораздо больше ему удавалась математика.

Зазвенел звонок.

— Мне хотелось, чтобы вы запомнили этот день... — начал Ладо. Он собирался еще что-то сказать, но комок, подступивший к самому горлу, мешал ему говорить. Дети не могли понять — что же происходит.

— Отдыхайте! — только и сумел сказать Ладо. — Отдыхайте.

Ученики нехотя поднялись с мест. Каждому из них хотелось узнать причину плохого настроения учителя.

Когда в классе никого не осталось, Мациса робко подошла к Ладо.

— У меня к тебе просьба, — сказал он. — Ты выполнишь ее?

— Да, — прошептала Мациса.

— Эту записку ты должна отдать Кету.

Мациса вздрогнула.

— Если ее не окажется в библиотеке, походи к ней домой. Смотри, чтобы никто не увидел у тебя этой записки. Поняла?

Ладо хотел ее предупредить: не читай, мол, записку, но не сказал. Мациса молча взяла пальто и шаль и пошла к двери.

Она пробежала мимо выстроившихся у стен одноклассников и вышла в заснеженный двор. Записку она сжимала в кулаке. Когда школа скрылась из глаз, Мациса достала ее и, дрожа, раскрыла. В глазах у нее зарыбило... Потом Мациса снова побежала, на ходу вытирая заледеневшими пальцами непослушные слезы...

Возвращавшегося домой Ладо нагнал колхозный грузовик. Дверца кабинки отворилась и оттуда выглянул председатель.

— Садись скорее, — позвал он Ладо.

Ладо вскочил на подножку. За рулем сидел Чопе. Машина с трудом ехала по обледенелой дороге, оглушительно грохотали намотанные на колеса цепи.

— Как живешь? Заморозила тебя сванская зима?

— Я уезжаю в Тбилиси, — громко произнес Ладо, так, чтобы и Чопе мог услышать.

Ладо смотрел на Чопе. Ему хотелось увидеть, какое впечатление произведут на Чопе его слова. Чопе нахмурился. Он вертел баранку своими большими, красными руками и угрюмо молчал.

— Так, значит, ты не сможешь присутствовать на свадьбе Чопе? — Жора подмигнул Ладо.

— А когда она?

— В воскресенье.

— Нет. Я уезжаю завтра. Ты мне не одолжишь машину?

Чопе даже не поднял головы.

— Проклятый Француз разбил «колхозника». Могу дать этот грузовик.

— Хорошо.

Чопе стукнул кулаком по рулю.

— Я не повезу его.

— Почему, парень? — удивился Жора.

— Ты сам знаешь!

— А, вспомнил. Да кто тебя заставляет, дорогой, я скажу Французу. Потом он обернулся к Ладо.

- Так как же — выпьем за остающихся и отъезжающих?
- Сейчас?
- Сейчас, а когда же еще.
- Ладно, вот и Темраз скоро подойдет.
- Ух, помоги тебе бог. Кажется, мы уже приехали. Останови, па-

рень.

Машина резко затормозила. Жора и Ладо, сойдя с грузовика, медленно пошли по протоптанной в глубоком снегу тропинке.

— Объясни мне, что ты собираешься делать?

— Мы уезжаем сегодня ночью.

— Молодец! Я думал, ты удираешь, и мне стало обидно. Значит, увозишь?

— Увожу.

— Вот это да!

— Мне нужна лошадь, — сказал Ладо.

— Найдется, — заявил Жора и вдруг пронзительным голосом затянул свадебную песню.

— Ты весельчак, Жора, — сказал Ладо.

— В жизни нужно быть веселым. И умирать нужно тоже весело, а как ты думал!

Он снова запел.

Из труб белых домиков валили столбы дыма.

Вдалеке виднелась Ушба, она высилась горделиво, наполняя все существо Ладо непоколебимой уверенностью.

XI

Теро и дети спали.

С балкона слышались чьи-то осторожные шаги. Ладо и Темраз быстро спустились по лестнице. Они несли рюкзак и чемодан.

При звуке шагов Мациса соскочила с кровати и бросилась к окну. Она прильнула лицом к заиндевевшему стеклу, но ничего не смогла разоб- рать. Мациса боялась разбудить Теро. Она закрыла лицо руками и тихонько зарыдала.

Записка Ладо находилась у Кету.

Теро сквозь сон услышала стон. Ее зеленые глаза отыскивали в темно- те Мацису.

— Где твой дядюшка?

В белой ночной сорочке Теро походила на привидение. Она прыгнула с постели и вцепилась в плечи Мацисе.

— Ты слышишь, девчонка?

— Они должны похитить Кету, — вяло произнесла та.

— Что ты говоришь? Кто?

— Учитель Ладо и дядя.

— У, дрянь! — Теро с ненавистью оттолкнула ее от себя. — Раньше ты не могла мне сказать?

Мациса громко зарыдала. Она задыхалась, но Теро даже не огляну- лась, она схватилась за одежду.

* * *

Ушбы не было видно, но близость ее ощущалась.

Взволнованный ожиданием, Ладо бесцельно расхаживал по утопан- ному снегу. Темраз держал лошадь за поводья. На склоне затаились силу- эты домов. Оттуда должна была прийти Кету.

— В Дизи спросишь Георгия Шуквани, ему оставишь лошадь, — сказал Темраз. — Скажешь, Жора тебя прислал.

— Хорошо.

— Из Дизи часто ходят машины. Завтра вечером вы будете в Зугдиди.

— Почему она не идет? — спросил Ладо.

— Вероятно, они поздно легли...

Ладо подтянул подпругу, потом приладил к седлу рюкзак и чемодан. Кету все еще не было.

— До каких пор мы будем так стоять?

— Придет, — спокойно сказал Темраз. — Она вот-вот придет. — И неожиданно позавидовал; — Если б и я мог уйти вместе с вами!..

Это было сказано так искренне, что Ладо не нашелся, что ответить.

А Темраз, словно размышляя вслух, продолжал:

— Ты волен, как птица... Уедешь, начнешь новую жизнь...

Внезапно появилась Кету. Она нетерпеливо схватила Ладо за руку.

— Идем скорее!

— Идем...

— Я взяла паспорт и деньги. — шепнула ему Кету. — Спрячь у себя.

Ладо подошел к Темразу и взял у него поводья.

— Ну-ка, садись! — повернулся он к Кету.

— Сначала я пойду пешком, — ответила девушка, — вместе с тобой.

— Ну, тогда тронулись!

Темраз стоял в стороне. Печальная улыбка не сходила с его лица. Нечто очень дорогое уходило от Темраза. Он почувствовал себя каким-то лишним, сердце у него защемило. Впереди была лишь бесконечная вереница одинаковых дней...

— Счастливого пути, — тихонько пожелал он. Они обнялись.

— Прощай!

— Прощай...

Ушбы не было видно, но близость ее ощущалась.

* * *

Ладо держал стремя. Он с трудом передвигал замерзшие, отяжелевшие ноги. Каждый шаг отдавался в нем острой болью. И все-таки он шел вперед.

Луны не было. Кое-где редко мигали звезды. Застывшую, оледеневшую тишину нарушал лишь глухой шум Ингури. По лицу Ладо струился холодный пот.

Лошадь медленно прокладывала путь среди снежных сугробов. Кету знала — Ладо трудно... Она достала из-под мохнатой шали теплую руку и заботливо отерла пот с его лба. Сознание, что они вместе, ободряло обоих.

— Не передохнуть ли нам, Ладо? — решила предложить наконец Кету.

— Нет. На рассвете мы должны быть в Дизи.

— Ты устал, Ладо.

— Надо идти.

— Сколько времени, как мы идем?

— Не знаю, вероятно, уже пять столетий, или — десять. Тебе страшно?

— Нет, Ладо.

— Спасибо тебе.

- Передохнем немного...
— Нет! — Ладо сжал зубы.
— Ты устал!

Ему лень было говорить. Веки у него слипались. «Ну-ка, лошадь, я на тебя надеюсь. Надо идти... Надо выдержать...» — мысли обрывками роились в его затуманенном сознании. Ладо прижался щекой к потной шее лошади. Внезапно он споткнулся о сугроб и упал. Ощущение того, что он лежит, наполнило Ладо блаженством. По телу прошла дрожь, мускулы расслабили, и он всем своим существом отдался сну...

Лошадь остановилась. Кету прыгнула с седла, стала на колени и с трудом перевернула отяжелевшее тело Ладо.

Мороз неистовствовал. Кругом стояли заснеженные горы. Кету охватила дрожь. Она тихо заплакала. Лошадь нетерпеливо пофыркивала. Затем она подняла голову и заржала в обледенелое пространство. Это были страшные звуки, словно над путниками зловеще хохотали горы.

Ладо открыл глаза.

— Как темно, — сказал он шепотом.

— Ты проснулся? — обрадовалась Кету.

— Долго я спал?

— Нет! Нет!

— Встанем. На рассвете мы должны быть в Дизи.

— Теперь ты сам садись на лошадь, любимый...

— Нет, — упрямо сказал Ладо. — Я должен согреться во время ходьбы.

— Тогда и я не стану садиться.

Ладо с трудом дотащился до лошади.

Ночь шарила по их лицам своими холодными, влажными пальцами.

— Я хочу солнце. Кету!

— Я тоже хочу солнце! — сказала девушка, глотая слезы.

Дороге, казалось, не было видно конца.

Кету спрянула лицо на груди у Ладо, она дрожала. Ладо откинул со лба Кету волосы и поцеловал ее в холодные губы.

Далекie мерцающие звезды постепенно стали бледнеть. К небу подкрался мутный рассвет, и все погрузилось в серое холодное однообразие. Вокруг разлилась пугающая тишина.

И вдруг они явственно услышали, как по подъему с ревом поднималась машина.

— Боже мой, Ладо! — простонала Кету.

Рев машины раздавался теперь совсем близко. Слышался даже лязг намотанных на колеса цепей.

«Может, мне все это мерещится?» — подумал Ладо и зажал уши руками. Машина, одолев подъем, осветила туманную мглу яркими снопами света. Ладо быстро подошел к Кету и заслонил ее собою. Он ощущал плечами ее дрожащее тело, и дрожь эта передалась ему.

— Не пугайся, Кету, не пугайся...

Рассвело. Ладо лежал на снегу, не двигаясь. Наконец он кое-как поднялся, шатаясь, побрел к лошади и с огромным усилием втащил свое тело в седло.

Дул ветер, засыпая все вокруг снежной крупой. Лошадь медленно, но упрямо поднималась по крутому склону.

Леван ХАИНДРАВА

П О Д В И Г

РАССКАЗ

Мы говорили о войне. Беседа затянулась за полночь. Все сходились во мнении, что война — величайшая трагическая нелепость.

Только один из присутствующих, человек средних лет, малообщительный и скептический, в течение всего разговора упорно хранил молчание. И вдруг он заговорил.

— Я все время слушал вас, друзья, и, конечно, все, о чем здесь говорилось, очень интересно. Но у меня создалось впечатление, что все мы мыслим себе подвиг как какое-то единовременное, чуть ли даже не мгновенное действие, яркую вспышку, единую точку приложения всех чистых и светлых сил нашего существа.

Но вот мне хочется рассказать вам один случай, известный мне частично по собственным наблюдениям, частично со слов знакомых, так же, как и я, близко знавших людей, о ком сейчас пойдет речь... Первая половина моей жизни прошла в одном большом городе на Украине. Неподале-

ку от нас жила семья из трех человек: муж, жена и сын.

Аркадий Павлович Волинский — глава этой семьи, был примерно одних лет с моим отцом и очень с ним дружен. Профессор, типа так называемых кабинетных ученых, он заведывал в университете кафедрой древних языков. Его специальностью был, кажется, санскрит, но из его работ я лучше других помню почему-то труд о происхождении финикийского алфавита, который вызвал в свое время оживленную полемику в научных кругах.

Внешне он не походил на старичка-профессора, знакомого нам по известным сценическим и кинематографическим штампам. Роста Аркадий Павлович был выше среднего, плотный, даже грузный и физически очень сильный. Был он совершенно лыс, во время разговора редко смотрел на собеседника, но когда поднимал взгляд, то вы обнаруживали, что светло-голубые глаза его смотрят на вас с добро-

желательной проницательностью и сдержанным юмором. Человек этот любил пошутить, был чрезвычайно умерен в еде и сне, не курил и не пил, редко ходил в гости или в театр. А лучшим отдыхом считал дружескую беседу где-нибудь на скамейке парка или в небольшом палисаднике своего дома, за стаканом крепкого чая.

В молодости, еще до революции, он много путешествовал, хорошо знал Китай, Японию, Корею, служил на Камчатке и на Курильских островах и от всех болезней лечил членов своей семьи какой-то особенной корейской системой дыхания, неизменным, но безуспешным пропагандистом которой он был среди всех своих знакомых. Сам же он не болел никогда.

Мать моя, знавшая его несколько десятков лет, говорила, что за все эти годы он совсем не изменился: тридцать лет назад он был такой же лысый, грузный, серьезный и сдержанный, имел те же привычки и вел ту же размеренную, наполненную непрерывным умственным трудом жизнь.

Все его интересы сосредотачивались на книгах, рукописях, манускриптах. Остальное интересовало его очень мало.

Жена профессора по своему интеллектуальному уровню стояла намного ниже него, но была практична, умна и предана мужу всей душой. Об этих ее качествах можно судить хотя бы по тому, что она сумела создать мужу тот необходимый покой и размеренный ритм, без которых он не мог бы жить и работать.

Но как это часто бывает с женами ученых, несущими всю тяжесть житейских забот и хлопот, она, при всем своем неподдельном уважении к мужу, имела склонность говорить о нем в покровительственном тоне.

Когда ее спрашивали, что сейчас делает Аркадий Павлович, она

отвечала, слегка пожимая плечами:

— Что ему делать? Копаются в своих книгах.

У Елены Викторовны и Аркадия Павловича Вольтинских был единственный сын — Игорь, примерно на два-три года младше меня. С Игорем мы постепенно сблизились и даже подружились.

Это был интересный и, мне кажется, незаурядный юноша, унаследовавший от отца серьезность, сдержанность и аскетическую, я бы сказал, подвижническую незыскательность ко всем земным благам.

Вряд ли есть что-либо на свете возвышенней и благородней материнской любви. Это общепризнанно. Но в своей любви к сыну Елена Викторовна, по моему мнению, перешагнула через мыслимые границы (если, конечно, считать, что материнская любовь имеет границы) и впала в какую-то болезненную крайность.

Игонька (так, к его собственному неудовольствию, звала Елена Викторовна своего сына) был всегда и во всем прав.

Если Игорь получил в школе двойку, значит учитель или несправедлив, или не знает свой предмет; если вышла ссора с товарищем, значит этот товарищ скверный мальчишка, хулиган и разбойник, которому к тому же попустительствуют невежественные родители и нечуткое школьное начальство. И все в таком духе.

Нужно удивляться, как столь рассудительный человек, обладавший к тому же недюжинным умом, как Аркадий Павлович, мог допустить подобное воспитание своего сына. Вероятнее всего — он настолько был убежден в непогрешимости Елены Викторовны в практических делах, что, поглощенный своими занятиями, не находил нужным вмешиваться в то, с чем, как ему казалось, она великолепно справляется.

Игорь рос мальчиком не по годам серьезным и начитанным, но замкнутым и немного высокомерным.

В нем очень сильно билась романтическая жилка. И где-то в глубине души он мечтал о подвигах, великих делах, которые (прошу вас заметить эту его черту) не столько прославят его, сколько осчастливят человечество.

Было что-то ушербное в его привязанностях, стремлении быть оригинальным в своих вкусах, взглядах, склонностях.

Например, среди исторических фигур его героями были не Цезарь, а побежденный им Помпей, не Бонапарт, а Гош; не Суворов, а Румянцев. В спорах с товарищами он любил доказывать, что эти его герои по своим способностям и подвигам стоят не ниже признанных гениев, но они являются жертвами неблагоприятного стечения обстоятельств, роковой судьбы... При этом он часто огорошивал оппонентов, приводя в доказательство своих слов никому неизвестные факты, на проверку всегда оказывавшиеся правильными.

Он болезненно реагировал на всякую несправедливость, чужую обиду, угнетение и тому подобное. Помню, в тридцать пятом году, когда Абиссиния подверглась нападению итальянцев, он носился с мыслью поехать в Африку и поступить добровольцем в абиссинскую армию. Раньше всех он узнавал имена эфиопских военачальников. Портрет Раса Деста — самого молодого (и, конечно, не самого главного из них), Игорь повесил у себя в комнате над письменным столом. Он рассказывал нам о боях и победах эфиопов, присочиняя разные подробности, которые должны были еще больше возвеличить доблесть этого маленького народа, геройски отстаивавшего свою независимость.

Тут мы подошли к одной существенной черте его характера, ко-

торую у меня не поворачивается язык назвать лживостью. Ложь — это что-то низменное, корыстное. Неправда же Игоря (а она довольно часто сходила с его уст) никогда не была корыстной. Сочиняя всякие небылицы, он не преследовал низменные или личные цели. Наделенный ярким воображением, он создавал свой мир, в который верил сам и пытался уверить других.

Он любил говорить недомолвки, делать туманные намеки на какие-то таинственные обстоятельства, будто бы наполняющие его жизнь, ему нравилось показывать товарищам, что знает о каком-либо событии больше, чем известно другим.

Как-то мы с друзьями возвращались ночью откуда-то, то ли из гостей, то ли из театра. Шли веселой, шумной компанией по главной улице, уже почти безлюдной. На перекрестке, где мы должны были расстаться, остановились, продолжая оживленно разговаривать. Внезапно Игорь посмотрел на часы, вздохнул и, ни на кого не глядя, сказал:

— Ну, до свиданья!

— Куда ты? Подожди минут пять, пойдем вместе, — сказал кто-то из нас, кому было с ним по пути.

— Нет, не могу, — ответил значительным тоном Игорь.

С этими словами он повернулся и пошел... не к дому, а в противоположном направлении, куда-то в сторону парка, который, кстати говоря, был уже закрыт. Деда в той стороне у него в такой час ночи не могло быть никакого. Мы понимающе переглянулись, пожалели плечами.

Случилось, что разговор, как это бывает ночью, затянулся, приняв тот задушевный тон, когда собеседники становятся особенно близкими, их мысли интересными и не хочется расставаться до самого, уже недалекого, утра.

Представьте же себе наше удивление, когда примерно через час мы вдруг увидели Игоря, спокойно идущего в нашу сторону уже с другой стороны. Он просто обошел вокруг парка и теперь как ни в чем не бывало шел домой по противоположной стороне улицы, не замечая нас. Мистификация была настолько очевидна, что все мы дружно расхохотались. Вот уж действительно охота пуше неволи!

Совершенно очевидно, что такие эпизоды отдаляли его от товарищей, вызывали с их стороны насмешки, на которые он отвечал своим обычным высокомерием.

Как я уже говорил, большая вина падала на родителей. Между тем Елена Викторовна не выносила никакой критики в адрес Игоря. Аркадий Павлович же с непостижимой близорукостью отмахивался от этих странностей сына, характеризуя их как мальчишество, которое-де с годами пройдет.

Однако, мне кажется, я слишком много говорю о недостатках Игоря, а между тем справедливость требует сказать, что достоинств у него было гораздо больше и они с лихвой искупали его слабости, которые, в конце концов, никому, кроме него самого, не были во вред.

Не в пример многим единственным балованным детям в семье Игорь отнюдь не был эгоистом. И вообще он был очень услужлив, точен, аккуратен, верен слову и предан друзьям. Он любил, да, именно любил, чем-то помочь человеку, не ожидая за это никакой благодарности, но все у него получалось как-то неловко, суетливо, без той необходимой легкости, которая одна только слаживает и облегчает принятие услуги.

Поэтому ему редко бывали благодарны за эти услуги, и отношения его с большинством сверстников оставались натянутыми.

С отцом же у него были очень

хорошие отношения: простые, сердечные и дружеские.

Игорь рос, несомненно, под сильным влиянием Аркадия Павловича, рано начал интересоваться его занятиями, перечитал многие книги по специальности отца и поражал своей осведомленностью в истории и философии народов древнего Востока. Отец любил его спокойной и гордой любовью и, зная те стороны характера Игоря, которых многие не замечали, мало беспокоился о его чудачествах.

Мы расстались с Игорем на второй день войны. Меня призвали в армию, его же возрастная группа под призыв еще не попадала, но этого можно было ждать со дня на день.

Помню его последние слова:

— Вот теперь посмотрим, кто кем окажется!

Эти слова относились не ко мне — он продолжал заочную полемику с кем-то из своих оппонентов.

На этом кончаются мои личные воспоминания об Игоре Вольнском. Все остальное я узнал потом, уже после войны, от общих знакомых и соседей.

Игоря в армию не взяли — у него оказался порок сердца в тяжелой форме. Это явилось для него сильным ударом. Он возмущался, обвинял кого-то, добивался свиданий с высокопоставленными людьми, писал куда-то, но из всего этого ничего не вышло.

Что он делал в первые недели войны, где работал — я точно не знаю. Известно мне лишь то, что он пребывал в страшном смятении. Гордость его была уязвлена ужасно. Ведь его товарищи, сверстники, с оружием в руках защищали Родину, а он, он оказался негодным для того великого подвига, в ожидании которого жил всю жизнь.

На исходе третьего месяца войны город был занят немцами.

Семья Волинских не успела во время эвакуироваться.

Мне удалось довольно точно восстановить картину жизни Волинских в этот период. Им пришлось тяжело, работы не было. Но что значили материальные тяготы для таких невзыскательных людей, как отец и сын Волинские? Их угнетало другое.

Аркадий Павлович засел дома, обложился книгами и с головой ушел в свои занятия. И раньше-то не слишком разговорчивый, теперь он целыми днями молчал и не выходил из комнаты.

— У меня нет сил, Лена, отрубить руку, которая вдавливают нас в грязь, — говорил он жене, — но уж целовать-то ее я никогда не буду!

Было ему тогда уже за шестьдесят. Он поздно женился.

Положение Игоря было совсем иное. Студент второго курса, юноша, оставшийся без единого товарища в городе, занятом врагом.

Можно было представить, что он испытывал, оказавшись в оккупации. Сама мысль, что он живет под властью ненавистного врага, была для него невыносима. Ведь он мечтал бороться против тирании в Эфиопии, Испании, Греции, а теперь, когда враги пришли в его страну, заняли его родной город, он, живой и невредимый, ходит по оскверненным улицам, где до боли знаком каждый дом, каждый сквер хранит воспоминания о недавнем прошлом, о товарищах...

Ужас его положения усугублялся еще тем, что по натуре своей он был не из тех, кто умеет прятать и хранить глубоко свои подлинные чувства. Все в нем кипело, клокотало, рвалось наружу. Душа его жаждала действия, сердце переполняло гнев, оскорбленное самолюбие не давало ни минуты успокоения. Ведь всю жизнь он мечтал о подвиге, а теперь, когда настал час, он не знал, как его совершить! Он был один... Вот когда он горь-

ко пожалел, что у него нет друзей, товарищей, для которых он был бы своим до конца.

Он не сомневался, что где-то близко, может быть, совсем рядом должны быть люди, которые делают то, что надо. Но как найти их, как распознать среди этих сотен угрюмых, озабоченных, несытых лиц?

В порыве самобичевания он шел на те улицы, где можно было легче встретить оккупантов, подходил к кинотеатрам и ресторанам с надписью у входов: «Только для военнослужащих Рейха», останавливался у военных учреждений и без всякого дела стоял там, чтоб услышать в конце концов резкий окрик вражеского солдата.

Игорь исчез на второй год оккупации, исчез бесследно, словно сквозь землю провалился, и больше его никто никогда не видел.

Первые дни Елена Викторовна как безумная бегала по городу, расспрашивая всех знакомых, потом вместе с мужем справлялась в больницах, в полиции, на бирже труда, в германской военной коммандатуре, в гестапо, писала даже в рейхсканцелярию Гиммлера.

Все это было небезопасно для них самих, но Волинские об этом не думали.

И действительно, исчезновение сына вызвало неприятные последствия: у Волинских был произведен обыск, и гестаповцы забрали все имевшиеся в доме фотографии Игоря. Несколько раз вызывали для допроса Аркадия Павловича.

Это дало повод близким людям высказать предположение, что Игорю удалось связаться с партизанами и, может быть, даже перейти линию фронта.

Такая версия вдохнула некоторую надежду в супругов Волинских. Особенно ожила Елена Викторовна, которая, будучи не в си-

лах выяснить доподлинно, что сын ее жив, осаждала мужа вопросами:

— Ну, как ты думаешь, Аркадий, может это быть? Мог Игонька добратся до наших?

— Почему же нет? Это вполне возможно, — отвечал Аркадий Павлович, по своему обыкновению смотря куда-то мимо собеседника.

— Но почему же он не дает знать о себе? Он же знает, что мы волнуемся! — продолжала Елена Викторовна.

— Какая ты, право, странная, Лена! — удивлялся Аркадий Павлович. — Ты думаешь, это так легко?

— Ну хоть бы какую весточку подал!

— А может быть, он нас не хочет подводить? Ведь за нашей квартирой, без сомнения, следят, он это понимает. Вот и не хочет навлекать на нас неприятности.

— Но все-таки, как смело с его стороны! — начинала восхищаться Елена Викторовна.

— Что ж, я никогда не сомневался, что наш Игорь будет смелым и честным человеком. У моего отца было три брата — они все погибли в турецкую кампанию, на Шипке. О них сам Скобелев писал деду.

Настал, наконец, день, когда глухая канонада возвестила о приближении своих. Гитлеровцы покидали город.

С трепетом и надеждой вышла Елена Викторовна на улицу встречать наши войска. В каждом закопченном дымом лице танкиста ей чудилась улыбка сына, каждая стрелковая рота казалась ей боевой семьей Игоря.

Но его нигде не было, и Елена Викторовна вновь впадала в отчаяние. Аркадий Павлович увещевал ее:

— Какая ты странная, Лена! Почему ты думаешь, что Игорь находится обязательно в тех частях, которые вошли в наш город? Фронт велик — он тянется от самого Бе-

лого моря, и в любой его точке может быть Игорь. А потом вполне возможно, что он и не в армии. У него слабое здоровье. Может быть, он где-нибудь в тылу. Сейчас везде нужны люди.

— Нет, если б он находился в армии, он бы обязательно был на этом фронте. Давай напишем командующему, спросим его!

— Давай напишем, — отвечал Аркадий Павлович без большой убежденности.

Через некоторое время из отдела кадров Н-ского фронта пришел ответ, что Волинский Игорь Аркадьевич в списках личного состава не числится и не числился.

Начались новые хлопоты, переписка, запросы, инициатором которых всегда была Елена Викторовна, а Аркадий Павлович только с какой-то подавленной покорностью осуществлял все ее планы.

Куда только они ни писали!

И в Министерство обороны, и в Главное управление кадров, и в Политическое управление Советской Армии, и в Министерство внутренних дел.

Кончилась война, открылись новые пути, появились новые варианты возможного местонахождения Игоря.

— Он мог быть угнан немцами в Германию так, чтобы мы не знали? Как ты думаешь, Аркадий? — в сотый раз спрашивала Елена Викторовна.

— Мог быть... — покорно отвечал Аркадий Павлович. Тогда же на его раздражалась упреками, обвиняя мужа в пассивности и безразличии к судьбе сына. Он не защищался, а больше отмалчивался и только порой пытался убедить жену, что не надо ни предаваться необоснованным надеждам, ни впадать в отчаяние.

— Ты видишь, Лена, вся Европа взбаламучена. Надо подождать, пока все это волнение успокоится, все придет в норму, и тогда мы, может быть, найдем Игоря.

Супруги Волыньские никогда не говорили между собой о том, что их сына, возможно, постигла судьба миллионов других юношей России, Польши, Югославии, Франции.

Елена Викторовна была органически неспособна допустить такую возможность, хотя бы как вариант, более же здравомыслящий Аркадий Павлович, наоборот, казалось, давно уже примирился с мыслью, что сын потерян навеки.

Но, повинувшись жене, он продолжал писать в Репатриационную Комиссию, в международную организацию, ведающую делами перемещенных лиц, в международный Красный Крест, в Министерство иностранных дел, снова в Министерство обороны, снова в Министерство внутренних дел и даже в Центральный Комитет.

Так прошло еще свыше десяти лет. И не было за эти годы ни одного дня, когда бы супруги Волыньские не ждали ответа от какой-нибудь инстанции.

Я побывал в их городе три года тому назад и видел их.

Елена Викторовна поседела и похудела, но полна энергии и продолжает свои поиски, благо, что в советах куда и к кому обращаться недостатка нет.

Железный Аркадий Павлович сильно сдал. У него еще крепкое рукопожатие и он по-прежнему никогда не болеет, но походка у него старческая, разбитая. Да и то сказать, — ведь ему уже лет семьдесят!

Он стал туг на ухо, и светло-голубые глаза его уже не смотрят на вас с былым юмором и пронзительностью. Я всего один раз уловил их взгляд, и мне показалось, что глаза у него пустые и мертвые.

Но он продолжает писать новые заявления каждый раз, как Елене Викторовне кто-нибудь посоветует,

куда еще обратиться. Правда, теперь это происходит уже не так часто.

А когда охваченная временной слабостью жена обращается к нему с вопросами, он старается убедить ее, что, возможно, скоро они что-нибудь услышат об Игоре.

Рассказчик замолчал, и несколько минут все мы сидели под впечатлением только что услышанного.

Потом один из нас сказал:

— Да, любовь матери — это нечто не поддающееся обычным меркам.

— Да, это так, — ответил рассказчик, глядя куда-то в одну точку. Видно было, что думает он сейчас о другом. Потом он перевел взгляд на собеседника. — Но я не об этом... Дело в том, что еще в 1943 году, за месяц до отступления немцев, Аркадий Павлович был вызван в гестапо. И там ему предъявили для опознания труп его сына. Игорь, не найдя связи с подпольщиками, решил действовать в одиночку и при своей неопытности попался на первой же операции. Он был убит в перестрелке, успев только легко ранить раздобытым где-то револьвером одного гестаповца.

Мне это рассказал несколько месяцев тому назад при случайной встрече один знакомый — сосед Волыньских, который тоже был в оккупации и тоже вызывался для опознания тела Игоря Волыньского.

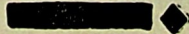
И все эти годы, живя бок о бок с женой, обсуждая с ней ежедневно и ежечасно планы обнаружения и спасения Игоря, составляя под ее диктовку заявления и прошения, Аркадий Павлович хранит в сердце своем тайну судьбы сына, не желая лишать Елену Викторовну надежды. И сколько еще таких дней у него впереди?

Фотула ЯННАКОПУЛУ

ПРИШЛИ МНЕ...

Пришли мне земли родимой,
Родник с холодной водой,
Дорогу, палимую солнцем,
Лужайку с влажной травой.
И розы бутон багровый
Пришли мне, хотя бы один.
Пришли мне листик лавровый
И солнечный апельсин.
Пришли мне сладкий, душистый,
Ласкающий рот виноград,
Пришли маслин серебристых
Чьи листья так нежно шумят.
Пришли мне бессмертник жесткий
Из наших гористых мест,
Пришли базилик неброский —
Скромный цветок невест.
Пришли мне немного моря
С каймою береговой,
Пришли мне морские зори,
Небес простор голубой.
Пришли мне матери ласки,
Тепло объятий ее,
И доброй бабушки сказки,
Пришли мне детство мое.
Пришли мне все то, что надо
Для счастья, для жизни мне:
Пришли мне мою Элладу,
Пришли мне ее в письме!

Перевод с новогреческого Э. Гольдернесса:

Николай ТИХОНОВ

ПОКОРЯЮЩИМ ВЕРШИНЫ

Сегодня, как на праздничные выси,
Необычайный собрался народ,
И я хочу, чтоб прозвучал в Тбилиси
И мой привет на празднике высот!

Как родилось в советском человеке
Желанье быть собратом горных сил,
Свидетелем был сам старик Казбеги,
И счет вершин собою он открыл.

И в горы шли, труды деля по-братски,
Врубаясь в лед сквозь снежной бури свист,
И больше нет таких вершин кавказских,
Где не был бы советский альпинист.

А в памяти несчетные громады —
Памирские, Тяньшаньские хребты,
Они зовут, и сердце снова радо
Сиянию льдов на гребнях высоты.

И ветераны яростных рассветов,
Блестя в снегах своим виском седым,
Передают, как сердца эстафету,
Любовь к горам — героям молодым.

Уж сорок лет среди вершин, как равный,
Наш альпинист, и жар души не стих,
И говорит нам этот возраст славный,
Что мастер гор в расцвете сил своих.

Пускай же будет счастлив он и светел,
Рука тверда и верен острый глаз,
И горы все, какие есть на свете,
Пускай его увидят в добрый час.

Пускай все выше мастера дорога,
Пускай всегда он видит в смене лет
С очередной вершины златорогой
Грядущего сияющий хребет!

Кинолетопись альпинизма

Есть люди, целеустремленность которых, одержимость и полная отдача всего себя любимому делу заражает настолько, что невольно становишься горячим поклонником их профессии.

Так случилось и со мной, когда однажды на студии документальных фильмов я познакомилась с талантливым кинодокументалистом Борисом Крепсом и увидела его очерк «Неоконченный дневник». Тогда же родилось желание рассказать о человеке, с именем которого связано создание грузинского альпинистского фильма.

Глядя на него, трудно поверить, что этот человек ночевал в палатках на льду, поднимался по отвесным скалам, переправлялся в утлой лодчонке через бурные, порожистые реки.

А между тем на счету Крепса — пятнадцать высокогорных восхождений и столько же фильмов, повествующих о мужестве и отваге грузинских альпинистов, но где бесстрашие самого автора остается за рамкой кадра.

Где и когда родилась у Крепса любовь к горам? В 1933 году, когда семнадцатилетним ассистентом оператора он впервые снял альпинистский сюжет, или позднее в 1936 году, при восхождении на Казбек вместе со вторым грузинским отрядом?

Так или иначе, ни тяжесть аппаратуры, ни опасности на каждом шагу не останвили молодого кинооператора.

— Он сразу же подметил самое характерное в каждом из нас и стал уделять внимание именно этому, а не внешним эффектам, которые привлекали операторов до сих пор, — вспоминает альпинист-геолог Константин Васильевич Джавришвили.

Эта характерная черта в творчестве Крепса проявилась в его фильмах «Борис Дзедзедзе» (1938 г.), «Покорители вершин» (1950 г.), «502 человека на Казбеке» (1952 г) и других. И все же славу мастера документального кино принесли ему не эти картины. Понадобились годы упорного труда, учебы,

чтобы создать такие волнующие страницы кинолетописи альпинизма, как «На Памире», «Штурм семи вершин», «В горах Тянь-Шаня», «Неоконченный дневник» и многие другие.

Из 15 фильмов ни один не похож на другой. Как избежал оператор штампа в раскрытии одной и той же темы? Я вновь и вновь смотрю фильмы, читаю сценарии, дикторский текст, и «за кадром» вырисовывается вдумчивый художник, неустанно ищущий, требовательный к себе.

Вспоминаются кадры: белое небо смешалось с безбрежной снежной равниной. На их фоне цепочка людей медленню, но неотступно идет вперед. Общий план сменяется средним — уже отчетливо видно, с каким трудом дается каждый шаг; затем крупным — удары ледоруба — ступеньки во льду, еще удары — еще ступенька; и снова безмолвие, снег, ледники и гордые вершины.

В совершенстве владея техникой съемки, операторским мастерством, Крепс не отделяет пейзаж от сюжета фильма. Природа органически входит в главную тему картины. Кадры с пейзажем выразительны, яркие, напоминают живописные полотна.

И все же, как ни прекрасна природа в изображении Крепса, главное в его фильмах — люди, их борьба со стихией, победа над ней.

Заслуженные мастера спорта Бекну Хергани и Чичико Чортолиани, мастера спорта — журналист Джумбер Медзмариашвили и педагог Леван Ахвледиани, доцент Тбилисского университета Отар Гигинейшвили и многие другие... Вместе с ними пережил В. Крепс трудные будни походов, подвергался смертельным опасностям.

Крепс проваливался в трещину, заполненную водой, падал в обрыв, отмороживал ноги, и каждый раз альпинисты выручали своего верного спутника из беды.

Но и оператор не оставался в долгу.

В поисках удобных точек съемки он забирается в непроходимые места, висел над пропастью на веревке, сгибался «в три погибели» в какой-нибудь из снежных пещер. Достаточно было одного неосторожного движения — и сказочный замок мог рухнуть и погрести его под собой. Тем ценнее были отснятые пленки, тем интереснее должен был быть фильм.

В повседневной походной жизни раскрывались характеры людей, их манеры, привычки. От проницательного взгляда кинооператора не ускользали малейшие детали быта: чтобы выпить стакан воды, приходилось греть снег на спиртовке, чтобы развязать ботинок — терять час или два — так замерзали шнурки. А спальные мешки? Хотя альпинисты и называли себя «морозоустойчивыми людьми», без грелок порой не обходилось. Но вот экспедиция готовится к штурму вершин Дарвазского хребта. Один пишет дневник, другой проверяет снаряжение, третий играет на гитаре.

А какие они в пути? 5 августа 1957 года. Из лагеря выступает группа в 13 человек. За плечами рюкзаки, палатки, спальные мешки, бензин на 12 суток, молотки, крючья, лавинные лопаты — килограммов 25 груза у каждого. За десять часов тяжелого подъема — 700 метров. 8 августа высота 5 600 метров, 9 августа — 6 000. Тяжелые рюкзаки тянут вниз, трудно дышать. «Чем ближе к цели, тем дальше путь», — шутят альпинисты.

6 615 метров. Вершина Гармо взята. Трое спустились в штурмовой лагерь. 6 300 метров. По праву первооткрывателей безымянную вершину альпинисты называют именем основоположника таджикской классической поэзии Рудаки.

Пики Ани, Фестивальный, Тбилиси. Все круче и круче подъем, пурга, трещины, ледники, скальные гребни, снежные лавины, на склонах рыхлый, труднопроходимый снег. Каждый из альпинистов в своем «амплуа». Джумбер Медзмаришвили, известный высотными восхождениями, идет впереди отряда. Бенну Хергани страхует на джюльфере, Илико Габлиани — на связках по отвесной скале.

11 августа покорены 7 высочайших пиков Памира. Завершен сложнейший траверс в истории международных восхождений.

В 1958 году фильм Креспубли «Штурм

семи вершин» был награжден грамотами президиумов Верховного Совета Грузинской и Таджикской ССР, и в том же году он получил широкое признание зрителей на Декаде грузинского искусства и литературы в Москве.

Другой фильм Креспубли «Пик Москва» демонстрировался на кинофестивале альпинистских фильмов в Италии. А фильм «К высочайшим вершинам Памира» был удостоен диплома документальных фильмов в Аргентине в 1956 году.

Сейчас киноповесть «Неоконченный дневник» отправляется на конкурс альпинистских и горных фильмов, проводимый в г. Тренто (Италия).

В чем же секрет успеха, что делает фильмы Креспубли подлинными произведениями искусства кино?

На наш взгляд, это прежде всего прекрасное знание темы, любовь к своему труду, людям, которых он снимает. Вместе с тем фильмы Креспубли представляют большой познавательный интерес. Это не только летопись грузинского альпинизма, но и живая история страны, ее обычаев, нравов.

Прежде чем приступить к съемке, Креспубли изучает карту похода, консультируется с членами Грузинского альпинистского клуба, пишет условный сценарий. Но жизнь часто богаче предусмотренного сценария. Как было не заснять, например, встречу в горах с геологами, возвращавшимися из экспедиции с барсенком на руках, или такой забавный случай, когда по стальному тросу через бурную реку вместе с альпинистами переправляли осла.

Как правило, Креспубли является автором-оператором большинства своих картин, но ряд из них — «Ушба», «Героический траверс Шхельда-Ушба», «502 человека на Казбеке», «На Памире», «Пик Москва» и другие он создал в сотрудничестве с операторами О. Деканосидзе и Ш. Шушвили, режиссерами В. Валишвили, З. Гулвадзе и другими. Сейчас Борис Михайлович совместно с оператором О. Деканосидзе готовит юбилейный фильм к 40-летию советского альпинизма. Сюда войдут кадры, запечатлевшие известного грузинского альпиниста Алешу Джаларидзе, восхождение Александры Джаларидзе в честь погибшего брата на Ушбу, отдельные сюжеты, эпизоды из фильмов, созданных Креспубли. И снова, как всегда, он в пути, в поисках нового, неизведанного, с неистощимым запасом планов и энергии.

Владимир МАЧАВАРИАНИ

Роман и жизнь

Европейское сообщество писателей, пожалуй, впервые за время своего существования провело в начале августа этого года такое широкое обсуждение проблем современного романа. Наша периодическая печать широко освещала работу ленинградского симпозиума. На страницах газет, журналов печатался не только информационный материал, но и выступления всех ораторов, которые передали им свои речи. Перед ленинградской расширенной сессией Европейского сообщества в наших литературных журналах появилось немало интересных исследований о проблемах романа на Западе; да и после окончания ленинградской встречи круг этих вопросов продолжает занимать наших литературоведов и критиков.

Думается, такой повышенный интерес к роману не случаен и вызван он не какими-либо литературно-конъюнктурными соображениями. Роман — древнейший жанр литературы; если не обращаться к другим известным примерам, только в Грузии он насчитывает по меньшей мере пятнадцать столетий своего существования; интерес к нему не угасает и никогда не угаснет, пока существует мыслящий, творящий человек. В условиях современной цивилизации, при повсеместном росте грамотности, расширении границ интеллектуального мира, тяге сотен миллионов к знанию, к познанию окружающей человека природы, общества, самого себя, роман становится для нас «хлебом насущным». В Ленинграде, да и у нас в Грузии, Ж.-П. Сартр в беседах, например, много говорил о структуре читательских масс, о повсеместной тяге современного человека к книге. Если в социалистическом мире эта

тяга находит полное удовлетворение благодаря помощи и содействию государства и общественных организаций, то в мире капиталистическом интерес широких масс к книге механически обрубается или, что еще хуже, удовлетворяется литературой самого низкого пошиба; кроме того, если наши романисты, придерживающиеся принципов и метода социалистического реализма, беспрестанно живут мыслью о читателе, то некоторые зарубежные по-настоящему одаренные и талантливые писатели замыкаются в сферу экспериментаторства, отвлеченных метафизических спекуляций, самоограничения, насилия себя, бегут от массового читателя в лоно якобы интеллектуальной элиты. В Ленинграде таких не было или их были единицы, но ведь на Западе живут и здравствуют литературные снобы, горе-теоретики, которые ничтоже сумяшеся пытаются теоретически обосновать утверждение, будто именно широкая читательская масса обуславливает снижение качества литературы, прозы, романа.

Как бы там ни было, спор в Ленинграде шел не о том, быть или не быть роману; объективности ради нужно сказать — так вопроса никто не ставил, даже так называемые «антироманисты», «новороманисты» или, как их предлагал называть французский литературный критик Бернар Пенго, «перероманисты»: вопрос касался того, каким должен быть роман, что и как он должен выражать. В этом-то и разошлись позиции, с одной стороны, представителей социалистического реализма, да и не только их, а с другой стороны, адептов «нового романа»; но с последними не соглашались и многие представители современного

западного критического реализма, в частности, большинство итальянской делегации и, кажется, все английские — и романисты и критики; можно даже сказать больше: представители «нового романа» на этом симпозиуме были как бы в «блестящей изоляции».

Во время ленинградской дискуссии, как это и следовало ожидать, было поднято много очень сложных, интересных проблем, по которым за четыре дня нельзя было не только договориться, но даже толком очертить круг вопросов, возникших вокруг них. Быть может для начала и правильно было поставить на дискуссию вопрос в самой общей форме: «проблемы современного романа»; но во время обсуждения выяснилось, и это стало очевидным, пожалуй, для всех участников симпозиума, что на предстоящих встречах хорошо было бы обсудить также вопросы: о философии, социологии романа; о современной науке и романе (необходимость специального обсуждения этого вопроса подчеркнули в числе прочих Ж.-П. Сартр и румынский литературовед и критик Овид Крохмальничану, кстати произнесший одну из интереснейших речей на симпозиуме, Д. Гранин, В. Аксенов и др.); о поэтике романа, о соотношении традиции и новаторства; о психологии творчества (представители «нового романа» во Франции высказывают немало остроумных мыслей о самом акте повествования). Лично мне кажется, что нам, советским членам Европейского сообщества, не мешало бы на специальном симпозиуме или просто в собеседованиях разъяснить полнее, точнее и всеобъемлюще наши позиции о народности, партийности литературы, о тенденциозности писателя и т. д. и т. п. Из бесед, которые вел автор этих строк в Ленинграде, и в Москве, и в Ясной Поляне со многими участниками симпозиума с Запада, создается впечатление, что большие, очень плодотворные и глубокие по содержанию дискуссии, прошедшие в нашей стране по этим вопро-

сам, в целом ряде случаев просто не известны многим зарубежным писателям или они об этом знают из источников, преднамеренно извращающих наши позиции. Мимходом замечу, что и многие вопросы марксистской эстетики, литературоведения, психологии, в частности, проблема исследования сферы подсознательного, экспериментально изучаемая в Грузии психологической школой академика Д. Узнадзе и физиологической школой академика И. С. Бериташвили, совершенно не известны им. Не знаю, кто тут виноват, мы — не умеющие доводить до их сведения наши работы, — или они, лишенные нужной дозы любознательности. Я исключою возможность игнорирования с их стороны той большой работы, которая проводится у нас по всем этим аспектам науки. Тема о современном романе оказалась столь всеобъемлющей, что все вопросы даже чистой науки, на первый взгляд далеко стоящие от прозы, живо дискутировались во время симпозиума.

В связи с этим мне бы хотелось тут же отвести от симпозиума обвинение, выдвинутое на заседании одним советским литератором и как будто поддержанное Натали Саррот, — якобы в Ленинграде происходил диалог глухонемых. Как я понял, советский литератор имел в виду то обстоятельство, что все еще мало переводится литературы, что мы мало знаем проблемы, взаимно нас интересующие. Думается, что и при такой постановке вопроса это неверно и неточно. Подтверждение тому сама ленинградская дискуссия. Наши западные коллеги не ставили никаких таких проблем, которые нам были бы неизвестны, больше того, все эти проблемы в философско-эстетическом плане давно изучаются советской мыслью, на этот счет у нас выработана своя, основанная на глубоком знании позиция, я имею в виду и проблемы психологии творчества, и проблему романа как жанра и т. д. и т. п. Но в трактовке Н. Саррот понятия «дискуссии глухонемых» прозвучала, или, возможно, это нам показалось, одна неприятная нотка. У меня нет под рукой стенограммы выступления Н. Саррот, однако слушал я ее внимательно, без посредничества переводчиков, и, думаю, не ошибаюсь, когда утверждаю, что она, очевидно, незначительный пылу полемик, сочла нужным сказать о якобы низком нашем уровне, который мешает нам понять эстетику, поэтику и практику французского «нового романа», что мы, советские люди, мало сведущи в сложных перипетиях «подсознательного», уровень, мол, нашего читателя заставляет нас несколько упрощать или принижать нашу литературу.

Не думаю, что Н. Саррот — теоретик и практик французского «нового романа» так думала всерьез; тут, возможно,

* Во французском еженедельнике «Экспресс» 22 августа 1963 года появилась статья участника симпозиума Б. Пенго, подводящая итоги и оценивающая его работу. Я сейчас не буду давать оценки этой статье. Б. Пенго — человек, которому не откажешь ни в уме, ни в таланте, — в своей статье пытается быть максимально дипломатичным и высказывать литературные суждения о симпозиуме в пределах, допустимых на страницах «Экспресса». Б. Пенго пишет: «Новый роман» не вызвал единодушия на Западе. В некотором отношении такие писатели, как Энгус Уэлсон или Роже Кайюа, чувствуют большую близость к русскому «гуманизму», чем к поискам литературы, на их взгляд, слишком экспериментальной».

сыграл роль не только полемический накал страстей, но и желание найти еще какой-то аргумент в оправдание «нового романа». Ленинградская дискуссия воочию показала, что мы отвергаем философию, эстетику, поэтику «нового романа» не потому, что ничего о нем не знаем, или глухи к поискам его приверженцев, или нас к этому вынуждает наш читательский или писательский «уровень»; мы не принимаем их потому, что теоретическое обоснование «нового романа» носит длинную седую бороду агностицизма, а практика лучших представителей этого направления французского романа обедняется, несмотря на их безусловный талант и именно в силу того, что они так цепляются за субъективистско-идеалистические представления. При чтении К. Мориака, Ален Роб-Грийе, М. Бютора да и самой Н. Саррот, не покидает чувство, что предвзятая, ложная философско-эстетическая позиция и их так называемая «новаторская поэтика» как дамочек меч висят над творчеством этих писателей, так прекрасно владеющих стихией родного языка; но даже несмотря на всю заумь и вопреки навязчивым идеям, внутренней логикой писательского таланта они открывают читателю довольно интересный мир человека, хотя нам чужого и от нас очень далекого, но все же человека, отягощенного кошмарами, снами, видениями, ужасами, корни которых лежат не в сфере «пресознания» или «подсознания», а в условиях материальной и духовной жизни капиталистического общества; а оно, кстати, у тех же представителей «нового романа» не вызывает ничего, кроме резко-критического отношения.

И тут мы подходим к очень важному вопросу, который, конечно, требует разъяснения. Ален Роб-Грийе в длинных частных беседах как на берегах Невы, так и в Ясной Поляне, во время прогулки по каналу им. Москвы, а также в ходе других встреч, да и в своем выступлении в Ленинграде, правда вежливо, настаивал на своих позициях, которые он уже в форме, как мне кажется, резко полемической, изложил в «Экспрессе» 19 сентября 1963 года.

Что же утверждает Роб-Грийе? «Для нас литература не средство выражения, а поиск. И она никогда не знает, что пишет. Она не знает, что хочет сказать. Поэзия в искусстве — для нас это выдумывание, выдумывание мира и человека, выдумывание непрестанное и непрестанное сомнение». Эти мысли о сущности литературы, к сожалению, неглубокие, старенькие, как этот мир. Дальше Роб-Грийе хоть и утверждает, «что писатели не сильны в политике», но тут же берется рассуждать на политические темы. Ничтоже сумняшеся этот новоявленный оракул возглашает: «Писатель, как и любой художник, не может знать,

чему он служит. Литература для него не средство, которое он может поставить на службу какому-либо делу... роман или пьеса не орудие, и с точки зрения общества он, возможно, и не может принести большой пользы».

Естественно возникает вопрос, для чего тогда нужна литература и почему бы Роб-Грийе не заняться своей прямой профессией — агрономией.

Но Роб-Грийе пишет, иногда даже нудно, пишет романы, сценарии, даже ставит фильмы («Бессмертник»). Почему? Оказывается, потому, что «нас прежде всего интересует литература (или кино), что форма книг, пьес, фильмов нам представляется гораздо более важной, чем идеи — даже антифашистские, — которые в них можно найти, что в момент творчества мы не знаем, что значат создаваемые нами формы, и в еще меньшей степени — чему могут они послужить». Это тоже удивительно мелкая философия, даже не на глубоких местах. Плохо разбирающийся в политике, Роб-Грийе решает заниматься худшим видом политики — политиканством, и опять восклицает: «Как же может литература следовать день за днем за всеми колебаниями политики?» И как заключительный аккорд: «Политика, в конце концов, нас вовсе не интересует!»

Чем все же заняты новоявленные апостолы внеполитичной, «чистой литературы»? Оказывается, поиском: «Мы предпочитаем, — пишет Роб-Грийе в «Экспрессе», — наши поиски, наши сомнения, наши противоречия, нашу радость от сознания, что мы можем еще что-то придумать».

Чем же занимаются советские писатели? «Они в плену романа XIX столетия и возводят в закон формы прошлого и поклоняются Толстому». По поводу «поклонения Толстому» я не могу пройти мимо странного выпада Роб-Грийе. Он пишет «о неисчислимых могилах Толстого, над которыми мы (т. е. делегаты симпозиума. В. М.) должны были склоняться». Никто не заставлял Роб-Грийе и его единомышленников ни в прямом ни в переносном смысле склоняться над могилой Л. Н. Толстого. Могила величайшего романиста мира могла бы спокойно обойтись без поклонов Роб-Грийе. Дело было так: наши вежливые хозяева из Союза писателей СССР еще в Ленинграде предложили участникам симпозиума по возвращении в Москву поехать в Ясную Поляну, в дом-музей Л. Н. Толстого; там было назначено заседание руководящего совета Европейского сообщества. Никто против этой поездки не возражал, и если кто не желал или не мог ехать в Ясную Поляну, его и не заставляли «поклоняться могилам Л. Н. Толстого». Кстати, туда не поехала Натали Саррот (возможно, она там раньше

бывала) да и многие другие, у которых оказались дела в Москве.

А Роб-Грийе сам, по собственному желанию, поехал с супругой в Ясную Поляну, внимательнейшим образом осматривал дом-музей и усадьбу, был на могиле Л. Н. Толстого, многократно все фотографировал, сам фотографировался, возвращаясь, делился своими впечатлениями, а сейчас, вернувшись во Францию, оповещает читателей «Экспресса» (у этой газеты количество читателей подстать любой многотиражке большого нашего завода), что он, видите ли, «должен был склоняться» над могилой Толстого. Не совсем понятно, зачем нужно писателю, который парит в небесах в поисках новых форм романа, заниматься такой странной политикой. Не потому ли, что он «ангажирован» «Экспрессом»?

Итак, адепты «нового романа» ищут новое, экспериментируют, они пытаются увидеть «новую реальность», а мы — ретрограды, традиционалисты, мы скользим по поверхности, в то время как они хотят проникнуть в «сущность», в «тайны» человека и его бытия; они не удовлетворяются описанием только лишь сферы сознательного, ибо, как сами же утверждают, эта сфера многократно показана классиками; они хотят продолжать поиски Пруста, Джойса, кое в чем Кафки, они хотят развить некоторые традиции, заложенные в раннем Фолкнере, даже у Селина; мы — заняты перепевом гениев, того же Толстого, и перепев-то получается плохенький, так как метры были первооткрывателями, их же последователи потенциально, возможно, и гениальны, но принципиально решив повторяться, а не искать, работают вхолостую и попусту растрачивают свой талант.

А Роб-Грийе говорил на симпозиуме, что они пишут не для утверждения уже известных ценностей, а для того, чтобы открыть новые. Ответственность писателя — в этих исканиях: он несет ответственность за свои средства выражения, формы, которые изобретает, воображаемый мир, раскрываемый в этих формах. И если его интересы правильны, они рано или поздно подтвердятся. Дело читателя идти за ним.

«Роман. — говорил на симпозиуме итальянский писатель Гвидо Пьевене, который как будто поддержал французских «новых романистов», — это средство познания, открытия. Меня интересует одно: что-нибудь добавить или что-нибудь разрушить». Даже В. Пенго в той же статье в «Экспрессе», правда очень робко и сдержанно, считает нужным полемизировать с этой позицией Роб-Грийе и Пьевене. «Такая позиция, — пишет В. Пенго, — таит в себе угрозу не менее опасного одиночества, ибо в действительности они пишут «для того, чтобы пи-

сать», и литературные искания обречены на удушье, если они предпочитают средства общения самому общению, если они позволяют форме определять содержание».

Согласно утверждениям «новых романистов» обновление романа лежит на пути возврата к «чистому», «незаинтересованному» искусству. Но чистое искусство в понимании «новых романистов» не равнозначно «искусству для искусства». Самодовлеющая красота выхолощенных литературных подделок не увлекает Н. Саррот и в особенности Роб-Грийе. Дело в том, что они изгоняют из искусства и литературы само понятие прекрасного, по существу они проповедуют своеобразную стерилизацию художественного творчества. Произведения «новых романистов» не обращены ни к одной из граней эстетического переживания или непосредственного созерцания человека — это создание чисто «головное», по самой своей сути «аскетическое» (см. обстоятельную, хорошо аргументированную, обоснованную статью С. Великовского «На холостом ходу», «Иностранная литература», 1963, № 1, стр. 179).

Что же, посмотрим, так ли уж неотразимы аргументы представителей «нового романа», других модернистов и даже не только модернистов, но некоторых писателей, чьи эстетические позиции весьма шатки. Кстати, ведь к этим аргументам прислушиваются порой и у нас.

Необходимо заметить, что все эти аргументы и выкладки теоретиков и практиков модернистского искусства внимательно изучены, проанализированы и опровергнуты советской философской мыслью, эстетикой, литературоведением и литературной критикой.

Повторим все же то, что уже было не раз сказано по этим вопросам у нас. Во-первых, что означает противопоставление поиска средству выражения, о котором пишет в «Экспрессе» А. Роб-Грийе, если даже понятие «выражение» воспринимать так, как его трактовал итальянский философ Бенедетто Кроче. О Кроче мы вспомнили, так как о нем говорил Г. Пьевене.

Б. Кроче под «выражением» понимает не только словесные выражения в языке, но и несловесные выражения: объективацию впечатлений в восприятии цветов, линий, пластических форм, звуков, движений и т. д. Понятие «выражение» охватывает, таким образом, все возможные обнаружения человека-оратора, музыканта, живописца и т. д. (см. В. Ф. Асмус. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1963, стр. 137). Разве возможно в литературе противопоставлять понятия поиска и «выражения», т. е. «выражения» позиции, точки зрения, мировоззрения, мирозерцания. Ведь сам поиск у писателя

идет через выражение, как об этом говорил на симпозиуме Роб-Грийе, если употреблять эти понятия в общепринятом значении и не заниматься мистификацией. Во-вторых, никто из теоретиков или практиков-романистов, стоящих на позициях социалистического реализма, никогда, нигде не выступал против экспериментирования как такового, против поисков идей, средств художественного выражения. Я исключою обскурантов в теории, графоманов в прозе. О них очень убедительно и хорошо говорил на симпозиуме А. Твардовский. Речь у нас шла совершенно о другом — какой именно ставить эксперимент. Ни один из серьезных ученых не будет экспериментировать без учета уже достигнутого предыдущими поколениями экспериментаторов. А Эйнштейн не опровергал механику Ньютона, а вобрал ее в свою общую и частную теорию относительности. Для чего экспериментировать, если заранее известно, что исходные позиции не могут привести ни к каким результатам. А ведь исходные данные экспериментов абстракционистов, модернистов разных направлений, авангардистов и т. д. и т. п. начисто отвергают возможность получения положительного результата ввиду их принципиальной априорной несостоятельности. Из эксперимента у них исключаются элементы сознания и по существу идет операция с миром подсознательного, причем, и это самое главное, изображение мира подсознательного той же «разорванной реальности» у них тоже ведь происходит через слово, через его изобразительные, выразительные возможности; а слово — эта реальность мысли, слово, в конечном итоге, является знаком предметов и выражает понятие, имеет свою объективную значимость, сколько бы ее не изменял благодаря ее условности. У нас есть все основания спросить любого, так называемого экспериментатора-романиста: каким образом вы объективизируете ваше субъективное если даже не восприятие, то хотя бы ощущение мира условной реальности, мира подсознательного? Слово имеет коммуникативные функции, и раз вы им пользуетесь, вы должны показать в доступной человеческому разуму и миру чувств (ну хотя бы в словесном образе, слове-символе) картину, которую вы увидели. Но если этого не получается и вместо образа мира вы нам показываете хаотическое нагромождение субъективных ощущений, разорванных и во времени и в пространстве, то где же тот критерий истины, художественной правды, которую вы хотите сообщить читателю; а у вас, наверно, есть это намерение, иначе для чего писать, для чего эти мучи и тайны творчества, о которых очень красноречиво говорил Бернар Пенно на симпозиуме и не менее красноречиво писал в «Dictionnaire anthologique

et critique», в статье «Литература сегодня». Совершенно правильно отметили французские критики Эдуард Лоп и Андре Соваж, что, например, Натали Саррот «стремится зафиксировать лишь самую необдуманную, ненасыщенную мыслью часть речи, амальгаму стертых слов, штампов, прописей... Язык, сведенный таким образом к «общему месту», лишается тем самым своего объективного содержания, своей логической значимости... Для нее (Натали Саррот. В. М.) сами слова, их объективное значение не в счет, единственная реальность — глубинные реакции бессознательного Я... Язык перестает служить людям средством передачи мысли и чувств, организации идей, он перестает быть объективным элементом их практической жизни... отношения между персонажами сводятся к субъективистским реакциям и тем самым становятся непознаваемыми, не могут быть ясно сформулированы.»

В последнем романе Натали Саррот «Золотые плоды», с которым мы ознакомились во время ленинградского симпозиума, вся эта философская и эстетическая концепция доведена до своего логического конца. Французский критик Франсуа Эрваль заметил, что в этом романе «автор устранил из своего произведения все, что обычно рассматривается как сущность романа; мы точно не искали бы в «Золотых плодах» персонажей или сюжет. Натали Саррот написала абстрактный роман в том смысле, в котором говорят о живописи, что она абстрактна.»

В 1956 году в «Эре подозрений» Н. Саррот писала: «Так, в результате эволюции, аналогичной той эволюции, которая происходит в живописи, — хотя более робкой и медленной, прерываемой долгими остановками и отступлениями, — психологический элемент, подобно элементу чисто живописному, незаметно высвобождается из объекта, с которым был слитен (кастати, что это за психологический элемент вне объекта?! В. М.). Он стремится к тому, чтобы стать самодовлеющим, обходясь, по возможности, без подпорки. Именно на нем концентрируются все поиски романиста, на нем должен сосредоточить свое внимание читатель.»

Н. Саррот то же самое повторила на симпозиуме в Ленинграде. Она пыталась объяснить нам, что существует различие между зримым и незримым, между поведением внешним, социальным, рационализированным и, следовательно, неподлинным (Sic!?? В. М.) и глубинными движениями, которые его определяют, которые составляют его смутную и колеблющуюся истину. Они, как видно, потому и «смутные и колеблющиеся», что не рационализированы, т. е. лежат не в сфере сознания, а где-то в

другом месте; этим же другим местом и является сфера подсознания. А эти «смутные и колеблющиеся глубинные движения» абсолютно индивидуализированы, и их невозможно объективизировать через индивидуальный опыт отдельного писателя.

Разве возможно ставить эксперимент на этих абсолютно субъективистских, произвольных посылках? Кто будет осуществлять контроль за ходом эксперимента? Тут делу не помогут даже счетно-вычислительные электронные машины новейших образцов. Этот путь эксперимента отвергается нами, так как он ведет в то ничто, в то Nichts, откуда на грешную землю вынужден был вернуться Фауст Поля Валери. Мы отвергаем этот эксперимент не потому, что не «созрели» для его постановки; как раз наоборот, он был проверен на опыте и русской, и мировой литературы и ничего положительного не дал. Запоздалое увлечение опытами доктора Зигмунда Фрейда не делает чести его современным литературным последователям, так как даже та сфера подсознательного, над которой работал в начале века венский врач, очень интересный экспериментатор, но удивительно ограниченный философ, сейчас изучается не только через психоанализ, а на основе широко поставленных научных опытов. Это делают и у нас в СССР, и в Соединенных Штатах Америки, и кстати, в самой Франции. Мы бы посоветовали нашим коллегам из Франции заглянуть в журнал «Revue de médecine Psychosomatique» где они обнаружат, как далеко ушло изучение подсознательного от весьма примитивных опытов над этим феноменом у Зигмунда Фрейда.

Хотелось бы спросить современных модернистов: почему им кажется, что подсознательное проявляется только лишь в кошмарах, сновидениях, ужасах, в бреде, в шизофренических состояниях? Это ведь только одна из сфер его проявления, причем сфера патологическая; а кто исключил его проявление в сфере активных, волевых действий человека? Кто из марксистов (мы опять исключаем обскурантов, догматиков, просто невежественных писак) отрицает, что многие психические акты действительно пока не находят объяснения, что осознанным действиям человека предшествуют какие-то опосредствованные моменты, происходящие в его сложной не только психической, но и биологической, биохимической структуре; например, сейчас не только гипотетически предполагают, но и экспериментально исследуют биологическую радиосвязь между живыми организмами. Все это так, но кем доказано, что произвольные «эксперименты» модернистов хоть на шаг продвигают человека к познанию этой области челове-

ческого бытия? Опыт абстракционизма в живописи, почти десятилетний опыт ультрамодернистской литературы, опыт тех же Джойса, Эзры Паунда, Пруста, Ионеску, даже Беккета и многих других (присоединять к ним Кафку, пожалуй, ни к чему), ни на шаг не подвинули нас к действительному познанию мира подсознательного, единственного мира, которым и стоит, по утверждению тех же модернистов, заниматься литературе.

Тут же возникают такие принципиальные вопросы. Разве роман уже до конца исчерпал мир сознательного, мир человека-творца, человека-преобразователя природы и условий своего существования? Как можно игнорировать огромный опыт мировой литературы не только классиков, но и современных писателей? Почему надо, если находится в сфере западно-европейского литературного процесса, все время иметь в виду опыт только Джойса, Пруста, Керуака, Эзры Паунда и игнорировать Томаса Манна, Фолкнера, Хемингуэя, Сноу, Пристли, раннего Дос-Пассоса, «Гроздь гнева» Стейнбека, Колдуэлла, Роже Мартен дю Гара, Моравиа, Экзюпери, я уже не говорю о прогрессивно-демократическом крыле в каждой национальной культуре и литературе любого народа? Как можно игнорировать опыт огромной многонациональной советской литературы, о которой весьма убедительно на симпозиуме говорил Л. Новиченко? Слушая некоторых наших западных коллег на симпозиуме, мне казалось, что упреки в ограниченности, узости взглядов, догматизме следовало бы в первую очередь адресовать именно представителям модернизма. Дай им волю, они готовы упразднить всю современную литературу не только социалистического, но и критического реализма и оставить на радость, а то и на страх миллионам читателей новоявленных адвокатов подсознательного, которые, кстати, не могут предъявить никаких полномочий на то, что именно они делегированы этим мистическим подсознательным феноменом на попрание философской, эстетической, романистической мысли.

Тут же я должен заметить Роб-Грийе, что мы заняты не эпатированием буржуазии, мы боремся с их вкусами, нравами не с позиции нигилизма, подсознательного, а с позиции материализма, социалистического реализма, исходя не из анархистствующего нигилизма, пассивного созерцания, а с позиции действия; роман же, как мы его понимаем, будь он традиционный или новаторский, должен служить человеку, преобразующему мир и вместе с ним изменяющему самого себя. Констатировать обреченность человека, его тяжелую судьбу, говорить о его кровотокающих ранах в условиях капиталистического бытия — само по себе занятие благородное; но ведь больно-

го нужно не только утешать, сообщая ему диагноз, но и лечить, лечить активно его психику, выводить его из состояния обреченности. Этой благородной задаче должен служить роман, должна служить литература; писать роман о том, как трудно его писать, что и делает Клод Мориак, или, например, создавать фильм о фильме, который не удалось снять, что мы и видели в картине Феллини «Восемь с половиной», возможно, и интересно для профессиональных литераторов и кинематографистов. Но разве можно так сужать сферу влияния искусства, литературы? И не является ли появление такого рода литературы признанием творческого бессилия их авторов?

В какие дебри может завести писателя неодолимое желание обязательно апеллировать именно к «подсознательному» было продемонстрировано в выступлении западногерманского писателя Ганса Магнуса Энценсбергера. Энценсбергер — молодой человек, ему сейчас 33 года; он, безусловно, одаренный поэт интеллектуального склада; в силу своих антифашистских настроений он даже покинул ФРГ и ныне проживает в Норвегии.

Так вот Энценсбергер в выступлении на симпозиуме, в частных беседах в Ленинграде, в Москве, в Ясной Поляне задавал себе и другим вопрос, как это могло случиться, что великий немецкий народ оказался на поводу у фашистских мракобесов. Энценсбергер был по-настоящему потрясен после посещения Пискаревского кладбища в Ленинграде, где покоятся тысячи ленинградцев, погибших во время блокады.

Никакие рациональные соображения не могут объяснить этих зверств, — восклицал Энценсбергер, — не исключено, что все это можно объяснить какими-то атавистическими явлениями, лежащими в сфере подсознания, и это должна выявить именно та литература, которая принципиально не отказывается от попыток понять феномен подсознательного.

Подобные взгляды намного раньше немецкого поэта развивал известный американский буржуазный литературовед Кеннет Берке, который утверждал, что социально-политические явления объясняются принципом синекдохи, проявляющимся в том, что кучка людей всегда стоит во главе масс народа; а в фашизме Берке видел «символическое проявление» агрессивных подсознательных импульсов, тающихся именно в подсознании человека (см. Л. Землянова. Современная эстетика в США. М., 1962, стр. 43).

Если стать на подобную позицию, одновременно признавая наличие подсознания у всех людей, как всегда им сопутствующий элемент психики, где как в некоей кладовой хранятся только лишь

атавистические, животные инстинкты, то нужно прийти к выводу о неизбежности мракобесия, фашизма, зверств при всех условиях и при любых обстоятельствах, тем более у таких народов, как немцы, которые, по мнению Берке, весьма podatливы на такие эксцессы подсознания.

Трудно себе представить, чтобы такой писатель, как Ганс Энценсбергер всерьез считал, что подсознание немца систематически должно себя проявлять в диких импульсах-эксцессах.

Фашизм — явление социально-политическое, вызванное определенными историческими условиями, фашизм будит в человеке животные инстинкты. Это, кстати, прекрасно показала не модернистская, а именно немецкая литература социалистического и нового критического реализма, которая много сделала, чтобы заглушить и даже ликвидировать эти инстинкты.

Но в постановке этого вопроса у Берке и Энценсбергера таится другая большая опасность: если фашизм — это проявление имманентного свойства психики человека, то всякая борьба с ним и с его рецидивами окажется пустой и бесплодной задачей, ибо едва ли литература хватит сил обуздать дикие импульсы. Фашизм, может быть, и требует психологического объяснения, но модернистская литература, отрывающая человека от общества, ставящая непроходимую грань, как об этом говорил на симпозиуме профессор итальянской литературы Римского университета Джакомо Дебенедетти, «между сложностью индивидуальности и общественными вопросами», этого не сумела сделать и никогда не делает из-за ложности своих исходных эстетических позиций.

Тут нельзя не отметить, что психологическая и эстетическая концепция «нового романа» в основном восходит к фрейдизму. Американский эстетик-фрейдист Симон О. Лессер в своей работе «Литература и подсознание» задолго до «новых романистов» роль интеллекта, моральных и социальных проблем в искусстве и литературе сводит к нулю и утверждает, что «подсознание проникает в самый скрытый смысл, перед которым интеллект оказывается слепым».

Мне могут возразить, что не все модернисты, не все литераторы, образующие группу «нового романа», стоят на позициях фрейдизма, не все оперируют феноменом подсознательного, что тот же А. Роб-Грийе, К. Мориак, М. Бютор и другие не во всем согласны с Натали Саррот, что у каждого из них есть своя позиция. Во-первых, никто из них, присутствуя на ленинградском симпозиуме, не возражал против эстетических концепций Н. Саррот; напротив, и А. Роб-Грийе и Г. Пьовене поддерживали ее; а во-вторых, если говорить только об участии ленинградского симпозиума

А. Роб-Грийе, то его эстетическая позиция, его поэтика романа, несмотря на кажущееся отличие от позиции Н. Саррот, по существу сходны с ней. Не вдаваясь в подробности, я бы хотел обратить внимание еще на одно высказывание А. Роб-Грийе. Он пишет, что «в эпоху Бальзака человек был смыслом всего сущего, ключом вселенной, ее естественным хозяином, ее вселенной, ее божественным законом. Сегодня от всего этого осталось немного» (см. С. Великовский. «Иностранная литература», 1963, № 1). Итак, от человека ничего не осталось, а так как роман это и есть повесть о человеке, то получается, что ничего не остается и от романа. Но А. Роб-Грийе все же пишет романы, хотя «считает несостоятельной любую попытку художественного мышления проникнуть вглубь человеческой личности» (см. С. Великовский. «Иностранная литература», 1963, № 1, стр. 183). Роб-Грийе хочет быть абсолютно объективным, ставя человека в ряд вещей, он не хочет становиться между вещами и читателем. Роб-Грийе утверждает: «Нам уже не удастся видеть мир свободным взглядом. Все, что окружает нас, начиная с самых упитанных вещей и кончая явлениями природы, втиснуто литературой в сеть умозрительных или эмоциональных значений, лишающую нас непосредственного контакта с внешней реальностью». И когда он пишет роман, то уподобляется неким регистрирующим приборам, работу которых просто констатирует, но не разъясняет о функции этих приборов и результатах их работы. Но Роб-Грийе все же не робот, а живой человек и волей-неволей привносит в это объективистское описание свое писательское я, свои размышления, и как раз в этот момент у него и начинаются «новоромагистские» мистификации, которые где-то своими корнями опять уходят в область подсознания. И круг тут вновь замыкается. Все попытки новых романистов, в частности К. Симона, К. Мориана, Мишеля Бюгера, изгнать из литературы литературную условность на практике терпят полный крах.

Прав был Овид Крохмальничану, когда заметил на симпозиуме, что «новый роман» гонится за химерой. Никогда нельзя будет полностью исключить литературные условности. Сам процесс чтения уже их предполагает. Литература не просто житейский опыт, а человеческий опыт, возведенный в высшую степень путем обобщения... «Новый роман» стоит перед опасностью превратиться скорее в трактат о том, как трудно писать, чем в роман в собственном смысле этого слова. Нам нечего добавлять к этим правильным замечаниям румынского литературоведа и критика.

Как известно, современные модернисты много говорят об изменении функ-

ция романа, да не только романа, в связи с фантастическим возрастанием роли науки. Об этом пишут все, в частности и А. Роб-Грийе, и К. Симон и многие другие по обеим сторонам Атлантического и Тихого океанов. Спорили и мы у себя об этих вопросах. Не хочется как-то вновь возвращаться к уже решенным спорам. Нужно ли здесь повторять, что развитие наук углубляет наше понимание мира, природы, общества, что наука движется руками человека, что наука оперирует логическими категориями, а литература, искусство — образным строем. Все это азбучная истина, известная любому нашему школьнику последних классов, не говоря уже о студентах.

Нельзя, конечно, механически разрывать логические категории мышления и образный строй восприятия мира. Некоторые люди, шокированные поражающим воображение развитием наук, гипотетически представляют будущее как эпоху, когда познание, узнавание мира через искусство и науку будут идти не параллельно, а сольются и образуют нечто целое, которое будет наукой-искусством или еще чем-то, новым феноменом, имя которого нам не известно. Возможно, что человек очень отдаленного будущего не станет нуждаться в ненаучной поэзии или неопозитивированной науке, так как наука в новом качестве воссоздаст ему полный образ мира именно через конкретное восприятие отдельного индивидуума. Даже сейчас, при желании, конечно, можно обнаружить типично поэтическую сущность в теории относительности А. Эйнштейна или в формулах квантовой механики Нильса Бора. Крупный грузинский ученый математик Андро Размадзе, написав на доске математическое выражение общей теории относительности А. Эйнштейна, воскликнул: «Как это красиво!» Эту формулу он воспринимал чисто эстетически. Едва ли многие достижения современной науки оказались бы возможны, если бы их первооткрыватели не были наделены чувством прекрасного. Небольшая книга покойного академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» воспринимается как художественное произведение самого высокого уровня.

С меньшим основанием мы найдем чисто логически отвлеченные конструкции в искусстве и литературе нашего времени.

В очень умной статье «Поэзия и мысль», напечатанной в «Литературной газете» 5 октября 1963 года, один из интереснейших советских поэтов Евгений Винокуров вспомнил, что провансальские трубадуры называли поэзию «веселой наукой». Можно пойти дальше и при желании найти чисто эстетические ценности в научных описаниях сложных структур микромира. Конечно, между двумя формами познания мира — логи-

ческой и образной — существует диалектическое единство. Но нам кажется, что искусство, литература никогда не лишится своей, только им присущей специфики, утверждения личности человека как единственной неповторимой ценности. Прав В. Ермилов, указывая Клоду Симону, что «искусство схватывает действительность всегда лишь в отдельном, особенном, раскрывая в данной неповторимой конкретности обстоятельство и в данной неповторимой человеческой индивидуальности общие связи» (см. «Литературная газета», 1963, № 108, 7 сентября). В. И. Ленин гениально заметил, что в искусстве весь гвоздь — именно в данных обстоятельствах, в данных отношениях, в данных людях.

«Новые романисты», да не только они, а и многие абстракционисты, модернисты разных школ и направлений упрощают духовную историю человечества.

Человек, как говорил Маркс, это сумма общественных отношений, он сам все время находится в процессе изменения, его духовный мир становится все богаче и многограннее. Расширяя свое научное и образное восприятие мира, человек не отказывается от уже добытого предыдущими поколениями, и поэтому творения Данте, Шекспира, Руставели, Толстого, Достоевского соотносятся с его реальным, новым восприятием мира. Мы исходим из того, что психический склад человека — явление многогранное, всеобъемлющее, и великое искусство, созданное гениями, воспринимается определенной частицей его внутреннего мира, возможно, через сферу безусловных рефлексов, искусство новое, прогрессивное — через сферу условных рефлексов. Это процесс диалектический и очень сложный. С примитивных позиций модернизма и догматического социологизма понять его, конечно, невозможно.

На помощь литературоведам у нас в СССР приходят крупнейшие ученые-физиологи, психологи, биохимики и даже математики; я имею в виду интереснейшие исследования академика А. Н. Колмогорова, в частности, его работу «Использование теории вероятности в поэтике».

Представители «нового романа», как мы писали выше, выступают, как известно, против так называемой «ангажированной» литературы, то есть литературы, исходящей из определенных исторических, моральных, этических принципов и установок. А. Роб-Грийе пишет: «Неразумно требовать, чтобы наши романы служили политическому делу, даже если это дело кажется нам справедливым и в нашей политической жизни мы боремся за его торжество. Политическая жизнь вынуждает опереться на уже сложившиеся представления — исторические, моральные. Искусство скромнее —

или честолюбивее: для него нет ничего, данного заранее»* (см. С. Великовский, «Иностранная литература», 1963, № 1, стр. 178).

Об этом же говорил Роб-Грийе на ленинградском симпозиуме, эту же мысль развивал К. Симон на симпозиуме в Хельсинки. Мы в Ленинграде же возражали Роб-Грийе, что его постановка вопроса уже есть политика, хочет он того или нет. Литература одна из форм общественного сознания. Литература создает образ мира через человека, литература оперирует словом, которое является конденсированным человеческим опытом, слово обращено к человеку, а человека вне общества не было и быть не может. Еще Аристотель знал, что человек — это «зоон политикон», то есть, что он общественное, политическое животное, а общественное и есть политическое. Убегать от политики это значит убегать от человека, а вне человека не может быть литературы. Это аксиоматическое утверждение, и едва ли Роб-Грийе может что-либо членораздельное возразить против него. Но у Н. Саррот есть свое возражение. «В самом деле, — пишет Н. Саррот, — раз цели, которые мы назвали внелитературными, — советы, примеры, нравственное и социальное воспитание и тому подобное... — становятся главным смыслом существования романа, происходит опрокидывание всех ценностей: инструментом превращения романа в оружие революции служит именно то, что подчиняет его академически застывшей форме... Во имя моральных императивов приходят в конце концов к аморализму, который в литературе означает пренебрежительную, конформистскую, неискреннюю и невольную позицию в действительности». (N. Sarraute, L'Ere du Soupçon, Paris, 1956, стр. 28).

Возможно, Роб-Грийе и Н. Саррот в какой-то мере и правы, имея в виду действительно аморальную, конформистскую литературу Запада, но как можно обобщать частный случай, имеющий место в определенной общественно-экономической формации, распространять этот вывод на все романы, на всю литературу, трактующую проблемы морали, исторические, общественные яв-

* Роб-Грийе здесь возражал Ж.-П. Сартру, который говорил: «Писатель погружен в свою эпоху: всякое слово вызывает отклик. Всякое молчание тоже... поскольку мы воздействуем на наше время уже самим своим существованием, мы за то, чтобы это воздействие было сознательным». И Альберу Камю, который писал: «Время безответственных художников прошло... для нас нет иного покоя, чем тот, который обретается в самой гуще сражения».

ния, политические коллизии. По этой странной теории из литературы нужно исключить не только всех писателей социального, но и старого и нового критического реализма, исключить всех гениев литературы, да не только их, но даже милых сердцу «новых романистов» Джойса, Пруста, я уже не говорю о Кафке, который является ярко выраженным социальным, то есть политическим писателем. Другое дело, конечно, как трактовали тот же Джойс или Кафка социальные и политические проблемы. Походя, сами того не замечая, А. Роб-Грийе, Н. Саррот, К. Симон подчеркивают не только экзистенциалистскую литературу, но, пожалуй, собственное художественное творчество, ибо даже «Золотые плоды» Н. Саррот, последние сценарии и кинокартины «В прошлом году в Мариенбаде», «Бессмертник» и романы Роб-Грийе трактуют проблемы бытия человека, а значит проблемы политики. Роб-Грийе в «Экспрессе» утверждает, что писатель должен убежать от политики, от проблем жизни, пытаться освободиться от «ангажированности», что в этом основная задача его литературной деятельности. Задача явно невыполнимая, как это видно из прискорбного случая с самим Роб-Грийе. Он сам сидит по уши в политике, чему первое свидетельство его статья в «Экспрессе». Вот к такому теоретическому абсурду приводит упорно отстаиваемая ложная эстетическая концепция, которая сама является порождением определенной политики, определенных материальных и социальных условий.

Нельзя абстрагироваться и от известной истины, что духовная жизнь общества имеет две основные сферы — психологию и идеологию, которые несут классовый характер. Общественная психология — это совокупность настроений, переживаний, особенностей восприятия различных явлений той или иной социальной группой. Общественная идеология — это совокупность определенных теорий и взглядов, выраженных в формах общественного сознания. А то, что идеология имеет классовый и политически переходящий характер, это также элементарная истина. Литература выражает общественную психологию, является формой общественного сознания.

Совсем не обязательно, чтобы влияние указанных факторов на философско-эстетические взгляды, идеологию и творчество «новых романистов» было осознано самими адептами этой литературной школы. Тут мы имеем дело с тем сложным процессом в области идеологии, о котором писал Ф. Энгельс: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему

неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что это материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие кажется основанным в последнем счете на мышлении, потому что совершается при посредстве мышления» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 1-е, том XXIX, стр. 228).

Думается, именно в этих положениях основоположника марксизма показано, откуда идут гносеологические корни ошибок теоретиков и практиков «нового романа».

Нам кажется, сетования Роб-Грийе на то, что аргументы правых и «левых» критиков «нового романа» совпадают, основаны на недоразумении. Правые, реакционные литературоведы, эстетики, публицисты критикуют «новых романистов», исходя из своих цеховых, окололитературных, политических интересов. Марксисты же критикуют «новых романистов» с позиции большой человеческой правды. Дело не в аргументах критиков «нового романа», а в принципиальной позиции, из которой исходит эта критика.

Было бы, конечно, неправильным представлять современный мир литературы на Западе как целиком отданный на откуп «новым романистам», модернистам разных толков. Реальный литературный процесс на Западе многообразнее и многограннее. Там немало выдающихся представителей нового критического реализма и социалистического реализма. И вряд ли нужно здесь называть их имена, они хорошо известны нашему читателю, ибо мы сейчас много переводим прогрессивной литературы Западе.

На ленинградский симпозиум, как известно, приехали не только представители «нового романа». Да и в самой французской делегации были литераторы других тенденций. Из Франции на ленинградский симпозиум приехали Ж.-П. Сартр, Симона де Бовуар, поэт Фрэнс, которые очень далеки от «новых романистов». Едва ли правильно к «новым романистам» причислять даже ученика Ж.-П. Сартра Бернара Пенно, я уже не говорю о литературоведе, кри-

тике, эссенсте Роже Кайоа, который говорил в Ленинграде об ответственности писателя «за свое искусство, за все лучшее в человеке». Мы никак не могли согласиться с ирландской писательницей Кейт О'Брайен, которая утверждала, что «художник должен путешествовать один без всяких наставлений», или с утверждением англичанина Джона Лемана, что «политика и социология не имеют прямого отношения к роману», хотя уже к концу дискуссии тот же Леман удивил многих, заявив, что он больше склонен согласиться с советской точкой зрения, чем с французской. Об этом же сказал генеральный секретарь Европейского сообщества писателей Джанкарло Вигорелли.

Были и другие оттенки мыслей на симпозиуме. Обо всем не скажешь, да и нужды в этом нет. Мы сосредоточили внимание на эстетической концепции и поэтике «новых романистов», потому что они в наиболее конденсированном виде отстаивали позиции модернизма, которые в корне противоречат нашим философским, социологическим, литературоведческим воззрениям.

Можно было бы поспорить с многими другими участниками симпозиума, но это можно будет сделать в следующий раз, ведь встречи с нашими западными коллегами не закончились. Нужно думать, впереди еще предстоит дискуссия, обсуждения, споры по насущным проблемам литературы.

На Западе много различных литературных объединений. Европейское сообщество писателей является региональной организацией, которая выгодно от них отличается, помимо всего прочего, тем, что здесь объединились многие писатели Запада, решительно осуждающие антикоммунизм.

Европейское сообщество писателей — единственная в своем роде организация,

где собраны и встречаются как писатели Запада, так и писатели СССР, социалистических стран Восточной Европы. Именно здесь подчас происходит диалог между представителями различных, противоположных идеологий. Советские писатели считают, что этот диалог нужен, так как изоляционизм в конечном счете приводит к консерватизму, догматизму и в некоторых случаях к прямому обскурантизму. Мы не считаем нужным отгораживаться китайской стеной от тех писателей Запада, которые соглашаются пусть даже на острый, непримиримый, но все же диалог. Поэтому дальнейшее расширение и укрепление Европейского сообщества писателей, усиление в нем представительства демократических, прогрессивных писателей Запада, в частности Франции, способствовали бы более плодотворному обмену мнениями, пропаганде в недрах этого сообщества идей гуманизма, материалистической концепции искусства и литературы.

На приеме группы европейских писателей в районе Гагра, после окончания ленинградского симпозиума, Н. С. Хрущев подчеркнул, что дальнейшее укрепление и развитие культурных связей и сотрудничества между странами с различным общественным строем не означает мирного сосуществования в области идеологии (см. «Литературная газета», 1963, № 98, 15 августа). Никита Сергеевич призвал писателей к объединению их усилий в борьбе за мир, прогресс и дружбу между народами. Этот призыв главы Советского правительства и первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза будет служить программой деятельности всех слоев творческой интеллигенции, создающей новые художественные ценности и обогащающей прогрессивную культуру как на Западе, так и на Востоке.

— 107 —

Мосе ГВАСАЛИЯ

Кязим Хутаба

Самое примечательное во внешнем облике Ткварчели — то, что он утопает в лесах. Каштанник сменяется еловым лесом, ввысь уходит альпийская зона и царство вечного льда и снега.

Город вытянулся вдоль узкого ущелья Галидзги в исполинских отрогах Кавкасиони. И кажется отсюда, что Колхидская низменность и бескрайние морские просторы где-то далеко-далеко внизу.

А родился этот город на месте бывших пастбищ, когда геологами были обнаружены закопанные в скалы богатейшие клады — колоссальные залежи каменного угля. В 1930 году на склоне горы Акармара начали строить первую шахту.

Сейчас на этом месте центр города, застроенный красивыми многоэтажными зданиями.

Горы прорезала лента железной дороги, гудки электровозов растревожили обитель орлов и оленей.

С тех пор вокруг Ткварчели возникло еще пять шахт, город растет, отвоевывая пространство у гор, тянется к подножью Хбджала, где в недалеком будущем вступит в строй новая шахта — самая мощная и богатая по своим залежкам.

...

— Вы будете рады этому знакомству, — сказал секретарь партбюро шахты Камо Бебуа, прежде чем представить меня Кязиму Хутаба. — Ценный для вас человек. — И тут же до-

бавил с улыбкой: — Для нас, пожалуй, еще ценнее.

Мы идем с Кязимом по штольне, освещенной электрическими лампочками. Она кажется мне бесконечной. Снуют нагруженные углем электровагонетки, жужжат вентиляторы, рокочет бьющий прямо из скалы черный поток, из штреков доносятся раскаты взрывов, сквозной ветер продувает туннели...

Мне, непривычному к такой обстановке человеку, не по себе в этой гудящей тьме. Но я стараюсь вышагивать бодро, уверенно и, скрывая свое смятение, по мере возможности сохранять спокойную улыбку. Зато Кязим чувствует себя здесь как дома. И если бы вдруг тут оказались койка, стол, домашняя утварь, принадлежащие ему, я бы, наверное, не удивился...

Кязиму — пятьдесят. Но поверить в это трудно — такой он крепкий, здоровый, будто весь налитой могучей силой. И хотя по возрасту Кязим имеет уже право подумать о пенсии, «пенсионная» тема для него самая нежелательная и мучительная.

Мы идем, низко нагнувшись. Высота туннеля едва достигает восьмидесяти сантиметров. Кажется, тускло блестящий черный свод вот-вот навалится на тебя всей своей тяжестью. Дышать становится трудно, словно ты втиснут в тесный мешок.

Да, человек слабый здесь не продержится и дня. Труд шахтера под силу лишь людям сильной воли, большой выдержки...

Но вот мы остановились. Кязим вни-

мательно осмотрел свое рабочее место, провел рукой по своду, стяхнув колеблющиеся капли воды, готовые вот-вот сорваться нам на голову. Взял в руки электробур и несколько раз перевернул его, словно понград им. Потом длинный стальной зуб этой небольшой машинки вгрызся в каменную стену. Со скрежетом стали обрушиваться черные пласти, и растревоненный уголь пошел грохочущим потоком. Но мне продолжало казаться, что Кязим еще не начал работать как следует, что он просто демонстрирует свою ловкость, мастерство, умение красиво работать. И я все ждал, что он, наконец, начнет работать как-то по-настоящему, как-то иначе — тяжелее, равнодушнее, а не так легко, точно игроками.

Но я простоял подле него несколько часов и так и не дождался той минуты, когда Кязим станет работать иначе. Я убедился лишь, что он работает так всегда, что он достиг подлинного артистизма в своей профессии и что в ней — его счастье.

Шпурь забыты, работа окончена. Мы уходим от непривычных мне звуков подземных взрывов, которые обступают непонятно откуда — сверху, снизу, отовсюду... Кязим, видимо, замечает, что я рад поскорее отсюда выбраться, и, будто извиняясь, замечает: «А у меня самое северное настроение обычно бывает в выходной — я не знаю, куда себя девать, будто там, вверху, у меня мало дел».

О своей шахте Кязим Хутаба может рассказать абсолютно все. Его биография почти полностью совпадает с биографией шахты. За пределами остается лишь детство и отрочество — трудные, сиротские, оставившие только тяжелые воспоминания.

В крестьянской семье Кушана Хутаба из села Блабурхва было пятеро детей. Мать умерла, когда Кязиму — среднему из них — было около семи лет. Немного после ее смерти прожил и отец. Никто из детей Кушана, кроме Кязима и его сестры Арзени, не изменил семейной традиции — они живут на селе, работают в колхозе.

Старый дом Кушана Хутаба по-прежнему стоит в Блабурхва, а семья брата Кязима — Ладико, живущая в нем, бережно сохраняет его.

— Мне очень приятно, — признается Кязим, — что очаг в доме отца не погас. Ведь когда начал строиться Тьварчели, вместе со мной многие односельчане ушли из села на промышленную стройку. Скольких рабочих рук тогда лишились селения. Но те, кто остался, — не сплеховали, колхозная

жизнь шла, не нарушая своего привычного течения.

Население молодого шахтерского города тогда почти сплошь составляли переселенцы абхазских сел, земляки Кязима. На первой шахте и сейчас трудятся вместе с Кязимом его земляки — Иван Авидзба, Михаил Кнут, Владимир Шинкуба, Забет Жоба и другие. И каждый из них с гордостью говорит о том, что в их домах на селе родной очаг не гаснет.

Кязим прибыл в Тьварчели в феврале 1938 года по комсомольской путевке. Их было тогда пятьдесят абхазских комсомольцев, приехавших вместе с ним строить новый город, — не имеющих никакой профессии, но готовых преодолеть любые трудности.

Начинал Кязим на шахте откатчиком. Тошадил не хватало и нужно было вручную откатывать вагонетки, нагруженные углем. Труд неизмеримо тяжелый — лучшее испытание шахтерской стойкости, воли. Это — боевое крепление начинающего шахтера, через которое обязаны были пройти все, кто решил подняться на следующую ступеньку шахтерской судьбы — идти в забой. И, конечно, выдержки хватало не у каждого, были и беглецы, но о них никто уже не вспоминает... Память легче бережет хорошее — хотя бы тот день, когда все убедились в том, что Кязим с честью справился с первым испытанием и его направили в бригаду проходчиков.

Эта новая ступень освоения горного дела, шахтерского мастерства продолжалась два года.

За ними следуют четыре года с пневматическим молотом в руках — примитивным тяжелым инструментом, который ныне стал уже достоянием далекого прошлого.

Кязим — ведущий забойщик. Эта основная шахтерская профессия принесла ему славу превосходного знатока своего дела. И если прибавить к этому горячее и чуткое сердце, активность настоящего коммуниста, то никого не удивит решение руководителей шахты доверить Кязиму Хутаба воспитание молодого поколения шахтеров. В 1943 году Кязима назначают мастером производственного обучения. Он был одним из первых абхазцев, которым поручалось такое ответственное дело, как подготовка кадров для трудного подземного производства.

За шесть лет работы мастером Кязим подготовил больше сотни забойщиков. Многие из них завоевали добрую славу, стали знатными людьми родного города. Среди них известный бригадир забойщиков Глеб Лакоба, Иродион Ажиба и многие другие.

С 1949 года Кязим Хутаба снова в забое.

Тысячи тонн угля, добытые сверх пла-

на, с честью выполненные социалистические обязательства, награды, благодарности — все это украшает трудовую биографию шахтера. Но самое главное в ней — огромное уважение и доверие товарищей по труду.

Шахтеры — народ строгий и требовательный. Спрашивают они с людей по большому счету. И если уж они избрали в марте 1963 года Кязима Кушановича Хутаба депутатом Верховного Совета Грузинской ССР, то можно быть уверенным, что этот человек сполна оправдает их доверие, ни в чем не подведет.

• • •

Кязим Хутаба живет в одном из тех домов, которые первыми выросли при Акармарской шахте в тридцатые годы.

В этой квартире происходили у Кязима все знаменательные события его жизни — женитьба, рождение четверых детей. Сейчас старшему сыну — Роману — уже восемнадцать лет. У него ясные цели и перспективы на будущее. Он работает в забое рядом с отцом, мечтает быть механиком на шахте. Второй сын — Илларион — ученик седьмого класса, тоже уже не колеблется в выборе профессии, он с уверенностью говорит о том, что будет горным инженером.

— Это потомственные шахтеры! — с гордостью говорит о сыновьях Кязим. Мы сидим за столом в квартире Кязима.

— Может, сыграешь нам что-нибудь, дочка? — говорит Кязим, снова не скрывая гордости.

Тинико не заставляет себя упрашивать, и вот уже льются мелодии абхазских и грузинских песен. Пока девочка играет, Кязим улыбается удовлетворенно, в его черных, как уголь, глазах светятся счастливые огоньки.

Я заметил, что между детьми и родителями в этой дружной, ладной семье — полное взаимопонимание.

Музыка настраивает всех на мечтательный лад, и незаметно возникает разговор о будущем, о планах и надеждах. Ведь ничто так не волнует, не задевает за живое, как забота о завтрашнем дне. о том, чтоб он был полноценным, насыщенным. И тут у Кязима прорвались наружу его сокровенные мысли, которые он вынашивал, как видно, не один день.

— Вам в Ходжале удалось уже побывать? — неожиданно спрашивает он меня.

— Да. Я только оттуда.

— А обратили внимание, какая там шахта создается? Собственная подземная гидроэлектростанция на шахте — это не шутка. Уникальная! Говорят, сей-

час все специалисты Советского Союза по горному делу заинтересовались этой штукой. Вот где интересно будет работать. Геологи предполагают, что там угольные залежи лет на тридцать-сорок, не меньше, дадут работы шахтерам — и то при условии использования самой новейшей техники. Значит, и на долю моих детей выпадет там немало интересных дел. Да и я пока оружие складывать не собираюсь. Вот на Ходжале и думаю поговорять, сколько сил достанет. А поскольку возраст у меня пенсионный, — он хитро подмигнул сидевшим за столом сыновьям, — то мне не грех подумать о постоянном курорте — а на Ходжале природа хоть куда, и воздух чистый, — шутит Кязим.

Мы говорим о смелом плане грузинских инженеров, связанном с Ходжалом — самой большой и высокой горой в этих местах. Когда на нее смотришь с Акармара — на голых альпийских склонах и в середине лета можно увидеть островки ослепительно белого снега. Недра этого великана содержат между вулканическими пластами настоящее подземное каменноугольное море!

У подножья Ходжала на берегу реки Галидзги видны два овальных входа в туннели. Один большой — будущая главная штольня, второй меньше — вспомогательный. На длину в шесть километров почти горизонтально врезаются эти туннели в сердце Ходжала и расходятся потом на множество штреков. Здесь же, на глубине 450 метров, в громадных пещерных залах будет построена гидроэлектростанция мощностью в 28 тысяч киловатт. Но помимо электроэнергии, эта шахта, по предположению геологов, будет давать ежедневно в течение тридцати двух лет полторы тысячи тонн угля.

В 1965 году строительство закончится. Опадет нужда во вспомогательном туннеле для вентиляции, и тогда на склонах Ходжала перекроют дорогу Галидзге тридцатиметровой плотиной и почти подторакилометровым вертикальным колодезем спустят реку в глубь земли. А переработанная вода с помощью шестикилометрового туннеля будет возвращена в свое русло... Строительство идет шестой год. Главный туннель уже пробит на пять километров, завершено строительство административного здания, сданы в эксплуатацию семь пятиэтажных жилых корпусов. Намечено строительство еще трех 60-квартирных домов.

— Вот в один из этих новых домов я, видимо, и перееду! — говорит Кязим, и взгляд его устремлен в будущее, которое, он, видимо, себе представляет очень ясно.

Нодар НАТАДЗЕ

Следы далекие и близкие

В истории литературы — много неразгаданных тайн, расшифровка которых не поддается пока усилиям ученых. Нам ничего не известно о личности Гомера, мы не знаем, кто был гениальным создателем индийских вед, по сей день мраком покрыта тайна автора эпоса о Гильгамеше. Сколько филологов, историков и дилетантов-энтузиастов трудилось над раскрытием этих канувших в вечность тайн, но труд и рвение их не увенчались успехом. Приподнять завесу неизвестности над личностью этих людей, живущих ныне лишь в своих произведениях, так и не удалось. Воссоздавать их земную жизнь, их земные интересы и духовный мир нам остается лишь по их творениям и по более или менее точно восстанавливаемому быту и духу эпохи.

Тайна Руставели — древняя и самая волнующая тайна грузинской литературы. Ни нашим предкам в XVII—XVIII веках — первым толкователям и издателям «Витязя в тигровой шкуре», ни нам, сегодняшним читателям и почитателям гениальной поэмы, ничего не известно о ее творце, кроме двух-трех туманных намеков в самом тексте поэмы, которые послужили основанием для огромного числа легенд, сказаний и посвящений. Почти единственное, что нам осталось надежного и, так сказать, материального из биографии поэта, это изображение молящегося старца в Крестовом монастыре в Палестине с над-

писью «Руставели». Остальные черты биографии и внутреннего мира поэта приходится «дописывать», основываясь на отрывочных данных самой поэмы, на более или менее точной интуиции и более или менее богатой фантазии. Так ли уж воляна эта фантазия?

Текст «Витязя в тигровой шкуре» многое говорит о мирозерцании поэта, об его отношении к ведущим идеям эпохи, о глубоком и оригинальном течении его философского мышления. Поэма помогает кое-что понять и в жизни высшего военного сословия Грузии XII века, его нравах и представлениях, в отношении поэта ко двору страстно воспеваемой им царицы Тамар. В нескольких лирических отступлениях поэмы исследователями усмотрены намеки на добровольное или вынужденное изгнание автора. Наличие фрески с именем Руставели в грузинском монастыре в Палестине также говорит за то, что великий поэт кончил свои дни вдали от родины. То же самое утверждает и известная легенда, к тому же ведет и ряд научных гипотез о последних годах жизни поэта. Быть может, во всех этих построениях пока много недоказанного. Но, во всяком случае, из этих отрывочных данных перед современным читателем встает яркий, цельный образ поэта, манящий нас своей отдаленностью, загадочностью своего живого человеческого содержания.

В цикле стихов «Палестина, Пале-

стина! (По следам Руставели)», изданном недавно издательством «Литература да хеловнеба», поэт-академик Ираклий Абашидзе поставил своей творческой задачей оживить этот стертый течением веков дорогой нам образ, отыскать живое человеческое содержание в строгой схеме предполагаемой биографии поэта, вдохнуть в поблекшие краски палестинской фрески именно те мысли и чувства, которые должны были волновать великого предка. Навеянные непосредственными впечатлениями путешествия по «руставелевским» местам в Палестине, стихи эти отличаются исключительным обилием и свежестью красок, искренностью, широтой исторического и, так сказать, «географического» горизонта. Интимные, общественные, религиозные чувства поэта-изгнанника, подсказываемые нам его поэмой и отрывочными сведениями его гипотетической биографии, нашли свое выражение в этом ярком сборнике. Перед читателем встает законченный образ поэта-мыслителя, старца и схимника, доживающего последние дни своей богатой содержанием жизни в далекой палестинской обители.

Кроме трех стихотворений, написанных от имени автора («Ты здесь», «Кто знает, как меня ждет Вардзия») и современников Руставели («Неизвестная приписка на грузинском пергаменте в Палестине»), стихи, составляющие сборник, названы «голосами». Они имеют форму лирического выражения чувства и мысли в первом лице, и лирическим героем их является Руставели. Таким образом, великий поэт-эпик предстает перед нами, так сказать, в лирической интерпретации, автор стремится показать нам сложный мир чувств и мыслей Руставели «изнутри», ставя в центр своего внимания личность — живого и человеческого человека — и рассматривая глубокое эпохальное творчество Руставели через призму этой личности.

Насколько убедителен этот представляющий перед нами в лирическом цикле современного поэта великий образ? Насколько он верен и документален исторически? Насколько точно он соответствует букве и духу бессмертной поэмы?

Изобразить в современной поэзии далекий от нас духовный мир средневекового человека — творческая задача не из легких. Тем более трудно воссоздать духовный мир человека, которого, так же как и великого Данте, можно назвать последним человеком средневековья и первым человеком нового времени, человека, осуществившего в себе гигантский переход от старого, отживающего образа мышления к новому, человека, единственного и не-

повторимого в своем величии. Конечно, самый легкий путь решения этой задачи — первый, подходящий ум в этой связи, — это изобразить поэта **только** активным идейным борцом против церковной узости и догматической нетерпимости, показать **только** мыслителя-бунтаря и провозвестника ренессанса. Но каким бы заманчивым ни казался этот путь с первого взгляда и как бы он ни соответствовал роли Руставели в истории мышления, более глубоко вникая в творчество великого поэта, убеждаешься, что такой подход абсолютно недостаточен. Мало того, подобное понимание показало бы нам Руставели односторонне, необоснованно подчеркнув в его творчестве лишь те идейные черты, которые нам сегодня наиболее резко бросаются в глаза на фоне средневекового мышления. (Это было бы не только упрощением, но и совершенно недопустимым искажением смысла поэмы.) При такой интерпретации была бы упущена главная ценность, способная заинтересовать и взволновать современного читателя, — личность поэта, живущая в его творении, живая личность, которой не чужды волнения, слабости и интересы времени, все величие которой в истинном свете можно увидеть лишь на фоне этих исторически обусловленных слабостей и исторически обусловленных интересов. Тонкий вкус и интуиция современного поэта — автора рассматриваемого цикла — подсказали ему совершенно другой путь — путь изображения бессмертного Руставели.

В цикле, о котором здесь идет речь, мы видим старика-поэта, закочнивающего свои дни в тихой келье Крестового монастыря, отдаленного от суеты и мирских бурь, углубленного в себя и в тиши еще раз переживающего треволения своей жизни и своего времени. Этот образ является основой идейного и эстетического замысла всего сборника, — поверив в этот образ и полюбив его, читатель уже с неослабевающим вниманием и волнением следит за богатой внутренней жизнью героя, за его идеями и чувствами, имеющими эпохальное значение.

Не случайно, что большинство «голосов» имеет форму обращения к богу, форму молитвы. И облик средневекового человека вообще, и конкретные данные предполагаемой биографии поэта в частности, говорят за то, что нельзя представить себе внутренний облик Руставели без участия глубокого и искреннего религиозного чувства, без этой черты глубокого старца, обратившего взоры к «вечному» миру и с болью и трепетом души молящего творца за все дорогое ему, оставляемое им в этом «временном» мире. Художественный эффект этого приема

поистине великолепен: в лирическом герое «голосов» — великом поэте — читатель видит человека из плоти и крови, чувствует трепет живой души, великой и в то же время человеческой, исторически точно обрисованной, берущей за живое нашего современника.

Без этого глубоко религиозного чувства нельзя представить средневекового человека, и, облекая чувства своего великого героя в эту форму, современный поэт безусловно прав. Религиозное чувство и раскаяние поэта, как они даны в «голосах», исключительно убедительны: так и только так можно себе представить это сложное, ныне чуждое нам чувство, будучи знакомым с «Витязем в тигровой шкуре» и с общим направлением мышления той эпохи. В первых двух молитвах великого поэта («Голос в ограде Крестового монастыря», «Голос в Крестовом монастыре») ведущим мотивом является раскаяние, сознание непокорности или неполной покорности богу в своих прошедших великих деяниях, столь характерное для тысящего человека той эпохи (вспомним хотя бы гениальные «покаянные песнопения» царя Давида Строителя!). Но под этим общехристианским чувством в излияниях поэта-монаха все же прокрадывается гордость за свои великие деяния. Очень тонко и тактично, но в то же время выпукло изображенное автором, здесь звучит гордое сознание непримиримости ищущего человеческого духа с мертвыми догмами, которые возводит обрисованной в глубоко личном, интимном тоне конфликт до уровня фатальной, трагической необходимости.

«Свой разум я считал своим великим сокровищем; ибо из всего сущего мне одному был дарован этот дар. Ты требовал от меня лишь поклонения — поклонения без суждения, я же молился только разуму.

Если ты сделал меня человеком, остановив на мне око, дарующее совершенство, если ты дал мне силы к вдохновению и скорби, то я хотел бы от тебя и сладости свободы познания; я хотел бы и радости открытого разума.

Если же иногда я не мог удерживать бразды своей мысли, то зачем же ты мне дал талант, интерес и разум?»

(Подстрочный перевод)

Этот мотив — мотив глубокого религиозного чувства с одной стороны и обрисованного на фоне этого чувства и в противовес ему трагического богосторства во имя человеческого разума с другой — господствует в религиозных мотивах «голосов». Это конфликт древний, как мир, древний, как смелые искания человечества. В рассматриваемом

мом цикле этот конфликт дан в совершенно новой форме, на «сюжетном» материале подведения итогов гениальной жизни поэта. Этот сугубо личный момент является той индивидуальной чертой, которая столь необходима в поэзии, чтобы сделать великий, так сказать, «классический» мотив снова волнующим и интересным. Душевный конфликт лирического героя цикла, в основе которого лежат глубокие чувства, по-настоящему волнует современного читателя, не кажется ему ни преувеличенным, ни чуждым.

И в своей бессмертной поэме, и в многочисленных легендах Руставели предстает перед нами как миджнур царицы Тамар, как безусловно влюбленный в нее рыцарь. Этот штрих — самая интимная и самая яркая черта из всех известных нам в духовном мире поэта, — конечно, не мог не быть широко использован нашим современником, воссоздающим образ Руставели. И. Абашидзе эту, ставшую уже традиционной в представлении грузинского народа тему использует в самом точном соответствии с тем ее пониманием, которое нам уже давно стало дорогим и само собой разумеющимся. В то же время трактовка этой темы у поэта резко индивидуальна, свежа, если можно употребить это слово в отношении темы любви человека, жившего 700 лет назад. Читая два из лирических «голосов» сборника («Голос в белой келье» и «Голос в сумерках Крестового монастыря»), мы узнаем все знакомые нам черты этой фатальной любви гения к обожествляемой царице. И в то же время этот мотив дан в новом преломлении, с частными деталями, которых мы не знаем, но которым верим. В обоих стихах перед нами — гениальный старец, оплакивающий уже осиротевший храм своей любви, мыслью и чувством устремляющийся за тенью уже ушедшей царицы, переживающий в одиночестве на закате дней самое великое и яркое чувство своей жизни. Личный и общенациональный момент без малейшей натяжки, выразительно и органически соединены в этой скорби. С одной стороны, это полное окончание личной мирской жизни поэта, его творческого горения, его исканий, его радости и смелого дерзания: с кончиной Тамар кончается внутренне и он сам — и миджнур и мыслитель, которому остается жить только воспоминаниями. С другой стороны, Тамар — это не только историческая личность, это уже легендарная личность, почти символ, уже при жизни ставший неким обобщенным образом счастья и могущества малого народа.

Стихи И. Абашидзе, основанные на этом эмоциональном подтексте, захватывают и силой выражения чувства, и его индивидуальностью.

Тамар, о плач безбрежный и бесконечный!
 Тамар, божество, Тамар, солнце,
 зашедшее солнце!
 Может, ты и не была настоящим
 солнцем, настоящим божеством?
 Может, ты была лишь голосом муки
 души и биения сердца?
 Мой конец наступил там, где угас
 твой свет.
 С твоим претворением иссяк и мой
 дар любви.

(Подстрочный перевод)

Почему Тамар «голосе муки души и сердца», не сказано, да это и не нужно. Фантазия и чувство читателя, который знает этот дорогой нам образ в истории и фольклоре, дописывает все остальное.

Строфа, взятая эпиграфом к «Голосу в белой келье», — «Будем воспевать Тамар, проливая кровавые слезы», — толкуется двояко: если ее понимать как упоминание живой царицы, тогда метафора «кровавые слезы» имеет в виду только силу неразделенной любви; если кровавые слезы имеют в виду оплакивание мертвой царицы, то эта строфа написана после 1213 года, когда скончалась Тамар. Поэту предстояло сделать выбор между этими двумя толкованиями, и он смело остановился на последнем. Не оправдать этот выбор трудно. Используя этот драматический и богатый по своему психологическому содержанию мотив, автор не только достигает особой выразительности и наиболее близко подходит к самому интимному моменту духовной биографии поэта, но и дает глубоко и широко обобщенный образ народного горя и народного святилища, олицетворенного в великой царице.

В трех стихотворениях из вошедших в цикл — в «Голосе в оливковой роще», «Голосе у колокольни» и «Голосе у катамона» преобладает патриотическая тема.

В первом из них лирический герой исповедует богу горячую любовь к родине, которая, по словам поэта, была для него превыше всего, для которой он готов был «поступиться всем остальным». Драматизм этого мотива подготовлен предыдущими стихотворениями — он создается подчеркиванием глубокой религиозности поэта, на фоне которой беззаветная отдача патриотическому чувству нам представляется и глубоко личным чувством поэта-изгнанника, и антиклерикальным, ренессансным мотивом его мышления (как о том, отметим кстати, этот мотив и был в действительности как у Руставели, так и у целого ряда его предшественников и современников, в наследии которых этот мотив, как признак ренессанса, пока еще недостаточно подчеркнут). Но художественное оправдание данного мотива

не только в этом. Внесением такого сильного и исторически верного мотива не только подчеркнута прогрессивность и неклерикальный характер мышления поэта, но и обрисованы его непосредственные человеческие чувства — чувства оторванного от родины человека, сознающего вечность разлуки и скорбящего об этой разлуке неподдельной человеческой скорбью.

Патриотический мотив, данный в этих трех стихах, имеет свою собственную внутреннюю динамику, свое собственное «крещендо», делающие эти три стиха отдельной и органически взаимосвязанной частью цикла. От первого до второго драматическое напряжение неизменно возрастает, переходя от общих, так сказать, «мировоззренческих» моментов к самой непосредственной и трагической, чисто эмоциональной теме, к предчувствию (именно предчувствию, а не предсказанию) исторических бед, которым суждено было обрушиться на родину поэта в последующие века. В «Голосе у колокольни» эта трагическая патриотическая патетика достигает своего зенита. В четких, емких, как по волшебному мановению возникающих мрачных образах передана выпуклая историческая картина, стоящая по своей эмоциональной насыщенности на грани видения.

«Почему мне мерещится пора приближения бед и напастей? Гнев провинтия, немилость высокого правосудия? Почему я вижу в черном цвете безграниче востока? Почему я слышу скорбный звон далеких грузинских колоколов?»

(Подстрочный перевод)

Эмоциональная сила этих видений огромна. Верно ли это приписываемое Руставели прозрение? Безусловно, да! Не говоря уже о монголах, которые вторглись в средневековый мир Ближнего Востока и Европы «извне», над Грузией, окруженной морем иноземных агрессивных сил, в это время уже сгущались черные тучи, не видеть и не чувствовать которые не мог, по всей вероятности, человек глубокого ума и большого сердца, каким мы не можем не мыслить себе Руставели. Тем острее должна была быть эта горькая историческая интуиция у человека, прошедшего (и, быть может, не раз) долгий путь — сухопутный или водный — от Грузии до Иерусалима, видевшего своими глазами все распростертое по этой территории страны, племена и народы. Естественно, что «ворота Понта», упоминаемые в этом стихе, должны были являться неким символом противостояния христианского запада и темного чуждого востока не только для нас, се-

годящихся читателей, но и для надежных достаточно острым чутьем людей того времени. В том, что автором подмечена именно эта деталь, видно остро историческое прозрение.

В следующем стихотворении, являющемся продолжением этой же темы, — «Голосе в катамоне» — тема сужается, конкретизируется, обретает более близкий к личной биографии поэта характер. Стихи эти посвящены возвеличению грузинского языка — острого и неотъемлемого оружия лирического героя в этом брэнном мире.

В более спокойном, мягком, мы бы сказали, уверенном тоне этого стиха чувствуется надежный оптимизм поэта, как бы нашедшего гавань личного бессмертия в этом ненадежном, бушующем океане истории, столь мрачно представляющемся его патриотической интуиции. Образы этого стиха исключительно богаты, краски сочны и насыщены.

О психологической убедительности этой черты в духовном портрете Руставели, конечно, спорить не приходится. Хочется вспомнить лишь один момент. Яркое и уникальное по своему жанру и по силе патриотических чувств произведение XI века «Хвала и вознесение грузинского языка» Иоана Зосима создано неизвестным монахом также в далекой лавре на Синае, в дружественном, но чуждом «большом» христианском мире, в мире культурного засилья греческого языка. Внесение этого штриха в сборник не только характеризует возможное или несомненное направление мышления наших предков данной эпохи — оно живописует и живую черту переживаний поэта, связанную с горькой изгнаннической биографией.

Все стихи сборника были опубликованы в периодической прессе в разное время. Только теперь, когда все они собраны вместе, ясно выступил замысел, легший в основу этого цикла. В четкой, очень детально продуманной композиции цикла «голоса» являют собой среднюю и, безусловно, основную часть, рисующую духовный мир Руставели и переносящую читателя в отдаленную эпоху с ее отличными от наших мыслями, чувствами, представлениями. Вступление и финал (стихи «Ты здесь», «Кто знает, как ждет меня Вардзия», «Неизвестная приписка на грузинском пергаменте в Палестине») посвящены как бы определению отношения между сегодняшними людьми — автором и читателем, с одной стороны, и лирическим героем — поэтом XII в. с другой. Во вступлении «Ты здесь» автор как бы вводит нас в изображенный в цикле мир, дает нам почувствовать первое благоговение у входа в святыню нашей поэзии, дает нам услы-

шать скрип заржавленной двери, за которой кроется покрытая мраком тайна. В финале автор как бы выводит нас из этого далекого святилища на свет современности, но выводит не просто захлопывая за собой дверь, а как бы исчерпав богатство обители, как бы подытоживая чувства и мысли поэта и примеряя их к требованиям нашего вкуса. В последнем стихе мы видим закончившего свой мирской путь старца на смертном одре, видим отошедшего от всех мирских забот человека, оставшегося наедине с вечностью и с нерешенными проблемами и предчувствиями. «Он верил» — доминирующая тема в этом отрывке. В живом и ставшем нам близким духовном мире старца этот очень удачно найденный мотив отделяет сугубо личное от общего, средневековое и временное от близкого нам и вневременного.

Конечно, эмоциональный накал всего цикла достигает своей кульминации не в этом, спокойном, как бы объятom мягкой дымкой примирения пассаже. На наш взгляд, он в «Голосе у колокольни». Но в своеобразной расстановке этого материала, думается, сквозит замысел автора — замысел абсолютно оправданный — окончить цикл не пессимизмом, а светлой уверенностью, показать конец Руставели не как смерть объятаго мрачными предчувствиями старца, а как свершение, как обретение бессмертия.

Этой сценой сборник заканчивается. Образ великого поэта достигает здесь своего логического завершения.

Возможно, это и не совсем тот образ, который первым возникает перед взором читателя, закрывающего полную «ренессансных» страстей поэму Руставели. Но это, безусловно, именно тот единственно возможный образ, который встает перед читателем по зрелом размышлении над глубиной по своему замыслу поэмой, над фактами биографии поэта и его времени. Образ этот в цикле дан ярко и исключительно убедительно.

Нам не хотелось бы вскользь касаться темы, о которой наша критика и поэты-практики, надо полагать, выскажут более профессиональное суждение. Но художественная задача в узком смысле слова, стоящая перед современным поэтом, воссоздающим образ великого Шота, настолько сложна, а решение ее, данное в сборнике, настолько интересно, что мы позволим себе в двух словах упомянуть о художественном языке этого весьма оригинального цикла. В сборнике богата версификация, оригинальные и метки, без лишнего «треска», рифмы, исключительным вкусом и тонким чувством меры характеризуется поэ-

тическое использование архаизмов, имеющее столь давнюю традицию в нашей литературе. Но самым сильным выразительным средством в руках поэта в этом цикле, нам кажется, является богатая, оригинальная и эмоционально насыщенная троика, своим духом и тоном напоминающая библейскую троичку (метафоры и эпитеты в особенности), столь щедро применявшуюся в средневековой поэзии, но никогда не переходящая в ее копирование или повторение. Эта троика является, пожалуй, единственно возможным средством передать, так сказать, стиль поэтического мышления времени, без которого оживление образа Руставели потеряло бы половину своей прелести.

Тема, легшая в основу цикла, — богатая тема. Богата она не только пото-

му, что имеет дело с волнующими и дорогими нам фактами нашей политической и культурной истории. Тема эта, как убедительно доказал рассматриваемый сборник, прежде всего дает широкий простор для выражения самых интересных нашему современнику чувств высокой гуманной любви, свободомыслия и патриотизма. Можно надеяться, что эти десять стихов — столь разные, многогранные и появившиеся с промежутками, необходимыми для истинного созревания мысли и чувства, но в то же время объединенные общим четким замыслом, — не исчерпают этой благодатной темы. Читатель вправе ждать от автора новых, не менее ярких произведений на эту тему, где мы снова почувствуем живое биение сердца великого предка.

Книга и сердце

Я зачитался книгой. Книгой, которую я уже читал. Более того, я участвовал в этой книге как один из переводчиков. Три года назад.

Несколько дней эта книга лежала у меня перед глазами. А я не обращал на нее особого внимания, как это у нас бывает с близкими людьми. Вроде бы — всегда успеешь. Иногда навечно опаздываешь.

У книг судьба иная. Даже плохая книга долговечнее хорошего человека. У нее тираж больше.

И вот оказалось так, что в таком гостеприимном городе, как Тбилиси, в городе, имеющем особое значение для каждого более или менее уважающего себя русского поэта, уважающего себя не просто как себя, а как русского поэта, у которого хорошая память, — я ощутил полное одиночество.

Есть ведь и такая форма гостеприимства: оставить человека наедине с самим собой, хотя бы ненадолго.

И я ощутил гостеприимство одиночества. И я ощутил удивительную близость молчаливой книги. Я ее машинально раскрыл и страшно заволновался. Она заговорила.

О, боже! Иосиф Нонешвили собрал под скромной обложкой такую радугу таланта, а под этой радугой столько моих друзей!..

А ведь дорога под радугой — к счастью. И ведь всякая истинная поэзия имеет к счастью самое прямое отношение. За что мы, поэты и коммунисты, собственно, и боремся...

Я зачитался книгой.

Я потерял гостеприимство одиночества. Меня пригласили в Поэзию. Меня опять не оставили одного. Поэзия прежде всего Дружба. Поэзия объединяет.

Башню из слоновой кости выдумали

люди, которые не смогли по своему эгоизму и лениности заработать столько слоновой кости, чтобы одарить ею все человечество.

И отнюдь не из жалости к слонам.

Владельцы несуществующей башни, почитайте лучших советских поэтов, в том числе и мою заговорившую неожиданно книгу (книгу Иосифа Нонешвили «Горы и сердце»), — вам станет неловко. А если вам не станет неловко, значит вы просто не порядочны.

Я несколько часов читал книгу отличного грузинского поэта. Это человек, работающий на всех. Глаза его видят, как раскрывается цветок Пиримзе, дыхание его чувствует запах мокрой земли, в стихах его облачко опускается на землю, как парашют. Он зовет нас любить жизнь и мирными парашотами.

Я, пока читал эту книгу, пока разговаривал с ней, побывал вместе с хорошим человеком и в Индии, и в Германии, и в Египте, и у него дома. И с ним не было скучно.

Поэт-гид, который снимает легкие бельма невнимательности с глаз человека. Обновляет зрение, делает глаза умными и чистыми. Иосиф Нонешвили обладает этим даром.

Я вначале упомянул, что в своей книге Иосиф Нонешвили собрал многих моих друзей. Это так и есть: удивительно доброе общество — Михаил Луконин, Николай Чуковский, Александр Межиров, Марк Максимов, Евгений Евтушенко... Разные поэты работали в одной книге. А стихи этой книги звучат едино.

Не случайно работали. И не случайно разные творческие люди делали одно дело вместе с Нонешвили.

Я ведь не скажу ничего нового, если заявлю, что Иосиф Нонешвили крупно одаренный поэт. Но и не говоря ничего особо нового, я все же хочу подчеркнуть,

что этот крупный поэт — поэт дружбы, мира, интернационализма.

Он — поэт общества, а не индивидуализма.

И хочу подчеркнуть, что Нонешвили — поэт национальный. Поэт своего лица. Об этом сильнее всего говорят стихи «Шах-Аббас», «Памяти Саят-Новы» и «Эпитафия резчика на камне».

В его темпераментной лирике органически сочетаются именно те качества, которые людям, страдающим «слоновой болезнью», кажутся противоположными: интимность и общественность. В этом, собственно, и заключается партийность этого поэта, его глубоко непосредственный коммунистический пафос. Пафос, а не риторика.

Вернусь к тому, с чего начал.

Несколько часов одиночества оберну-

лись для меня общением с миром, с друзьями, с другом. В этом счастливо виновата книга «Горы и сердце». Книга, заключающаяся стихотворением «Приезжайте в Грузию» в действительном, отличном переводе Павла Антокольского. И помимо того, что я еще раз почувствовал — книга незаменимый друг, я получил еще один (далеко не лишний) урок, заключающийся в том, что настоящий друг всегда присутствует рядом.

Поэтому мне и захотелось немедленно поделиться своей радостью, своим откровенным общением с книгой Иосифа Нонешвили, общением моего сердца с книгой — поделиться этой радостью с читателем.

Прочтите книгу, если вы ее еще не читали. А если читали, перечитайте. Не ошибетесь. Это верный друг.

Жанна ЧОЧИЕВА

Лирика Колау Надирадзе

В минувшем году издательство «Заря Востока» выпустило на русском языке сборник стихов Колау Надирадзе, которого русский читатель знал до этого лишь по отдельным произведениям, публиковавшимся в периодической печати.

Сборник вошли стихи разных лет, объединенные под общим названием «Лирика». Думается, что это название связано не только с содержанием данного сборника, но и со всем творчеством поэта.

Прозрачным лиризмом веет уже с первых страниц книги, открывающейся одним из ранних стихотворений Надирадзе, посвященным романтической порою детства. Это — «Песня» в переводе Б. Пастернака. Впоследствии поэт не раз возвращался к этой теме, она нашла отражение в ряде стихов сборника.

Размышляя о литературе социалистического реализма, М. Горький писал: «Дело писателя — излить в мир, на люди все, чем переполнено вместилище его впечатлений, называемое душой. И когда писатель говорит «от души», как перед лучшим своим другом, говорит о

радостях и горе нашей жизни, о дурном и хорошем, смешном и подлом ее, — он будет понят, будет признан читателем за своего».

Именно так работает Надирадзе. Задумчиво рассказывает он о своем детстве, любви и ненависти, о близких друзьях, любимых поэтах и любимых городах, о красоте родной природы, об историческом прошлом своей страны, ее светлом настоящем; о Ленине, о Руставели, об аргонавах и шотландском кочегаре...

Но в центре внимания поэта все же всегда — любовь: любовь к Родине, к женщине, к жизни.

К теме Родины Надирадзе обратился еще в ранний период своего творчества.

Ты — лучшая земля во всей вселенной,

Ты — жизни путеводная звезда... —

страстно восклицает он в стихотворении «Имеретия».

Эта любовь к Родине проявляется не только в описании пейзажа родного края, в конкретных исторических картинах, нарисованных в стихотворениях «Крцаниси», «Тремстам арагвинцам»

и «На Шавнабада», но и в искренней влюбленности в людей своей «обновленной Отчизны». В стихотворении «В Тбилиси» он говорит о них:

Сказки в быль превращать им в горниле
пылающих буден.
Им на страже стоять всенародной весны.

• А какой гордостью пронизаны слова:

Их мечта, словно песнь,
До планет долетает на крыльях.
На их поступь сегодня
Народы с надеждой глядят...

(Перевод С. Стаценко)

Естественно, как лирик Надирадзе не может пройти мимо древнего и вечно юного чувства любви, чувства, возвышающего человека, вдохновляющего его на творческий подвиг. Об этом проникновенно и доверительно поэт поведал в своем стихотворении «Ты живешь во мне».

Значительное число стихотворений Надирадзе посвящено природе. Вот почти подряд идут названия: «Белая алыча», «Приход осени», «Солнцу», «Облачко», «Смерть дерева», «Снег идет», «Говор природы» и т. д. Да и вообще в сборнике нет, пожалуй, ни одного стихотворения, где бы не присутствовал пейзаж. И почти всегда у поэта он национален по колориту; даже листва у него «строфой Руставели звенит». И это, думается, дает нам право назвать Надирадзе — певцом природы, который рисует ее во всем ее многоцветье. И именно в этих стихотворениях особенно сильно ощущается живописность его поэзии. Вот, например, строки из стихотворения «В Абхазии»:

Валы вздымали белые рога.
Дышал закат, подкрадываясь тенью.
Абхазии червоной берега
Мне показались синим сповиденьем.

И рядом:

Трубит «Арго», уйдя в рассветный дым.
Багровою кровью опьянен и солнцем,
Герой Эллады с грузом золотым
В свою страну, в свой дом родной

вернется.

(Перевод Д. Маркиша)

Живописности поэзии Надирадзе способствует и динамичность образа:

Я помню парня одного,
Я вижу, как он смеется...
Меня мускулистые руки его
Подкинули к самому солнцу.

(Перевод Д. Маркиша)

Часто поэт прибегает и к постепенно-му нагнетанию действия, как, например, в балладе «Шотландский кочегар». Теперь несколько слов о переводах. Их уровень, к сожалению, очень неровный. Наряду с отличными переводами, выполненными такими поэтами, как Б. Пастернак, Б. Брик, Е. Евтушенко, в сборник вошли и явно слабые переводы. Это тем более досадно, что поэзия Надирадзе — камерная по своему содержанию и звучанию — требует особенно бережного воспроизведения на другом языке.

И все же, даже несмотря на это, сборник дает представление о творческом лице этого интересного поэта, тонко чувствующего музыку грузинского языка, в совершенстве владеющего инструментарной и композицией грузинской стихотворной речи.

Диана КАКАБАДЗЕ

Рабле — борец за мир

«Мы предлагаем почтить в Рабле активного защитника мира, чья несравненная сатира осудила завоевательные войны и авантюристические планы мирового господства», — писали французские коммунисты на страницах газеты «Леттр Франсэз». И теперь, когда

исполняется 400 лет со дня выхода в свет романа великого гуманиста, революционного защитника мира, идеи о воспитании, высказанные в книге, мечта о свободном и разумном государстве, гневное обличение грабительских и опустошительных войн находят горячий от-

клик и одобрение в сердцах всего честного и прогрессивного человечества.

Всесторонне образованный человек и бесстрашный борец за новое, прогрессивное, Рабле объявил непримиримую войну всем темным и уродливым силам, мешающим гармоническому процветанию нового мира; основное зло он видел в грабительских опустошительных войнах, которые с такой силой и беспощадностью осудил в своем бессмертном романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» — этом многовековом дубе, питающемся народной мудростью, не стареющем и продолжающем давать человечеству радость.

Поражает необычайное богатство материала, многометность и многоликость романа Рабле, в котором мы находим сведения из самых разных областей знания — педагогики, юриспруденции, философии, политики, медицины.

Перед читателем проходит целая вереница карикатурных и отвратительных масок, порожденных старым миром, которому суждено рухнуть. Этому прогрессному миру наносят сокрушительные удары добрые, образованные, миролюбивые гиганты, являющиеся идеалом и мечтой писателя.

Но нигде сатирический талант Рабле не достигал такого блеска и размаха, как в разоблачении агрессивных захватнических войн.

Прекрасно разбираясь в государственных вопросах, Рабле различал агрессивную, захватническую и хищническую войну от войны справедливой, к которой относил оборонительную войну.

Об этом писатель красноречиво говорит в прологе третьей книги, в которой с предельной ясностью изложены его патриотические чувства: «Не лучше ли и не почетнее ли умереть, доблестно сражаясь, чем жить, постыдно бежав?». И дальше: «Я же не разжигать намерен, но умиротворять, не нападать, но обороняться, не завоевывать, но защищать».

Книга Рабле — это злейшая сатира на войну, на ложную воинственность, разоблачающая ее истинную захватническую сущность.

Незабываемые, предельно реалистические картины и, наоборот, гротескные сатирические сцены войны и образы ее зачинщиков и по сей день восхищают все прогрессивное человечество, борющееся за мир.

Миролюбивые государства, говорит Рабле, никогда не нападают первыми, они хотят жить в дружбе и поддерживать добрососедские отношения. Но когда кто-нибудь из агрессоров нарушает это условие, они не предаются позорному бегству и не сдаются трусливо, а берутся за оружие и мужествен-

но защищают свой край, свой народ от порабощения.

На доброго старого Грангузье неожиданно напал его сосед Пикрошоль III (что значит «желчный», «горький»), с которым Грангузье был в добрососедских и родственных отношениях. Поводом послужила ничтожная ссора пастухов Грангузье с пирожниками Пикрошоля.

Подстрекаемый жадными, алчными и ничтожными советчиками, вроде капитана Мердаеля, и военным советом в составе Буяна, Фанфарона, Швали и других, Пикрошоль остается глухим к увещаниям и просьбам Грангузье восстановить погранные добрососедские отношения; Грангузье предлагает возместить все убытки, причиненные его людьми, но чем больше он просит, тем нахальнее становится Пикрошоль, расценивая поведение соседа как трусость. Очертя голову он ввязывается в бой. Его армия начинает разорять и грабить владения Грангузье, все круша и ломая, разрушая храмы и жилища, угоняя скот, не щадя ни бедных, ни богатых. «Так они бесновались, грабя и разбойничая, пока не дошли до Селье, не обобрали дотла мужчин и женщин и не захватили всего, что могли, причем ничто не казалось для них ни чересчур горячим, ни слишком тяжелым».

Старый Грангузье удивлен и сбит с толку: «Что это такое, добрые люди? Сон или явь? Пикрошоль, мой старший и неизменный друг, связанный со мной тесными узами родства, напал на меня?.. Что с ним случилось? Вся жизнь только к миру и стремился я, но, видно, придется надеть мне панцирь на старые плечи... и все же я не пойду на Пикрошоля войной до тех пор, пока не испробую всех мирных способов...»

Но Пикрошоль глух к голосу здравого смысла. Упиваясь мечтой о завоевании целого мира, не разделившись еще с владениями Грангузье, который не представляет для него уже никакого вреда, как ему кажется («С ним вы легко покончите с первого же латиска»), он видит себя покорителем Европы и Азии.

Разделившись с Европой и Азией, Пикрошоль в мечтах завоевывает Россию и посылает, по совету Мердаеля, «московитам» ультиматум: «Затопчу! Загрызу! Захвачу! Разнесу!». Вследствие этого, в своем воображении, тотчас же получает от них 450 тысяч отборных бойцов.

Эта сцена является блестящим творческим достижением Рабле. Незабываемы образы ничтожных советчиков короля, старающихся выслужиться перед ним и вырвать для себя лакомый кусок из награбленного добра.

Желчным и истерическим выкрикам

Пикрошоля, его лихорадочной жажде власти Рабле противопоставляет спокойствие Грангузье, который старается образумить, уговорить и умиротворить агрессора.

Полностью раскрыв хищническую сущность пикрошолевской войны, автор выставляет против чванства и дутой героики зарвавшихся врагов добрую волю и всепобеждающую силу народа, перед которой ничего не может устоять. И, хотя народ Гаргантюа был вооружен далеко не так, как полчища Пикрошоля, оснащенные по последнему слову техники, он легко сокрушает врага. Писатель восхищается богатырской силой и мужеством народа, который, вооружившись что чем попало — вилами, дубинами, дровками от крестов, дружно громит нарушителей мира, приговаривая — «Получайте по заслугам».

«Человек рожден для мира, а не для войны, — говорит Рабле, — для созидания, а не для разрушения»: и поэтому мир необходимо завоевать. Рабле признает лишь один вид войны — оборонительный. И в этом он далеко опередил свой век. Бессмертие Рабле именно в умении смотреть вперед и верить в будущее. За это его высоко ценит Морис Торез, называя Рабле защитником мира и свободы человечества: «Коммунистическая партия является наследницей и продолжательницей всех лучших традиций. Она наследница тех великих мыслителей от Рабле до Дидро и до Ромена Роллана, которые боролись за свободу человечества».

Многочисленная армия Пикрошоля смята и превращена в прах, разбита, уничтожена верным и испытанным оружием — кулаком и единой волей народа. А Пикрошоля постигает такой же позорный конец — его избивают, раздевают донага и покрывают какой-то оборванной накидкой. В таком виде он отправляется в Лион. От грозного претендента на всемирное владычество до лионского поденщика, ожидающего возвращения своего королевства, «когда рак свистнет на горе», как предсказала ему колдунья, — таков путь славы Пикрошоля III. «Таков бывает конец тех, кто не умеет с разумной умеренностью пользоваться своим счастьем и благополучием», — заключает автор «Гаргантюа и Пантагрюэля».

Агрессорско-хищническая воинственность доведена в образе Пикрошоля до социального обобщения.

Пикрошоль — это воплощение тупой воинщины, беззастенчивой, открытой агрессии и грабежа.

Так же расправляется Рабле и с другим агрессором Анархом, который попал на владения Пантагрюэля, двинув на него свои полчища страшных великанов в каменных доспехах. И хотя бой

был жаркий и победа трудная, она была все же завоевана Пантагрюэлем, так как лучшей защитой для города, говорит автор, служит не возведенная вокруг него стена, а доблесть его граждан и обитателей, их единая воля!

Рабле выражает полное презрение к завоевателям и питает к ним униженное даже для них снисхождение. Они не достойны гнева и ненависти доброго и миролюбивого Гаргантюа, это была бы слишком большая честь для них. Полное моральное уничтожение, осмеяние и изгнание из государства — вот наказание, которое они заслужили.

Рабле расправляется с нарушителями мира легко, со смехом, и в этом проявление силы его героев, которые верят в себя, в свою правоту и в свое будущее.

Сатира Рабле прежде всего направлена на тех, кто нарушает мирную жизнь народов, то есть против агрессивных королей: «Все эти черти, нынешние короли, как телята, ничего не знают и годны только на то, чтобы делать зло своим подданным и ради своего гнусного удовольствия возмущать мир войнами», — говорит Пантагрюэль.

Но не щадит он и подстрекателей войны — советчиков Пикрошоля, которые также несут наказание за разрушения и убытки, причиненные Гаргантюа их королем. Приказав выдать всех зачинщиков войны, которые не умиротворяли, а наоборот, разжигали в нем злость, Гаргантюа велит им стать у книгопечатных станков и заняться физическим трудом.

Поджигатели войны узнают себя в уродливых масках Анархов и Пикрошолей, Фанфаронов и Вурдалаков. Бесславная судьба этих претендентов на мировое господство должна служить уроком для всех нарушителей мира. «В пределах своего государства, а равно в соседних с ним, следует хранить мир, дружбу и благоволение и править, не обагрив своих рук кровью и грабежом», — говорит великий писатель.

Агрессии и разбою Рабле противопоставляет программу мирного процветания страны. «Теперь вошло в употребление печатание, столь изящное и правильное, изобретенное в мое время благодаря божественному вдохновению, тогда как пушки, например, были подсказаны нам внушением дьявольским», — проповедует Рабле.

Он видит свой идеал в Телемской Обители, жители которой являются гармонически развитыми людьми, свободными, сознательными.

Это общество будущего, где люди смогут полностью развить свои физические и умственные способности, так как будут жить без принуждения и насилия.

Но это мечта, к тому же довольно наивная и лишенная какого-либо реального основания. Жители Телема не связаны друг с другом производством. Неизвестно откуда они берут средства для существования; надо полагать, что они опять живут за чужой счет. Сам Рабле не очень интересовался этим вопросом, да и сама жизнь телемитов была ему не по духу. Его герои тотчас же покидают Телем, так как жаждут деятельности.

Итак, не разрушительная война, а мирное содружество, не деспотическая монархия, а государство, управляемое мудрым и миролюбивым правителем. находящимся в органической связи с

народом, не пушки — а книгопечатные станки, не разрушение — а созидание, и, наконец, не принуждение и насилие — а свобода.

Вот идеал и сокровенная мечта великого гуманиста и борца за мир.

Сила Рабле в том, что своим замечательным романом он отрицает все старое, уродливое, уходящее, утверждая взамен новое, прогрессивное, поступательное.

Вот почему так близок Рабле каждому честному человеку. И пока существуют на земле угнетатели, нарушители мира, — книга эта будет звучать во весь голос, гневно протестуя против всякой агрессии и призывая к миру.

Валентина БАЛУАШВИЛИ,
кандидат филологических наук

В содружестве с переводчиком поэмы Руставели

Прочная и искренняя дружба связывала грузинского поэта Тициана Табидзе со многими представителями русской литературной общественности. Истоки этой дружбы, этих связей в ряде случаев уходят еще в дореволюционный период, в годы, когда Тициан Табидзе был студентом Московского университета. К этому времени относится его знакомство и дружба с русским поэтом К. Бальмонтом. Их сблизили любовь последнего к Грузии, заинтересованность в ее судьбе, увлечение поэзией, а главное — работа над переводом на русский язык поэмы Шота Руставели.

За изучение грузинского языка К. Бальмонт принялся еще в 1915 году — в период напряженной работы над переводом поэмы Шота Руставели. Им руководило желание лучше постичь внутренний смысл грузинского текста, его фонетическое звучание. Можно предположить, что в этих занятиях русскому поэту помогал Тициан Табидзе. Не случайно, очевидно, К. Бальмонт в письме к Е. К. Цветковской, датированном 21 декабря 1915 года, сообщал о своих занятиях грузинским языком и одновременно о приходе Табидзе: «...Занимался грузинским языком, в 4 ч. придет ко мне Табидзе»¹.

К грузинскому поэту Бальмонт обращался и по поводу перевода отдельных строф поэмы Руставели. Доказательством этому может служить письмо К. Бальмонта Е. Цветковской от 1 ав-

густа 1915 года, где он писал: «...В мыслях пишутся строки Руставели. Спасибо Табидзе. Прочти ему весь «Сказ о Ростеване». Сам Т. Табидзе писал в статье «К. Бальмонт и Грузия», опубликованной в газете «Сакартвело», 16 июня 1917 года: «Поэма «Вепхисткаосани» переводилась почти на моих глазах. Для меня долго будут дорогим воспоминанием слова и замечания Бальмонта, вызванные его раздумьями о поэме».

Артистка А. Д. Рубинчик, зная Тициана Табидзе в годы его учебы в Москве и дружившая с К. Бальмонтом, после лекций которого она выступала с художественным чтением переведенных им песен Руставели, рассказывает, что «Бальмонт любил Тициана и охотно принимал его у себя, относился к нему с большим участием, верил в его поэтический талант. Со своей стороны, Тициан обожал, боготворил Бальмонта за то, что он оценил Грузию и полюбил ее».

В стихотворении «Встреча с Бальмонтом» Т. Табидзе рассказывает о своих посещениях русского поэта. В начале — описывает свой приезд к нему на дачу, совместную прогулку:

Я помню поле,
ямень шелестящий,
Синел простор,
жапоенный светом...
Мы в дом входили...

Встречи происходили часто. Описанная выше — весной: тогда «грач кричал в неизбежной печали. Росистый лес

¹ Письма К. Бальмонта Е. К. Цветковской. ГБЛ, Отдел рукописей, Ф. 374, К. 4.

трепетал в луче...». Встречались поэты и летом:

Важа в ту пору сошел в могилу.
В слезах тебе рассказал я однажды,
Как у сиделок травы просил он —
Олень, томимый предсмертной жадой.

Перевод поэмы слушали зимой:

Ты читаешь,
стихам все светлей, все просторней.
За окном на деревьях
искрится иней...
Зима осеняет волшебною шалью
Шанри задумчивые переливы.

Эта встреча — в Москве, в доме, где жил декан филологического факультета университета Грушко, где умирал, получив от незначительной царапины заражение крови, композитор Скрябин:

Собачей площадкой пройду я снова.
Миную ограду церковки старой.
Замедлит рука у звонка дверного,
Тут — храм, где живут моей юности чары.
Здесь жил Грушко, наш старый декан.
Здесь споры, что вел со смертью Скрябин...

На встрече у Бальмонта, помимо Тициана Табидзе, присутствуют поэты Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин.

Подобные встречи, сопровождавшиеся чтением стихов, переводов, беседами на самые разнообразные темы, происходили у К. Бальмонта довольно часто. Об этом можно судить по его письмам, в частности к Е. К. Цветковской. В одном из них он сообщал о беседе с Т. Табидзе, Ю. Балтрушайтисом и Нюлендером — переводчиком Гераклита: «...Принимал Табидзе, Юргиса, Нюлендера. Говорили и размышляли о 1 000 предметов. Еду на концерт Рахманинова». Для творчества литовского поэта Юргиса Балтрушайтиса, писавшего и по-русски, была характерна философская лирика. Молодежь увлеклась его стихами. Тициан Табидзе, например, знал многие стихотворения Балтрушайтиса наизусть и часто читал их своим друзьям при встречах.

Вполне возможно, что перевод на русский язык глубоко философскую поэму Руставели, К. Бальмонт хотел знать мнение о ней своего друга, поэта-философа, и поэтому пригласил его на чтение перевода.

Рассказывая о дружбе К. Бальмонта с М. Волошиным, Екатерина Алексеевна Бальмонт, жена поэта, пишет в своих воспоминаниях: «Макс всюду был желанным гостем. Его всюду заставляли читать свои стихи, что он делал всегда с огромным удовольствием. К поэтам он относился тогда с совсем особенным чувством благоговейного восторга. Сам он в их обществе ступенька, слушая их с глубочайшим вни-

манием. А если высказывал свои мысли, то всегда очень независимо, тоном мягким, но решительным».

Внешность Волошина была несколько необычна: маленький, толстый, в длинном студенческом пальто с черными вместо золотых пуговицами, в мягкой широкополой шляпе, с большой копной курчавых волос.

Манеру слушать Волошина и одну из характерных черт его внешности удачно подметил и передал Тициан Табидзе в том же стихотворении «Встреча с Бальмонтом»:

Внимательно слушает Балтрушайтис.
Волошин склонил свою львиную гриву...

Тициан Табидзе во время чтения перевода мог быть, несмотря на свою молодость, главным судьей, так как, владея русским и грузинским языками, имел возможность сопоставить оригинал и перевод поэмы. Не случайно в стихотворении упоминается, что к Бальмонту он шел, неся с собой поэму Шота Руставели и испытывая чувство необычайного волнения:

В портфеле своем я несу Руставели,
И лоб мой в поту — в холодном знакране...
Сегодня по-русски Шота мы читаем.

Интересно, что в произведение «Встреча с Бальмонтом» включены русские строки из стихотворения К. Бальмонта: видимо, Т. Табидзе стремился воспроизвести обстановку, чувства, близкие к тем, которые были в день его встречи с К. Бальмонтом на даче, передать настроение, владевшее им тогда. Бальмонтовские строки «Я был в России. Грачи кричали. Грачи кричали: зачем? зачем?» — находят непосредственное продолжение в последующих строках Тициана Табидзе:

Мы в дом входили.
Плакала грач.
Березка никла... О чем была грусть ее?

Печаль поэта была навеяна тоской по родине.

И слез моих поток был горяч,
Мне вспоминалась далекая Грузия...

К. Бальмонт и Т. Табидзе нередко встречались на вечерах, которые устраивало «Грузинское общество науки, искусства и литературы в Москве». Ближайшей целью этого общества было «способствовать распространению правильных понятий о Грузии и ее культуре»¹. Правление общества регулярно проводило лекции и доклады по вопросам грузинской истории, культуры, искусства, такие, как например, «Поэт Бесики и его лирика», «Народ-

¹ «Инструкция Библиотечной Комиссии». Архив А. И. Сумбатова-Южина. ЦГАЛИ, ф. 878. Оп. 1. Ед. 70.

ная песня и культура грузин», «Краткие исторические сведения из эпохи царицы Тамары» и т. п.; кроме того, устраивались концерты, спектакли, балы, базары и сборы пожертвований для оказания материальной помощи грузинам, проживающим в Москве, особенно учащимся высших учебных заведений. Библиотека «Грузинского общества» располагала богатой литературой по кавказоведению «для предоставления возможности грузинам в Москве и другим интересующимся лицам расширить свое знакомство с краем»¹. Кроме того, в помещении общества функционировали бесплатные курсы грузинского языка для взрослых и детей.

Однако общество не ограничивало свою деятельность узконациональными рамками. Нередко вечера, устраиваемые его правлением, посвящались творчеству русских поэтов, писателей, композиторов.

К. Бальмонт был не только частым посетителем вечеров в «Грузинском обществе», но и нередко выступал на них с чтением лекций и своих произведений.

В период работы К. Бальмонта над переводом «Витязя в барсовой шкуре», Тициан Табидзе был как бы посредником, «связным» между ним и председателем общества А. Сумбатовым-Южиным, которому часто приносил переведенные Бальмонтом строфы поэмы. Вот что рассказывает об этом известный грузинский писатель С. Клдиашвили, живший и учившийся в Москве в одно время с Тицианом Табидзе:

«Я жил в Большом Балашевском переулке в доме Андреева на первом этаже; во втором — жил А. И. Сумбатов-Южин.

Мы с Тицианом часто бывали друг у друга. Как-то раз он зашел ко мне с папкой, полной бумаг. Когда он раскрыл ее, я увидел напечатанные на машинке русские переводы отдельных песен из поэмы Шота Руставели «Вепхис ткаосани», сделанные К. Бальмонтом. Я не удивился, потому что знал, что у Тициана с Бальмонтом были очень близкие отношения. Тициан сказал, что несет перевод Сумбатову-Южину, а по дороге зашел ко мне. Вместе с Тицианом мы прочли несколько страниц. Радость наша была беспредельна: поэма Руставели звучала на русском языке в таком прекрасном переводе!.. Через некоторое время Тициан поднялся к Сумбатову...»

«Грузинское общество» и прежде всего А. Сумбатов-Южин приняли деятельное участие в подготовке «Вечера Руставели», который должен был со-

стояться в Москве 26 декабря 1915 года.

«Незадолго перед вечером, — рассказывает С. Клдиашвили, — Тициан пришел к Сумбатову. Вскоре прислали за мной. Когда я вошел, Александр Иванович с Тицианом просматривали листы бальмонтского перевода. Предполагалось, как я понял, чтение перевода поэмы Руставели, и я был приглашен в качестве слушателя.

Читать начал было Тициан, но очень скоро А. Сумбатов перебил его: — Подождите, дорогой, дайте я сам...

Он прочел стихи сначала про себя, а потом начал декламировать их вслух. Время от времени, останавливаясь, восклицал:

— Это божественно, божественно!..

Заключив чтение, попросил Тициана прочесть отрывки из поэмы «Вепхис ткаосани» на грузинском языке».

«Вечер Руставели» прошел с большим успехом. На вечере К. Бальмонт прочитал лекцию о Грузии и Руставели и ряд больших отрывков из перевода его поэмы.

В письме, отправленном Е. К. Цветковской на следующий день, Бальмонт рассказывал: «Вчерашний вечер Руставели прошел блестяще. Зала была полная. Встретили горячо, слушали с напряженным вниманием. Устроили овацию...»

Табидзе после лекции заходил в лекторскую с лицом, залитым слезами. Много было красивых взволнованных лиц. Для всех (Южина включительно, встретившего меня первым, когда я приехал) этот вечер воистину был неожиданным блеском, открытием».

За два дня до «Вечера Руставели», 24 декабря К. Бальмонт писал Е. К. Цветковской: «После вечера Руставели грузины под председательством Южина-Сумбатова устраивают мне банкет. Вероятно, также устроится «Вечер Грузии» (стихи, пение, говорение, музыка, пляска) — позднее, когда позволят сроки...»

Этот вечер, о котором упоминал К. Бальмонт, состоялся в традиционный для Грузии день «Святой Нины». Это был вечер грузинской поэзии и музыки в Большом зале консерватории. На нем присутствовали почти все грузинское московское общество и многочисленные представители русской интеллигенции.

На вечере исполнялись отрывки из оперы Д. Аракишвили «Сказание о Шота Руставели», К. Бальмонт читал отрывки из поэмы «Витязь в барсовой шкуре», грузинский студенческий хор цел народные песни Грузии.

После вечера в «Грузинском обществе» состоялся грандиозный банкет. Воспоминания о нем, С. Клдиашвили расска-

¹ Газета «Закавказская речь», 1915, № 271, 17 декабря («Письмо из Москвы»).

зывает, что прочувствованное слово, обращенное к Бальмонту, сказал тогда Тициан Табидзе. Его речь была гимном «Человеку от Солнца», влюбленному в Солнце Грузии. Едва он закончил, К. Бальмонт встал, горячо обнял Тициана и восторженно несколько раз повторил:

— Друг мой, друг мой!..

После этого обратился ко всем присутствующим с ответным словом, в котором вновь говорил о своей любви к Грузии, о величии Руставели. Многие из того, что было сказано им в этот вечер, вошло в его предисловия к изданиям поэмы на русском языке.

Тициан Табидзе и К. Бальмонт бывали вместе не только в «Грузинском обществе», но и на других вечерах. Об одном таком «интимном» вечере Т. Табидзе вспоминал в статье-рецензии на роман Андрея Белого «Петербург»:

«Это было в прошлом году, когда поляки бежали из Галиции в Россию. За одну неделю Москва превратилась как бы в лагерь беженцев. Что-то печальное и несчастное было в этом народе. По улицам ходили печальные тени, и тени эти плакали. Я тогда физически ощутил, что такое родина и как любят ее поляки.

Среди польских беженцев были и писатели. В одном интимном кружке состоялся русско-польский вечер. На этом вечере русский поэт К. Бальмонт читал свой перевод из поэмы Юлиа Словацкого, в которой оплакивалась судьба Польши. После чтения Бальмонт с тоскливым воодушевлением говорил о белом рыцаре, который изливался кровью, и о разъединении семьи славы. Затем выступил польский поэт Тадеуш Мицкинский. Он говорил, — рассказывает Тициан Табидзе, — о немцах, которые с огнем и мечом носились тогда по Польше, о тех зверствах, которые они чинили. В зале стоял плач, и «этот плач как бы соединялся с плачем Словацкого и Мицкевича...».

О встречах с К. Бальмонтом, о новых его книгах Тициан Табидзе часто писал своим друзьям и близким. Сохраняя прежний интерес к личности и поэзии переводчика поэмы Руставели, Тициан Табидзе в последних письмах из Москвы уже не может скрыть чувства некоторого разочарования в нем.

О Бальмонте Тициан Табидзе писал в письме Валериану Гаприндашвили 2 января 1917 года, рассказывая о литературной жизни столицы. Это письмо, передающее литературные взгляды, вкусы и интересы молодого Табидзе, несомненно представляет интерес, и поэтому мы приводим его почти полностью:

«...Часто хожу к Бальмонту. Он уже так не вдохновляет и не возбуждает меня, как в первое время. На это две

причины: или я привык, или плохо себя чувствую, хотя Бальмонт очень интересен. Его последняя книга «Солнца, Меда и Луны» безусловно интересна. Во всяком случае сравнительно с новой русской поэзией. Получил книгу В. Каменского. Большинство этих стихов — напевы русской гармонии в приподнятом настроении. Безусловно в ней есть хорошие места, но нет святости. Я в последнее время стал педантом. «Страданиям должно быть достигнуто у поэта то, что другим кажется музыкой», или что-либо вроде этого. Пишу тебе терцины сонетов Бальмонта «Под северным небом», которые он дал как предисловие к новому изданию своих стихов... Я часто повторяю эти простые слова, я их люблю. Начинаются они так: «До самого конца вы будете мне милы, родного севера непышные цветы...»

Затем посылаю тебе еще один сонет, который достался мне на счастье, когда он (Бальмонт. В. Б.) гадал сонетами...

В Москве январские холода. Памятник Пушкину стоит как Юмандор. Так сравнил один московский футурист Королевич, который написал интересную книгу «Студенты столицы». Много выставок картин. Если ты интересуешься, я пришлю тебе репродукции.

Макс Волошин выставил картинами «Венок сонетов». Очень интересно. Каждая строчка — это картина... интересен портрет Альштама «Анна Ахматова».

Скоро выйдет альманах, в котором В. Брюсов продолжит пушкинские «Египетские ночи». Если это тебя заинтересует, я пришлю...

Нико Лордкипанидзе скоро пришлю книгу А. Белого «Серебряный голубь», Пашукин выпускает его на днях, старое издания нет...¹

Летом 1917 года Тициан Табидзе вместе с К. Бальмонтом приехали в Тбилиси. Об этом грузинский поэт рассказывает в статье, написанной на смерть Ованеса Туманяна:

«Это было летом 1917 года. Я только что приехал из Москвы в Тбилиси и со мной вместе приехал К. Бальмонт... В саду Грузинского клуба на ужине, устроенном в честь Бальмонта, Сандро Канчели и Гито Диасамидзе, я впервые увидел Ованеса Туманяна. Он держался совершенно независимо и вместе с Бальмонтом произносил на русском языке экспромты... Месяц спустя в «Русском слове» было опубликовано стихотворение Бальмонта «Тебе, Ованес Туманян»².

Находясь в столице Грузии, К. Бальмонт легко знакомился и сближался с

¹ Личный архив Н. А. Табидзе.

² Газета «Рубикон», 1923, 8 апреля.

Тбилисцами. О непосредственности и простоте, проявляемых им при этом, рассказывает Нина Александровна Табидзе:

«В 1917 году я жила вместе с двумя моими подругами Тамарой Андрониковой и Катей Тусишвили на Московской улице. Мимо наших окон часто проходили Константин Бальмонт и Тициан Табидзе, приехавшие вместе из Москвы. Однажды, возвращаясь домой, я неожиданно встретила на нашей улице Бальмонта. Мы с ним еще не были знакомы, но он как ни в чем не бывало взял меня за руку и спросил, хочу ли я послушать его стихи. Я ответила утвердительно и предложила ему пойти к нам. Мои подруги страшно обрадовались Бальмонту; одна из них схватила букет, стоявший в вазе, и преподнесла ему. Бальмонт стал читать, как обычно растягивая слова. Он прочел свои стихотворения «Я на башню всходил», «Хочу быть смелым, хочу быть дерзким», «Красные кони». После этого он приходил к нам еще несколько раз. Тициан обычно ждал его внизу, под окнами...».

В этот приезд, так же как и в предыдущий — в 1915 году, К. Бальмонт выступал с лекциями о Руставели и чтением своих переводов «Витязя в барсовой шкуре». Бальмонта встречали всюду еще горячее, еще восторженнее, чем в первый раз. Он ездил из города в город и, кроме чтения своих стихов, произносил импровизированные речи, которые вызывали в публике особенный интерес. Он говорил без всякой подготовки на самые разнообразные темы. На тему своей лекции, или отвечал на вопросы слушателей...»¹.

К. Бальмонт побывал в Тбилиси, Кутанси, Боржоми. Общество распространения грамотности в Грузии получило от него подарок — прозаический перевод на русский язык поэмы Шота Руставели.

В связи с приездом К. Бальмонта газета «Сакартвело» поместила на своих страницах статью «К. Бальмонт и Грузия». Автором ее был Тициан Табидзе.

В статье отмечалась способность К. Бальмонта проникать в душу того народа, чьи произведения он переводит: «Его дорога к народу, дорога поэта, это переход к душе народа. Калидаса ввел его в Индию, а Руставели в Грузию». К. Бальмонту, по словам Табидзе, «сумел подойти к сердцу Грузии и най-

ти то интимное, что было ей свойственно».

Касаясь перевода на русский язык поэмы Шота Руставели, автор статьи подчеркивал, что Руставели не вмещался в те рамки эстетики, которые характеризовали поэзию К. Бальмонта, но то, что он успел сделать, «похоже на победу». «В Руставели, конечно, много такого, что не выносит перенесения на другой язык, в Руставели много такого, что является тайной даже для грузин, — продолжал Табидзе. — Бальмонт для художественной компенсации употребил свое магическое понятие слова-клад, откуда он без затруднения черпает самой большой мерой. Это можно понять, если присмотреться к его переводу Руставели. Здесь в два раза больше рифм, чем в оригинале «Вепхис ткаосани», причем банальная рифма Бальмонту не знакома».

Тициан Табидзе первый подметил, что работа над переводом поэмы оказалась определенное влияние на поэзию самого переводчика: «Для оригинального творчества Бальмонта Руставели не прошел без следа!».

В той же статье Т. Табидзе писал о том, что поэма «Вепхис ткаосани» переведилась почти на его глазах, что ему довелось слышать раздумья о ней К. Бальмонта.

...Грузия оставалась дорога Бальмонту до последних дней жизни. Поэма Руставели не раз упоминалась в его письмах к жене Е. А. Бальмонт, проникнутых тоской по родине, горечью, разочарованием в Европе. Умер К. Бальмонт 24 декабря 1942 года под Парижем от истощения и крайне тяжелых условий жизни².

Деятельность К. Бальмонта как переводчика в пору, когда русский царизм жестоко и неуклонно проводил политику национального угнетения, разобщения народов, несомненно имела большое значение. В частности, его перевод поэмы Шота Руставели, чтение этого перевода и лекций о Грузии и Руставели в различных городах России, способствовали сближению двух народов, двух культур — русской и грузинской. Свою лепту в это сближение вносил в те годы, наряду с другими поэтами, писателями, общественными деятелями Грузии, и близкий К. Бальмонту Тициан Табидзе.

¹ Т. Табидзе. К. Бальмонт и Грузия. Газета «Сакартвело», 1917, № 129, 16 июня.

² Воспоминания Е. А. Бальмонт. ЦГА-ЛИ, ф. 57. К. 1.

¹ Воспоминания Е. А. Бальмонт. ЦГА-ЛИ, ф. 57. К. 1. Стр. 192.

Нино ЦИЦИШВИЛИ

Из воспоминаний

Буря русской революции 1905 года перекинулась и в Грузию. С волнением следила я за революционными событиями; мне тоже хотелось вложить свою лепту в это великое народное дело. Мой дядя Александр Константинович Цицианов (Цицишвили) — один из первых народников-грузин как участник покушения на государя Александра II был приговорен царским правительством к вечной каторге, а отец за переписку с ним и либеральные идеи — сослан в Сибирь.

Такая несправедливость рождала во мне протест и желание отомстить за этих людей.

Еще с 1898 года я начала посещать нелегальные собрания, бывать в мастерских, распространять брошюры и прокламации в военных частях. А уже в 1905 году оказывала услуги боевым революционным организациям, разными способами добывала оружие и доставляла его в революционный комитет. За это я была внесена в списки неблагонадежных. В 1907 году ко мне на квартиру впервые явились жандармы с обыском, но, к счастью, ничего компрометирующего они не нашли.

Последующий обыск и допрос в Тифлисском жандармском губернском управлении, учиненный мне жандармским полковником Постролинным, вынудил меня покинуть Грузию.

С нашей семьей был очень близок Сандро Ахметели. Видя, в каком положении мы оказались; он посоветовал мне временно переехать в Петербург; как он говорил, это избавит нас от надзора полиции, а кроме того мы сможем познакомиться с петербуржцами с грузинскими танцами. Мне понравился его совет, тем более, что тогда никто из исполнителей грузинских танцев не ездил в Россию. Я временно покинула Тбилиси и переселилась в Петербург. При посредстве Сандро, который был тогда студентом Петербургского университета, я скоро

познакомилась со многими семьями и получала много приглашений.

В Петербурге у артистов был свой клуб под названием «Бродячая собака» (позже его назвали «Артистическим уголком»), где они собирались после спектакля. В этот клуб приходили художники, писатели, музыканты — видные деятели литературы и искусства. Здесь устраивались выставки художников и чтение лекций, здесь же читали свои первые произведения начинающие поэты и прозаики. Одним словом, этот клуб являлся теми вратами, которые открывали дорогу молодым талантам.

В этом клубе я познакомилась с писателем Александром Ивановичем Куприным, а позднее очень сдружилась как с ним, так и с его семьей.

Александр Иванович приглашал меня к себе в Гатчину и сам бывал у меня с критиком Петром Пильским и клоуном Жакомино.

В клуб Александр Иванович приезжал большей частью навеселе, брал меня за руку и просил исполнить «Узундару», «Наурскую» и «Грузинскую», музыку которых написал для меня композитор Льдов и эти ноты посвятил мне.

Однажды вместе с маленькой моей дочерью Софьей мы поехали в Гатчину к Куприным.

Ксения, дочь писателя, очень обрадовалась и захотела во что бы то ни стало сама принять гостей. Она нарежала мясо, поджарила его на маленькой игрушечной сковородке и угостила нас.

В клубе я познакомилась также с Леонидом Андреевым, Александром Блоком, Аиной Ахматовой, Изабеллой Гриневской, которая тогда написала интересную пьесу, поставленную на сцене Большого Народного дома. В этом театре ставились как драматические,

так и оперные спектакли. В оперных представлениях часто выступал Федор Шаляпин. Писательница Изабелла Гриневская внесла в свою пьесу специально для меня персидский танец. Сандро Ахметели был страшно рад за меня — я стала уже профессиональной актрисой, со мной заключили договор на весь сезон. Кроме того, я еще выступала на сценах небольших театров и клубов. Газеты помещали хвалебные рецензии на мои выступления. Газета «Закавказье» писала 28 января 1914 года:

«...Из остальных артистов отмечу — и нашу соотечественницу баронессу фон-Клейст, по мужу Мириманову, которая своими танцами привела в восторг публику. Ее «Узундара» и лихая «Наурская» — неподражаемы. Между прочим, г-жа Мириманова приглашена в Лондон, где она будет выступать в одном из местных театров...»

Из Москвы на гастроли в Петербург приехали К. Станиславский, В. Качалов, И. Москвин, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова и другие. В честь московских артистов художники устроили в своем клубе большой вечер. Была приглашена и я. К этому вечеру по эскизу художника Сергея Судейкина был сделан для меня очень оригинальный костюм: одежда вся из тонкого газа, жемчужное ожерелье, тонкая ткань вся в драгоценных камнях, отделанная черной козьей шерстью и желтым шелком; черные шелковые ленты придавали экзотический вид всему одеянию. Позолоченная диадема с распростертыми крыльями заморской птицы и сшитая на персидский лад обувь еще больше подчеркивали замысел художника.

Судейкин пригласил в клуб художников, портниху и сам указывал ей, как надо выводить каждую деталь. В таком красочном наряде я и появилась перед московскими артистами. Не знаю, как

назывался танец, который я тогда исполняла. Это была скорее импровизация — я старалась развить фантазию художника, создавшего костюм для этого танца.

Мы устраивали представления как в пользу бедных студентов, так и в пользу семей революционеров.

Как-то общество клуба попросило Н. Марра прочитать лекцию. Не знаю, по какой причине, но он несколько раз отказывался. В конце концов обратились ко мне с просьбой поехать к нему и уговорить его. Когда Марр услышал мое имя, радостно поднялся мне навстречу: «Догадался, догадался, зачем побеспокоились, сударыня! Ловко придумали ваши друзья, знали, что вам я не смогу отказать». И тут же, переодевшись, он пошел в клуб.

В тот вечер я была занята в благотворительном вечере в пользу военного флота. И Марр выразил сожаление: «Я больше из-за ее танцев пришел».

Часто бывала я у известной русской актрисы Марии Гавриловны Савиной. Чего бы ни касалась тема нашей беседы, мы неизменно, незаметно для самих себя, переходили на Грузию. Савина была однажды в Грузии в гостях у Орбелиани, ее совершенно покорили грузинское гостеприимство, сердечность.

Она так красочно и художественно описывала увиденное и так была увлечена моей родиной, что я не могла сдержать слез радости, вспоминая родные места. Она же всей душой отзывалась на мою взволнованность, и мы обе еще долго бывали в плену дорогих воспоминаний.

Общение с этими замечательными людьми, их искреннее и теплое отношение к Грузии поддерживало меня вдали от родины, и я не теряла надежды туда вернуться.

Гарри МЕТРЕВЕЛИ

На поле — одиннадцатый номер

На свете существует множество примет, добрых и дурных. Перебежит до рогу черная кошка — жди дурных вестей. Подрагивание левого глаза — к радости. Чешется правая ладонь — деньги отдавать, левая — получать. Цифра тринадцать единодушно признана предвестницей несчастий и неприятностей.

Говорят, в американских календарях вообще нет этого числа. Не встретишь в Соединенных Штатах и 13-й улицы или дома № 13. Считая, многие с двенадцати сразу перескакивают на четырнадцать. Пожалуй, нечего далеко ходить за примерами: ведь и по грузинскому народному поверью надоедливого и нежеланного человека называют тринадцатым поросенком.

Поскольку есть несчастливое число 13, должно в противоположность ему существовать какое-то другое, знаменующее собой счастье и удачу.

...Он родился одиннадцатого января в одиннадцать часов дня. После окончания одиннадцати классов средней школы был немедленно зачислен в команду тбилисского «Динамо» одиннадцатым номером. Он познакомился со своей будущей женой одиннадцатого числа и одиннадцатого же сыграл свадьбу. В футбольной команде он занимает по росту одиннадцатое место. Еще ни одному вратарю не удавалось брать пробитый им одиннадцатиметровый. И, наконец, его имя и фамилия состоят из одиннадцати букв: Михаил Месхи.

Совпадения удивительные, хотя и случайные.

Левый крайний нападения тбилисского «Динамо» Михаил Месхи всегда — начиная с дворовой команды и до символического состава сборной мира — числился под номером 11.

Исполнилась давняя мечта Тамары Бакрадзе и Шалвы Месхи — у них родился сын. Мальчика назвали Михаилом.

Шалва Месхи считался в кругу своих друзей не только признанным футбольным болельщиком, — было время, когда он и сам гонял мяч — страстно и самозабвенно. Поэтому неудивительно, что первым подарком, который счастливый отец принес маленькому Мишико, был красный резиновый мячик.

Мальчик полюбил этот непонятный упругий и податливый красный предмет, который все время норовил вырваться и ускакать. А едва начав ходить, радостно гонялся за ним.

— Бывало, если заплачет, так ничем не заставишь его замолчать. Но стоило кинуть ему в кроватку любимый мячик, как он моментально замолкал, — смеясь, вспоминает Тамара — мать Миши.

Семилетнего Мишу Месхи отдают учиться в Тбилисскую 15-ю среднюю школу. Отсюда и начинается его путь в «большой футбол».

Быстрый, подвижной парнишка старается во всем подражать старшим товарищам, посещает все матчи на первенство страны, с замиранием сердца следит за прославленными в то время мастерами кожаного мяча. Вот Борис Пайчадзе — несравненный футболист, умеющий неудержимо прорваться сквозь стену защитников, постигший тайны дриблинга и неожиданных, точных ударов по воротам. Вот невысокий, юркий Гайоз Джеджелава, способный одним обманным движением сбить с толку нескольких сторожей и умеющий

пробить по воротам, даже находясь спиной к ним...

Миша Месхи был душой школьной команды. Его удар левой неизменно приносил победу. Разумеется, команда, в которой он играл тогда, не отличалась ни особой организованностью, ни стабильностью состава. Один и тот же игрок сегодня мог стойко защищать ворота от ударов «противника», а завтра с таким же энтузиазмом занимал место центрфорварда. И только Миша Месхи и его ближайший сосед и товарищ Автандил Хеладзе постоянно оставались на своих местах.

Происходило все обычно так: собираются ребята во дворе, раздобудут мяч, соорудят самодельные ворота, и сейчас же два главных «антивиста» объявляют себя «матками», подбирают себе команду, называя по очереди своих игроков. И тот, кому доводилось выбирать первым, немедленно и без размышлений объявлял:

— Миша — ко мне!

Любовь мальчишек к мячу была поистине беззаветной. Никакие трудности и препятствия не могли умалить ее. Никакие правила — ограничить и подчинить себе. Игра шла резиновым мячом, который, правда, и подпрыгивал не очень высоко, но зато выдерживал ожесточенные линки нескольких ног одновременно, да к тому же и не требовал такой роскоши, как покрышка. Стойки «ворот» возводились из камней и наваленных друг на друга школьных ранцев — о сетке тогда никто даже и не мечтал. Бутцы и гетры тоже относились к области недостижимой фантастики, и футболисты играли обычно босиком — чтобы сберечь и без того стоптанные башмаки. Судили подобные матчи сами же игроки, и они же устанавливали свои законы: положения «вне игры» не фиксировались, пенальти били, отмеряя девять шагов от ворот, и назначался он за три корнера. О начале и конце матча возвещала не судейская сирена — в этом не было необходимости, да и самого свистка не было.

Игра шла до десяти голов, до полного изнеможения, до темноты, до родительского окрика...

Так проходило детство. Маленький Михаил охотно и азартно увлеклся почти всеми видами спорта. Мало кто мог обогнать его в беге. В прыжках в высоту, несмотря на невысокий рост, он показывал неплохие результаты. А вдобавок ко всему он проявил такие природные способности к борьбе, что после немногих тренировок заслужил третий разряд. Тренер Вардзелашвили, воспитавший немало известных борцов классического стиля, с гордостью оглядывая ковер, на котором, разбившись на пары, занимались юноши, говорил:

— В этом зале вы видите двух ребят, которых скоро узнает весь мир. — Он показывал на Гиви Картозия и Михаила Месхи.

Пророчество Вардзелашвили исполнилось, но... не совсем. Если Гиви Картозия с триумфом обошел бордовские ковры всего мира, бросая на лопатки своих противников одного за другим, то Михаил Месхи избрал другой — зеленый ковер футбольного поля. Мало кто из сильнейших противников может устоять перед его напором и быстротой. А сам Миша ураганом мчится к воротам, ведя хитроумными зигзагами мяч. И его нельзя не только удержать, но и сбить на землю: все же разряд по борьбе не шуток!

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Михаила Месхи, если бы не один непредвиденный случай в самом начале его спортивной карьеры: во время одной из тренировок в бордовском зале Михаил вывихнул плечо и вынужден был отказаться от борьбы. Вот уж поистине — не было бы счастья, да несчастье помогло!

...Из пятнадцатой школы Михаила переводят в семнадцатую. Его «переход» совпал с разгаром внутришкольной спартакиады. Между классами происходили ожесточенные футбольные баталии. Одноклассники предложили своему новому товарищу ответственное место вратаря, считая, что оказывают ему большое доверие. Но... Миша отказался. Вакансия левого края в команде была занята, и потому Месхи был зачислен лишь запасным. Однако давно известно, что судьба покровительствует упорным. Скоро подвернулся случай, и «футбольный дебют» Михаила Месхи состоялся. Будьте уверены, уж он постарался показать все, на что был способен! Сразу же после этой игры робкий новичок был торжественно включен в состав школьной сборной.

Так пришел первый успех. Это была победа не только футбольного новобранца, но и победа характера, убежденности, ясной устремленности к цели.

Михаил Месхи оказался для школьной команды ценным пополнением. Линия нападения (тут уж можно говорить о линии нападения, а не о случайном соседстве игроков!) заиграла стройнее, осмысленнее, и — как закономерное следствие — результативнее. Победа следовала за победой. И скоро маленькие футболисты единодушно назвали Мишу капитаном своей команды.

Может быть, именно тогда и стало осознанным стремление юноши «стать настоящим футболистом». Никакой природный дар, никакие врожденные способности не могли бы привести к успеху сами по себе. Нужен был кропотливый повседневный труд. Нужны были квалифицированные тренеры —

подлинные спортивные наставники, которые помогли бы росту юноши, передали бы ему свой опыт, научили «высшей математике» футбола. Наконец, существует еще одна аксиома, однако во верная и в труде, и в науке, и в спорте, — талант не может развиваться в одиночку, ему нужна подходящая атмосфера, поддержка равных, коллектив. В данном случае можно сказать так: футболисту нужна команда.

Так возникло у Михаила Месхи заветное, но твердое решение: надо было перейти в 35-ю среднюю школу, где наряду с общеобразовательными предметами ученики под руководством опытных тренеров — известных в недавнем прошлом грузинских спортсменов — овладевали «тайнами» футбольной премудрости. Но то ли юноша не решился высказать свое желание родителям, то ли не верил до конца в свои силы и способности... Так или иначе, осуществление этого плана оказалось возможным лишь после долгих раздумий, колебаний, сомнений. Но снова любовь к футболу преодолела все. И снова мы можем констатировать, что каждый этап спортивной биографии Михаила Месхи является в то же время и этапом становления его характера.

В 1951 году Михаил Месхи зачислен в 35-ю школу. У него — впервые в жизни! — появляются собственные бутцы, гетры, майка, на которой были нашиты две единички. Как суворовец, впервые надевший офицерскую форму, Миша подолгу рассматривал себя в зеркале, до предела поворачивал голову, чтобы разглядеть на своей спине одиннадцатый номер.

Вначале он не выделялся среди своих товарищей-одноклассников, его зачислили в третью команду школы.

На время школьных каникул ученики 35-й школы выезжали для тренировок в Бакуриани. Здесь и обратился на себя впервые внимание невзысканий паренек, готовый целыми часами упражняться с мячом, охотно и добросовестно выполнявший все задания преподавателей, отличающийся выдумкой, творческой смелостью, тонким «чувством мяча». Опытный глаз тренера Джондо Шавдия быстро заметил все эти качества Михаила Месхи.

Он был сразу же переведен в первую команду, в известную всей республике сборную 35-й школы!

С этого момента часто можно было заметить, как после тренировок и уроков Джондо и Михаил о чем-то подолгу беседовали, вместе проводили все свободные часы, занимались сверх предусмотренной программой нормы. Это уже была дружба — благодарная и

признательная со стороны Михаила, умная, неназойливая, но требовательная со стороны Джондо.

Футбольные знания Михаила Месхи росли. Уже можно было говорить о зачатках мастерства.

Миша был самым младшим в первой школьной команде. Но технический арсенал и понимание игры делали его равным каждому игроку сборной. В том же 1951 году Миша получает третий разряд по футболу.

Футбол — так же, как и все в жизни, — имеет свои первичные «кириичи», свою азбуку. Михаил Месхи овладел этой азбукой еще до того, как перешел в 35-ю школу. Он приходит сюда не с пустыми руками (или о футболистах надо говорить — не с пустыми ногами?).

Бесконечные игры в «авчалури» — когда ребята соревновались, кто большее количество раз подкинет носком ноги тряпичный мячик, набитый зернами фасоли, — приучили его к свободному обращению с мячом. Именно «авчалури» развила его «чувство контакта» с мячом, научила твердо стоять на ногах, заставила точно направлять мяч туда, куда нужно. Борьба укрепила его физически, налила силой его мускулы. Сам Михаил рассказывает, что погони за бабочками с сачком в руках в детстве приучили его менять направление бега, сохранять ориентировку в зигзагообразном движении. А погоя за удирающими курами оказалась несравненной школой финтов и обманных движений, столь необходимых в современном футболе. Даже и сейчас в свободное время Михаил с удовольствием гоняется за отчаянно орущим петухом, считая это не только веселым развлечением, но и прекрасной тренировкой координации движений (спасая свою жизнь, петух удирает со всех ног, внезапно меняет направление, смаху останавливается, а потом снова мчится стрелой, и поймать его подчас бывает сложной задачей не только для человека, но и для коршуна!). И вдобавок ко всему этому — неудержимая страсть, можно даже сказать — жадность к игре, взрывной, горячий темперамент и неиссякаемая энергия.

Все эти компоненты составили в сумме отличный «замес» того теста, из которого должен был появиться в будущем футболист экстракласса.

Спортивный путь Михаила Месхи становится все более сложным и интересным, но все время он проходил на левом краю поля, возле бровки, по прямым и изломанным линиям, нацеленным на ворота противника, — одним словом там, где полагается быть игроку под номером 11.

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ

ШЕХЕРЕЗАДА

Лезвие острое — не для остратки
Смерть наточила, выйдя из ада.
Что же молчишь ты, где твои сказки,
Нежная, где ты, Шехерезада?
Смерть над любою шапкой и каской
Веет с косою — не для парада.
Может, смирится? Длинною сказкой
Заворожи ее, Шехерезада.
К солнцу Тбилиси — как оно летя —
Мне воротиться очень уж надо.
Может, забудется и отвлечется?
Заговори ее, Шехерезада!

ДО РАССВЕТА

Открылось небо. С синей вышины
В мир заснеженный глянул лик луны.
Мороз седые крылья простирает.
Похож на льдину ныне лик луны.
И даже звезды стужа пробирает.
Одни ветра влогон другим ветрам
Несутся по дворам и по горам,
На крутизну и снова — с крутизны...
Похож на льдину ныне лик луны.
У этих гор стою и в новый день,
Как в новый дом, распахиваю дверь.

Перевод с грузинского Вл. Соколова.

Уже в 1952 году он принимает участие в розыгрыше первенства Тбилиси среди команд третьей группы.

Окрепший, тренированный организм и возросшая игровая техника позволяют Михаилу Месхи отлично выполнять функции левого крайнего. Очень часто в единоборстве с ним на поле оказывались побежденными даже футболисты больше его возрастом (да и ростом тоже).

В этом же году Месхи выполняет все необходимые условия для присвоения ему первого спортивного разряда.

Еще более интересным и памятным оказался для него 1953 год. В этом году Михаил впервые попал в Москву — в составе сборной молодежной команды Грузии. Правда, в тот год товарищеские состязания юношей проходили с участием только трех команд — Москвы, Ленинграда и Грузии. Но даже в этом «троеборстве» многие молодые футболисты успели отлично проявить себя и привлечь внимание опытных мастеров кожаного мяча. Специалисты не замедлили отметить в своих записных книжках фамилию левого крайнего грузинской команды. Его футбольное дарование можно было считать уже интересным и своеобразным. Но еще больше обещало оно в будущем.

Мне кажется, что годом первого выхода Михаила Месхи на всесоюзную арену следует считать все же 1954 год. Соревнования, проведенные в этом году между молодежными командами Советского Союза, проходили в два этапа; сначала в Алма-Ате, затем — в Москве. В этих соревнованиях команда Грузии заняла почетное второе место. А что Михаил? Отметим лишь, что такой футболист, как Завидонов, вскоре после этого выросший в одного из признанных мастеров «взрослого» футбола, никак не мог решить проблему нейтрализации Месхи на поле и вынужден был постоянно прибегать к помощи товарищей по команде.

После этого турнира прошло совсем немного времени, и в том же 1954 году состоялись другие крупные соревнования — на этот раз с участием команд молодежных футбольных школ страны. Игры между ними проходили в такой острой и интересной борьбе, что трибуны московского стадиона «Динамо» были постоянно переполнены.

Михаил Месхи и на этих состязаниях занимал в команде свое постоянное место — левого крайнего нападения. Он уже демонстрировал стабильную, зрелую игру. Тренеры команд-соперников давали защитникам специальные советы и указания с единственной целью: «сдержать» Месхи, обезопасить свои ворота от его кин-

жалных проходов, хитроумных финтов и опасных прицельных ударов.

Команда Тбилисской молодежной футбольной школы заняла на этом турнире первое место и завоевала кубок. Вместе с Михаилом Месхи в команде выступали спортсмены, впоследствии занявшие в грузинском футболе заметное место: вратари С. Готрикадзе, В. Иванов, А. Квачадзе; защитники Р. Чанчалеишвили, М. Севосгланов, Б. Сичинава; нападающие Т. Мелашвили, З. Мачарашвили и другие. Команду готовил к состязаниям заслуженный мастер спорта А. Кинадзе.

Интересно отметить один факт — все матчи в Москве в числе прочих «верных болельщиков» нашей команды посещал молодой скульптор Элгуджа Амашукели, которого восхитила игра Михаила Месхи. Чутье подсказало любителю футбола, что он наблюдает первые «футбольные шаги» спортсмена, которому предстоит большое будущее. И он решил взять на себя роль «пророка», предсказывающего судьбу своему новому другу. Уже в Тбилиси, в парке имени Кирова, бывшем тогда (как и теперь) постоянным местом встреч друзей-болельщиков, предсказание Элгуджи Амашукели было зафиксировано на бумаге, соответствующим образом оформлено и, следовательно, приобрело силу документа. Его скрепили своими подписями присутствовавшие при этом «торжественном акте» молодые художники и скульпторы. Приведу этот «документ» с сохранением его стилистических особенностей:

«Мой прогноз относительно Михаила Месхи.

В настоящее время Михаилу Месхи шестнадцать лет. Он представляет собой невиданный талант. Через год Месхи попадет в основной состав нашего «Динамо». В 1958 году он войдет в сборную Советского Союза и заставит говорить о себе широкую общественность. В 1960 году он получит мировое признание как лучший крайний нападающий. Он будет звездой грузинского футбола и, может быть, даже крайним нападающим №1 во всем мире. Залогом этого — его необыкновенные особенности, своеобразный стиль игры и спортивные данные.

1954 год, гор. Тбилиси, парк Кирова, 20/VII

Э. Амашукели.

Это письмо рассмотрели и присутствовали при сем: Мурман Супаташвили, Мито Хахуташвили, Элгуджа Фердзенишвили, Коки Махарадзе, Серго Чахоянц».

Как видите, Михаил Месхи почти в точности оправдал смелые пророчества

Элгуджи Амашукели: каждый год его жизни был ознаменован новым шагом по пути спортивного совершенствования. А включение в опытный, славный замечательными традициями коллектив тбилисского «Динамо» знаменовало собой начало нового этапа.

Михаил вступил в состав одной из сильнейших футбольных команд Советского Союза подобно новобранцу, который ясно сознает ответственный и почетный груз традиций, легший на его плечи. Он мечтал стать равным в шеренге одиннадцати прославленных футбольных бойцов. И тбилисское «Динамо» приняло молодого спортсмена в свои ряды.

Перед Михаилом Месхи открылись новые перспективы. Но его воображению рисовались не лавры, аплодисменты, медали, а упорные тренировки, кропотливая учеба, знакомство с опытом старших мастеров, работа и еще раз работа...

Должно быть, в памяти многих грузинских болельщиков еще живо то время, когда мальчишки в дворовых и уличных футбольных баталиях поголовно нашивали на свои майки, рисовали мелом или углем одну цифру — девятку. У всех был один идеал, один кумир — Борис Пайчадзе. Сейчас в любом уголке Грузии вы обязательно встретите маленького футболиста с одиннадцатым номером на спине, независимо от того, где он играет — в нападении, в защите или даже в воротах. Так мальчишеский референдум проголосовал за включение в список своих признанных любимцев молодого левого крайнего тбилисского «Динамо» Михаила Месхи.

Но дорога от смущенного новичка в команде мастеров до одного из ведущих футболистов советского футбола была не краткой и не легкой.

Футбол — это искусство. Следовательно, он требует от своих служителей и техники, и мастерства, но и творчества. Сколько покоряющей пластичности и динамичности в движениях спортсменов, какое ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение доставляет зрителю настоящий «большой матч»!

Разумеется, сравнение футболистов с художниками приблизительно, условно. Живописец может создавать многочисленные эскизы, компоновать и перекомпоновывать свои композиции, прежде чем сочтет свое полотно законченным. Поэт десятки раз переписывает и перерабатывает каждую строчку своего стихотворения, прежде чем отдаст его на суд читателя.

А футболиста мы — и вместе с на-

ми несколько десятков тысяч заинтересованных зрителей — наблюдаем непосредственно в момент творчества, с его поисками и ошибками, с находками и результатами. В самый момент творчества дается и оценка ему — одобрительная или отрицательная. Поэтому и должен быть футболист силен не в творчестве вообще, а в творчестве импровизации, экспромта, выдумки и вдохновения. Потому и должен обладать он своим стилем, манерой, индивидуальностью. Я бы сказал — своим неповторимым творческим обликом (опять-таки, как каждый писатель, художник, музыкант). В игре футболист выявляет свой характер, свои мысли и чувства, — так же как творец произведений искусства в своем творчестве.

Игру Михаила Месхи на футбольном поле я бы сравнил с поэзией — по глубине содержания и возвышенной оригинальности формы, с причудливым ритмом прорывов, острыми рифмами финтов и мощными кульминациями ударов.

...Так вот, вернемся к его «творческому пути» по зеленым полотнам стадионов.

Если сегодня вы спросите Михаила Месхи, когда и как он сыграл в Марселе или Осло, в Париже или Стамбуле, то вполне возможно он, прежде чем дать ответ, задумается, соберет брови на переносице и скажет:

— Честно говоря, не помню точно. Кажется, это было осенью.

Зато никогда не изгладится из его памяти день 10 апреля 1955 года. Именно тогда Михаил Месхи впервые принял участие в матче на первенство СССР в составе дубля тбилисского «Динамо» против ленинградского «Зенита». Накануне он не мог скрыть волнения, всю ночь беспокойно проворочался на кровати. А когда раздались свисток судьи, возвещающий об окончании матча, он с трудом сдержал разочарование, ему хотелось еще и еще мчаться в прорыв, обводить защитников, бить по воротам. Ему хотелось еще играть.

Почти весь год Мише пришлось играть в дублирующем составе. Правда, было и утешение: если в предыдущем первенстве дубль «Динамо» Тбилиси вышел на последнее место, то в 1955 году команда сумела занять призовое второе место. Руководство команды подбирало и готовило к будущим боям молодых способных футболистов, обстреливало их в ожесточенных сражениях, исподволь подготавливало им места в основном составе. Разумеется, внес свою долю в общий успех и Михаил Месхи. Футбольные авторитеты единогласно отмечали перспективность игрока тбилисского дубля. И Месхи был в числе тех, кто обратил на себя внимание «оракулов».

Год пребывания в команде дублеров не прошел для Михаила даром — это был своеобразный подготовительный курс футбольной академии. Опытные «профессора» приучали его безусловно держать спортивный режим, обстреливали его в напряженном турнире, приучали к труднейшим нагрузкам всевозможных соревнований. Футбольный опыт Месхи рос. Вдобавок к «талантливим ногам» он приобрел и «голову» — точнее оценивал обстановку на поле, быстрее принимал решения в сложных ситуациях, охотнее и смелее брал инициативу на себя, но в то же время — все глубже постигал и «секреты» игры для команды, для коллектива.

А во второй половине футбольного сезона он уже держал экзамены — сыграл в основном составе команды два матча — в Киеве и в Москве против команды столичного «Спартака». Это произошло перед самым завершением чемпионата.

Михаил Месхи провел игру со спартаковцами с большим воодушевлением. Во время одного из его прорывов вратарю «Спартака» пришлось ликвидировать опасность для своих ворот смелым броском в ноги молодому тбилисскому форварду. Во время этого столкновения у Михаила подвернулась нога, он почувствовал острую боль. Опытный тренер тбилисцев Андро Жордания сразу же заметил, что Мише стало трудно передвигаться по полю. В перерыве между таймами он посоветовал Михаилу выйти из игры. Тренера поддержал и врач команды. Но Месхи, пересиливая боль, уверял всех, что он не испытывает никакой боли и сможет провести вторую половину игры. Ему поверили.

Свисток судьбы. Игра возобновилась. И Месхи действительно позабыл о поврежденной ноге. Ни один из десятков тысяч зрителей, наблюдавших в тот день интересный матч, не заподозрил, что каждый шаг молодого футболиста отдается резкой болью. Месхи играл еще активнее и опаснее, чем в первом тайме.

Газета «Советский спорт» писала об этом матче:

«Острее выглядели атаки тбилисских нападающих, среди которых особенно выделялся молодой левый крайний Месхи».

Ничто так не помогает росту молодого футболиста, как игра в составе сильной команды, бок о бок с опытными мастерами своего дела. Но не меньше пользы приносит ему и участие в состязаниях с сильными соперниками. 1956 год был для Михаила Месхи годом напряженных и интересных поединков с сильнейшими футбольными коллективами нашей страны. В этом го-

ду он провел в основном составе тбилисского «Динамо» более пятидесяти процентов матчей на первенство и Кубок СССР. В этом же году состоялись его первые международные игры.

Ни один из болельщиков со стажем не забыл достопамятного матча тбилисцев с командой «Атлетико Португеза» из Рио-де-Жанейро, который закончился ничью—2:2. Соавтором обоих забитых динамовцами голов был Михаил Месхи. В этом же году он принял участие в матчах против команд Тегерана и Эфиопии. Тбилисцы выиграли обе эти встречи. Немалый вклад в общие усилия коллектива внес Михаил Месхи, забивший в каждой игре по одному «своему» мячу.

Но все же можно сказать, что наибольшую пользу Месхи-футболисту принесло турне по Болгарии. Это была первая «гастрольная поездка» молодого футболиста в составе тбилисского «Динамо» за рубеж. Он внимательно приглядывался к стилю игры новых для него команд, изучал индивидуальное мастерство понравившихся ему футболистов. Добросовестно посещал даже тренировки болгарских футболистов и все наблюдал, наблюдал, наблюдал. Однажды он случайно заметил эффектный финт, которым форвард болгарской команды удачно обошел своего «сторожа», может быть даже не обратив внимания на свое движение. Но ничего не ускользало от глаз Михаила. Он задумался, проанализировал, «разложил» на элементы работу форварда, ход мяча. На следующий день, во время очередного занятия тбилисских футболистов Месхи с привычной для него настойчивостью повторял приглянувшийся ему финт. Повторял десятки, сотни раз, пока мяч не покорился полностью его воле. Миша освоил, дополнил замеченный финт, переработал его по-своему и вскоре уже свободно демонстрировал его друзьям по команде, поразив тогдашнего тренера тбилисского «Динамо» Гайоза Джеджелаву, который в недавнем прошлом сам был несравненным мастером финтов и обводки и передал своему ученику многое из своего богатого арсенала. Так росла техническая вооруженность Михаила Месхи, рос и разнообразился его «репертуар».

Футболисты, спортсмены вообще стремятся во все внести дух соревнования, соперничества, даже своего рода азарта. Перед отъездом из Болгарии на родину все ребята выложили полученные от друзей и почитателей сувениры, и стали сравнивать: чей лучше, оригинальнее, интереснее. Дружеский спор разразился Гайоз Джеджелаву:

— Самую интересную «памятку» увозит отсюда наш Мишка! — тренер имел в виду новый технический прием,

освоенный футболистом. — Постарайся подобрать коллекцию таких сувениров из всех городов и стран, где тебе придется побывать.

Каждый, кто видел Михаила Месхи на зеленом поле стадиона, мог наблюдать точнейшее исполнение этого необычного финта, который «окрещен» именем своего первооткрывателя и не раз ставил в затруднительное положение прославленных защитников в мире. Правда, он давно уже получил права гражданства в футбольном мире, и немало форвардов приняли его на вооружение. Но, согласитесь, что мало кому удается исполнить его так корректно, красиво и эффективно, как это делает грузинский футболист.

Любовь Михаила Месхи к футбольному мячу поистине фанатична. До сих пор он не может отказать себе в удовольствии принять участие в матчах, разыгрываемых на любом уровне, — вплоть до улицы или двора.

Очень часто молодые грузинские художники, с которыми Михаила Месхи связывает давняя и крепкая дружба, по-прежнему принимают участие в играх, прибегнув к испытанному с детства «способу комплектования».

— Чур, я выбираю первым! — кричит Элгуджа Амашукели.

— Я за тобой, — покорно соглашается Михаил Месхи, знающий по опыту, что Элгуджа бесовски заберет всех игроков к себе.

— Коки, Гигла, Мито, Гоги, ко мне! — поспешно перечисляет Элгуджа.

Миша оглядывается вокруг и...

— Чахо ко мне! — кричит он, обрадованный тем, что остался хоть один человек. Команды «сформированы», начинается матч: без свистка, три корнера — пенальти, выигрывает тот, кто первым забьет двенадцать голов.

Тактический план игры весьма прост. Михаил оттягивает на себя всех игроков противника, сразу же избравших защитный вариант. А потом неожиданно передает мяч оставшемуся совершенно открытым Чахо. Удар! — и отчаянный бросок Гиглы Пирцхалава оказывается бесплодным. Счет растет...

Любовь Месхи к футболу samozабвенна, говорили мы выше. Но он не принадлежит к той категории людей (играющих или просто «болеющих»), которым мяч заслоняет весь горизонт, заменяет все интересы в жизни. Круг его дел, занятий, привязанностей весьма широк. Тут и семья, и учеба, и увлечение книгами, искусством. Но, может быть, совсем не случайно и не объясняется только детской дружбой то, что его особенно привлекает общество художников. Он ведь и сам в какой-то мере художник, а, следовательно, мы име-

ем дело с духовным родством, общностью интересов.

По всей вероятности мало кому известно, что в числе прочих наград и призов, завоеванных Михаилом Месхи, есть одна, непосредственно связанная с миром художников. Однажды на вечер, посвященном Дню художников, был объявлен открытый конкурс на тему, сформулированную очень кратко: «Любовь». Первая премия должна была достаться тому, кто представил бы наилучшее символическое изображение любви. Фамилии участников конкурса оставались неизвестными вплоть до объявления результатов.

Было создано жюри, в состав которого вошли Л. Гудиашвили, В. Шухаев и А. Бандзеладзе. Желаящих принять участие в конкурсе оказалось очень много. После рассмотрения всех поступивших работ «совет богов» решил присудить первую премию рисунку, на котором был изображен... мяч. Выяснили фамилию автора, и оказалось, что победителем конкурса вышел Михаил Месхи. Решение жюри было одобрено дружно и единогласно. И действительно, вряд ли нашлся бы в зале человек, кто бы отказался признать в своей любви к мячу. Так Месхи забил еще один гол в ворота команды художников.

Год проходил за годом. Футбольные сезоны сменялись друг за другом. 1958 год запомнился как праздничный и особенный. Месхи удостоился звания мастера спорта по футболу и был включен в состав сборной СССР.

К этому времени у него накопился немалый опыт международных встреч. Ему довелось встречаться на поле с признанными мастерами мирового класса — Буцеком, Фонгеном, Сизовским и другими. Михаил Месхи блестяще проводит матчи этого сезона и в играх всесоюзного чемпионата и в международных товарищеских встречах. А в 1959 году он уже единогласно признается первым, наиболее достойным претендентом на место левого крайнего в сборной страны. Правда, вначале он был включен в Олимпийскую сборную, да и то как замена для Ю. Ковалева. Но состоялся один матч, который многое изменил.

10 июня 1953 года в Москве встречались первая сборная и олимпийская команда Советского Союза. Тренеры олимпийской выпустили Месхи на поле только во втором тайме. И тотчас словно огонь пронесся по полю, защитники сборной вынуждены были трудиться с полной нагрузкой, но все равно Михаилу несколько раз удавалось проходить сквозь оборонительные рубежи соперников. Шла 62-я минута. Месхи стрелой

ворвался со своего края на штрафную площадку сборной и точно выложил мяч оставшемуся неприкрытым В. По-недельнику. Тот не промедлил с уда-вом, и мяч затрепыхался в воротах. Гол, забитый с великолепного прохода и паса Месхи, был признан одним из красивейших в сезоне.

Заслуженный мастер спорта, опытнейший тактик советского футбола Б. Аркадьев в отчете об этом матче писал:

«Приятным сюрпризом для зрителей было появление на поле во втором тайме Михаила Месхи. Он не только продемонстрировал нам великолепную технику, особенно в финтах и обводке, но показал исключительно полезную для коллектива игру».

Этой игрой Михаил сделал серьезную заявку на место левого крайнего в основном составе первой сборной Советского Союза.

Приближались игры на Кубок Европы по футболу. Лучшие наши гроссмейстеры кожаного мяча с полной нагрузкой, не жалея сил, готовились к этим серьезным состязаниям.

Первая проба сил команды в матче со сборной Польши оказалась и дебютом Михаила Месхи в составе национальной команды, выступающей против соперников из-за рубежа.

Матч состоялся 19 мая. Наша сборная одержала победу с крупным счетом 7:1. Президент секции тренеров Польши Тадеуш Фориш в интервью для прессы заявил:

«Я бы сказал, что первую половину игры выиграл Метревели, вторую — Месхи».

Как говорится, комментарины излишни.

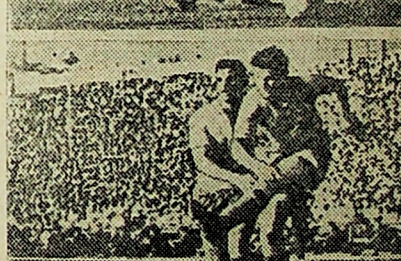
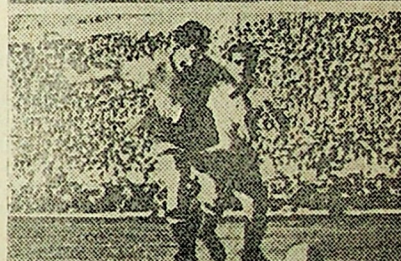
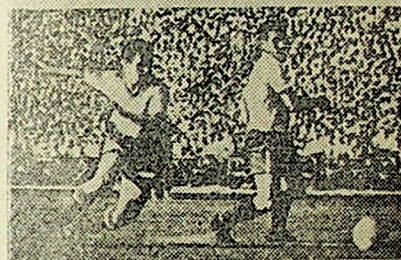
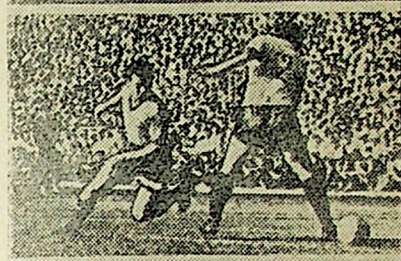
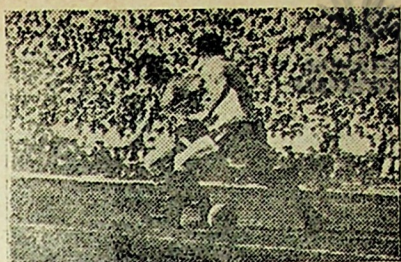
Высокую оценку игре Месхи в этом матче дала «Московская правда»:

«Достаточно было нашим футболистам перенести игру на левое крыло своего нападения, как тотчас же начал сверкать талант Месхи».

После встречи с Польшей в наших газетах много лестного было сказано об одиннадцатом номере сборной Советского Союза. Вряд ли имеет смысл приводить здесь все эти высказывания.

В характере Михаила Месхи есть одна исключительная особенность: чем больше похвальных слов говорится в его адрес, тем строже относится он сам к себе, тем лучше старается играть. Именно поэтому уже 6 сентября того же года Миша продемонстрировал еще больше темперамента, выдумки, мастерства.

На этот раз соперником советской команды выступала сильная и опытная сборная Чехословакии (та самая, что вскоре, на последнем чемпионате мира по футболу в Чили завоевала почет-

Финт Месхи в замедленной съемке.

нейшее второе место). Репортаж об этом захватывающем матче транслировался радиостанциями по всей стране, и, должно быть, вся многомиллионная армия футбольных болельщиков слышала дружное скандирование восторженных трибун: «Мес-хи! Мес-хи! Мес-хи!»

Да, это была лучшая рецензия на игру нашего форварда. Михаил Месхи стал поистине героем этого матча. Вот что писали газеты об этой игре:

«Блестяще сыграл на левом краю Месхи. Давно москвичи не видели такой игры, проникнутой подлинным вдохновением. И кроме той оценки «отлично», которую поставили ему тренеры, искренним, подлинным признанием игры тбилисского динамовца были единые возгласы десятков тысяч восхищенных зрителей, которые приветствовали левого крайнего нашей сборной, поднявшись на ноги.» («Советский спорт»).

Этот матч закончился победой советской сборной — 3:1. Один мяч забил в ворота чехословацкой сборной сам М. Месхи, а в двух других он был непосредственным соавтором.

Михаил Месхи стал любимцем публики не только в Тбилиси. Он покорял зрителей всех стадионов, где ему приходилось выступать. 6 сентября долго не расходились болельщики после матча, ожидая появления наших футболистов. А когда они вышли из раздевалки, десятки почитателей подхватили М. Месхи на руки и стали качать его.

Михаила останавливают на улицах, узнают в троллейбусах, в метро, ему пожимают руки, выражают восхищение, просят автограф. Из Москвы, Ленинграда, Баку, Свердловска, из Казахстана, Макевнии и даже Сахалина, где ему никогда не доводилось играть, он получает десятки писем от любителей футбола. Каждое из них требует внимания и ответа. Но если отвечать подробно каждому корреспонденту, то Михаилу придется бросить учебу в университете и даже... оставить футбол.

Вот содержание некоторых из этих писем.

Житель Сумской области Юрий Бондарь пишет, что он давний поклонник футбольного таланта Месхи и что начиная с 1956 года он вырезывает из газет и журналов все статьи и заметки о нем. В конце письма он просит у любимого спортсмена его фотографию.

С такими же просьбами обращаются Иван Терebetов из Донецка, Ровимо Исаков из Турмении, Алексей Власов из Нижнего Тагила, а москвич Карсов прислал Михаилу даже довольно большое стихотворение собственного сочинения.

Пятнадцатилетний школьник из Воронежа Вячеслав Лобызлов просит Месхи стать его заочным тренером, а Василий Чулков из Москвы сообщает, что он тоже играет в своей команде одиннадцатым номером и надеется, что знаменитый левый край поделится с ним секретом своих необыкновенных финтов.

Очень много писем, получаемых Михаилом Месхи, приходят из различных уголков Грузии. Вот одно из них, написанное детским почерком и с детской непосредственностью:

«Пионерский привет всемирно известному, самому любимому грузинскому футболисту Михаилу Месхи!

Я учусь в 5-ом классе школы производственного обучения села Джимити Гурджаанского района. Больше всех других предметов понравилась физкультура, из всех видов спорта больше других — футбол, а из всех футболистов — вы. Я люблю всех динамовцев, но мои мысли всегда увлечены вашими финтами. Как только вы получите мяч — я с вами. Когда вас нет на поле, для меня матч теряет интерес. Очень хочу иметь вашу фотокарточку и очень прошу вас прислать ее мне. Я тоже непременно буду футболистом. Трудно мне выразить словами ту любовь, которую питаю к вам. Желаю вам долгих лет жизни. Будьте здоровы. Целую много раз. Нодар Арчилович Гогилашвили.

Село Джимити Гурджаанского района».

Миша ответил письмом, в которое вложил и свою фотокарточку. Но если бы Нодар и не получил ответа, то все равно не должен был счесть это за невнимание со стороны Миши. Кто знает, может через несколько лет Гогилашвили и сам станет известным футболистом, будет получать бесчисленное количество писем, а ответить на все просто не хватит времени.

• • •

Розыгрыш Кубка Европы подходил к заключительной фазе. Советской команде предстояло на редкость ответственный матч со сборной Венгрии, чьи цвета защищали такие футболисты высокого класса, какими являются вратарь Грошич, защитники Шарош и Матран, нападающие — Шандор, Альберт и Тихи. Еще было свежо в памяти поражение, которое потерпели венгры от сборной СССР в 1958 году, и они вовсю готовились к реваншу. Капитан венгерской команды Божик заявил корреспондентам, что его команда хорошо подготовилась к встрече и сможет нанести поражение советской сборной.

Двадцать седьмого сентября в Будапеште непрерывно шел дождь. И все

же «Непстадион» не мог вместить всех желающих попасть на этот, обещающий быть интересным, поединок.

Команды вышли на поле. Некоторые из зрителей оставили трибуны и с букетами цветов в руках побежали к футболистам. И вот Мише поднесли один, второй, третий... пятый... десятый букет. Затем его начали обнимать, целовать.

— Мы туристы из Тбилиси, — грузински говорили они Мише, перебивая друг друга, — смотри, Мишка, не подведи нас.

И Миша оправдал надежды болельщиков. Матран, который должен был держать Месхи, попал в незавидное положение. Миша так запутал своего опекуна, что растерявшийся Матран каждый раз, как мяч попадал к нему, спешно отправлял его на трибуны. Но несмотря на все старания наших форвардов, мяч не шел в ворота венгерской команды. Так безрезультатно окончилась первая половина игры.

На двенадцатой минуте второго тайма Месхи, подхватив в центре мяч, стремительно направился к штрафной площадке. Матран сделал попытку прервать ему путь, но очутился на земле — Миша «поверг» его каскадом ложных движений. Но тут же перед Месхи очутились двое пришедших на подстраховку венгерских футболистов. Миша на ходу обыграл одного из них и совсем неожиданно передал мяч открывшемуся Бубукину. Тот мгновенно отпасовал Юрию Войнову, который точно пробил с ходу. Грошич уже ничем не мог помочь команде. Мяч трепыхался в сетке ворот.

После окончания этой интересной встречи к Михаилу Месхи подошел корреспондент «Советского спорта» и попросил сказать несколько слов о матче. Миша коротко ответил: «Я впервые сыграл за границы в составе сборной СССР. Хочу и в будущем защищать спортивную честь нашей страны. Горжусь успехом команды. По-моему, наша защита играла лучше, чем мы, нападающие».

Финальные игры на Кубок Европы должны были состояться в Париже, в 1960 году. Но Месхи довелось побывать в столице Франции еще до финальной пушки. Сразу же после окончания первенства страны он в составе тбилисского «Динамо» поехал на товарищеские встречи с французскими футболистами. Грузинские мастера жога-ного мяча заставили заговорить о себе всю спортивную Францию. «Советский футбол восхищает зрителей...», «Тбилисские пулеметы изрешетили «Рессинг», «6:2 — лучшей визитной карточкой и не придумаешь», «Бразильцы» советского футбола... Эти заголовки французских газет красноречиво гово-

рят о впечатлении, которое произвела игра динамовцев Тбилиси. Что же касается Михаила Месхи, то восхищенные его игрой зрители устроили ему овацию. «Вива Месхи!» — восторженно гудел стадион. Спортивные комментаторы многих газет не жалели для Месхи похвал и комплиментов. А лучший спортивный обозреватель Франции Габриель Ано писал об одном матче: «Вновь блеснул стремительными прорывами, финтами и эффективными дриблингами левый крайний нападения Михаил Месхи, который во многом превосходит Шаповалова, хотя и последний — футболист высокого класса. Не случайно, что именно Месхи провел в наши ворота второй мяч, который свел на ноль надежды «Нима» на ничью. Как и в предыдущей игре, Месхи ложным движением ускользнул от внимательного опекуна Баташа и прошел по самой кромке боковой линии, а потом совсем неожиданно ворвался на штрафную площадку. Все ждало продольной подачи, но Месхи из очень трудного положения пробил по воротам. Это был самый красивый эпизод во всем матче как с точки зрения техники, так и тактики». В те дни любители автографов буквально осаждали Месхи. Стоило ему показаться где-либо, как много он сказывался в плотном людском кольце. Тут Месхи не выручали даже его знаменитые финты — французские болельщики оказались куда более бдительными, чем защитники.

Кончилось турне по Франции. Впереди был футбольный сезон будущего года и решающие игры на Кубок Европы. Михаил Месхи под руководством опытных и чутких советских тренеров продолжал готовиться к этим ответственным встречам.

Ни один из видов спорта не является таким привлекательным, массовым и интересным, как футбол. И это, конечно, понятно: здесь мы являемся свидетелями воли и выдержки, веры и устремленности, молодости и ловкости, сообразительности, темперамента, энергии.

Футбольная команда — один цельный организм, и Михаил Месхи является пульсом этого организма.

Рост Месхи 169 см, вес 69 кг, он сложен атлетически. К тренировкам относится со всей серьезностью. Встает, как правило, в 8 часов утра. Не курит. Легкие у Месхи чисты, как зеркало. Интересно отметить еще одну подробность — Михаил относится к любому матчу как к большому и ответственному испытанию, и неудивительно, что в каждой игре он теряет два килограмма веса. Он на редкость упрям — если ему не удается какой-либо прием, то он обрабатывает движение до тех пор,

пока не добьется своего. Часто Месхи остается один после тренировок и еще и еще раз повторяет, закрепляет найденный технический прием.

Чувство ритма также обязательно для футболиста, как для музыканта или поэта. Ведь без внутреннего ритма немалым дриблинг. Движения Месхи с мячом полны ритма. Он прекрасно видит поле, обладает тонким чувством дистанции, точно выбирает место. Когда мяч у Месхи, возникает ощущение, будто он ласкает его. Наверное, поэтому так покорен ему мяч. Михаил Месхи часто повторяет, что мяч любит вежливое и ласковое отношение к себе.

В быту Месхи спокоен, невозмутим и скромен. Разве что можно было бы upsetнуть его в беспечности — Месхи не хранит ни одной газеты или журнала, где пишут о нем. Он не любит говорить о себе, зато о товарищах и тренерах может рассказывать бесконечно и с душевной теплотой.

• • •

Есть матчи, которые никогда не изглаживаются из памяти любителей футбола. Таких матчей немало на счету у Месхи. Кто присутствовал 28 марта на встрече «Шеффилд Уиндселс» (Англия) — «Динамо» Тбилиси, наверно, до мельчайших подробностей вспоминает каждую деталь этого захватывающего поединка. Грузинские футболисты были, что называется, в ударе. Англичане также не желали ударить лицом в грязь и показали высокий класс игры. Особенно хочется отметить их вратаря Г. Спринджета. Месхи то и дело «кубегал» от своего опекуна Свега, создавая острые ситуации. Но мяч никак не хотел войти в ворота гостей. Даже назначенный в первой половине игры одиннадцатиметровый удар, который пробил капитан команды Автандил Гогоберидзе, не достиг цели. Вратарь оказался на высоте. Наши динамовцы обрушили на ворота англичан такой шквал атак, что те просто вынуждены были применять недозволённые приемы. Судье ничего не оставалось, как назначить еще один штрафной с одиннадцатиметровой отметки. А Гогоберидзе поручил Месхи пробить этот штрафной. Цепкий и на редкость подвижный Спринджет не успел, как говорится, и глазом моргнуть, а мяч уже был в сетке. Вратарь растерянно посмотрел назад, словно искал, в каком из углов мяч.

Грузинские футболисты победили со счетом 1:0.

Шестого июля того же года сборная команда Советского Союза встретила в Марселе с сильным коллективом Чехословацкой республики. Это была куб-

ковая встреча, и наши футболисты одержали верх.

Защитник Шафранек, который сторожил Месхи, рыцарски заявил после матча, что Месхи его подавил, связал по ногам. А чешские спортивные обозреватели отмечали, что «вплосконком» победы советской команды был в первую очередь Михаил Месхи.

И, наконец, сам тренер сборной Чехословакии заслуженный мастер спорта Рудольф Витлачыл заявил: «Михаил Месхи самый, самый опасный форвард, он гроза защиты!»

Через день сборную СССР ожидала решающая встреча — она встречалась со сборной Югославии. Это был финальный матч на Кубок Европы.

Любители прогнозов — французские комментаторы хранили на этот раз молчание. Над судьбой Кубка Европы стоял большой вопросительный знак.

Обе команды, как советская, так и югославская, всецело были охвачены желанием победить.

Настал день их встречи.

Цвета советской команды защищали: Л. Яшин, Г. Чохели, А. Масленкин, А. Крутиков, И. Нетто, Ю. Войнов, С. Метревели, В. Иванов, В. Понедельник, В. Бубукин и М. Месхи.

Наша команда играла по системе 3—2—5, югославы же 3—3—4. Перед советскими нападающими стоял могучий заслон усиленной югославской защиты. Причем югославы избрали принцип персональной опеки. В нападении же они часто менялись местами, желая вызвать этим неразбериху в рядах нашей защиты. Форварды противника играли смело, остро и даже подчас грубо.

Защитная линия нашей команды тоже применила персональную опеку. А в нападении наши действовали широким фронтом с резкими выходами с флангов. Игра в основном строилась на длинных продольных передачах.

До окончания первой половины игры оставалось четыре минуты. Мяч пересек боковую линию. Масленкин поднял руки, давая этим знак судье Эллису, но тот не обратил внимание на жест Масленкина. Этим замешательством нашей защиты и вратаря воспользовался югослав Еркович и забил гол.

Вторая половина игры началась с бурных атак наших форвардов. Вскоре Слава Метревели увенчал старания команды голом. Шансы на Кубок Европы выравнялись.

Так и закончилась вторая половина игры — ничья 1:1.

Переполненный стадион «Парк де Франс» ликует — еще тридцать минут дополнительного времени зрители могут наслаждаться этой захватывающей борьбой.

Начался третий тайм. Прошло пять... десять... двадцать минут. Но вот на 111 минуте Бубукин красивым пасом выводит вперед Войнова, тот сразу же передает мяч Месхи. Месхи какую-то долю секунды подержал мяч и, ослабив внимание защиты, сильным ударом вдоль ворот метко послал верховой мяч Понедельнику. Тому оставалось только направить его в сетку ворот. Гол!!! Понедельник подлетел к Месхи и сжал его в объятиях.

В оставшиеся восемь минут наши защитники Чохели, Крутиков и Масленкин показали действительно героическую игру.

Итак, Кубок Европы едет в Советский Союз. Он завоеван в острых и трудных сражениях.

На второй день футбольная федерация Франции устроила в честь победителей — спортсменов страны Советов банкет в Эйфелевой башне, где и были вручены нашим футболистам золотые медали обладателей Кубка Европы.

Пресса Франции широко откликнулась на победу советских спортсменов. Футболистам нашей сборной было посвящено много статей с восторженными отзывами о тактической зрелости и техническом совершенстве. Мы уже говорили, что команда — это единый организм. Но наш рассказ касается только одного игрока сборной СССР, поэтому

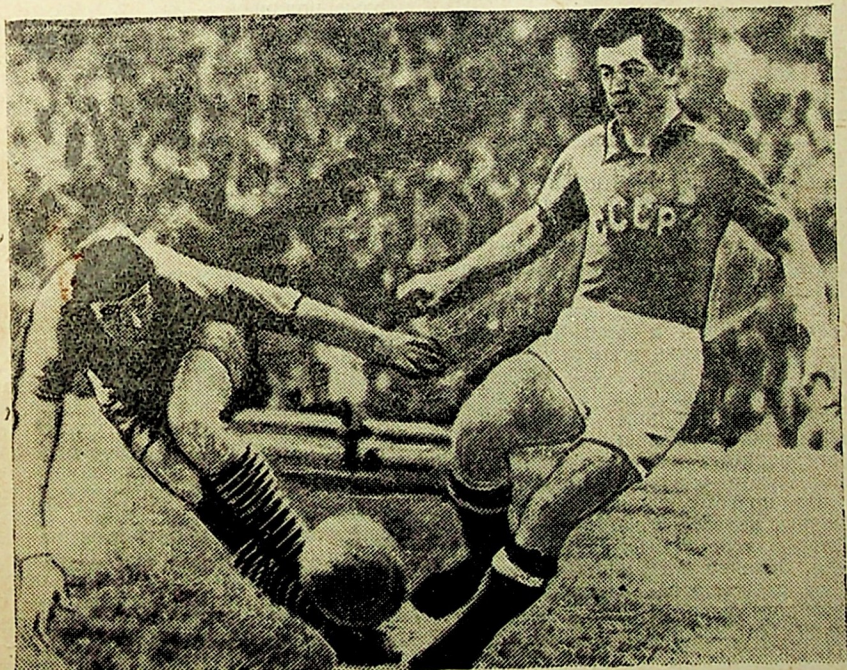
приведем выдержки из некоторых статей, касающиеся именно Михаила Месхи. Комментаторы не скрывали своих восторгов по адресу грузинского футболиста. Жан Корноу писал в «Экспрессе», что «несмотря на бдительность своих сторожей и некоторую грубость, Месхи всегда шел на открытый бой и очень часто выходил победителем». А «Руде право» отмечала, что Месхи и Метревели были теми футболистами, которые несли основную тяжесть штурма ворот противника.

Москва празднично встретила обладателей Кубка Европы.

Несколько позже в Советский Союз для проведения товарищеских встреч приехала «Байя» — обладатель кубка Бразилии. Первый матч в Киеве бразильцы проиграли. Потом сыграли вничью с московским «Спартаком» и одержали верх над армейцами столицы.

Встреча «Байи» с тбилисским «Динамо» состоялась 26 августа. Игра началась штурмом грузинских футболистов. Правый защитник Перейра и центр защиты Сантос никак не могли справиться с Месхи. Первый гол был забит на двенадцатой минуте. Миша подряд обманул трех защитников и передал мяч Гогоберидзе. Прыжок вратаря Кордоса оказался тщетным.

Во второй половине тбилисцы провели еще три мяча. Один из них был за-

Обманное движение. Удар!

«бит Месхи, другой с его подачи. Тбилиское «Динамо» выиграло матч со счетом 4:0.

Кто помнит этот матч, наверно, не забыл и того, как гигантского сложения негр Энрике дос Сантос — один из популярных в Бразилии футболистов, оказалась прямо-таки в смешном положении. После тщетных попыток «закрыть» Месхи, он погнался за Мишей, оставив игру. Месхи попытался ложными движениями избавиться от преследователя, но тот, наконец, настиг его и... прижал к груди, поцеловал. Игра к удовольствию зрителей и судьи возобновилась.

Бразильские футболисты были покорены темпераментной и содержательной игрой Месхи. Президент клуба «Байя» Озорио Вилас Боас сказал в беседе с корреспондентом «Футбола»: «Не могу обойти молчанием такого футболиста, каким является Михаил Месхи. В том крупном счете, с каким мы проиграли тбилисцам, больше повинен Месхи, чем наша защита...». Тренер «Байи» К. Воланте заявил: «Левый крайний тбилисского «Динамо» несомненно игрок международного класса, и его со спокойной совестью можно поставить рядом с лучшими бразильскими нападающими».

Интересно мнение капитана команды «Байя» Э. Бриггаса, которым он поделился через газету «Московская спортивная неделя»: «Месхи истинный виртуоз мяча и манерой игры напоминает нашего Гарринчу. Однако в отличие от последнего Месхи владеет широким тактическим мышлением. Если в 1962 году ваша сборная будет состоять из одиннадцати Месхи и Лобановских, тогда с уверенностью можно сказать, что отберете у нас титул чемпиона».

В том же году динамовцы Тбилиси совершили поездку по Англии. Они блестяще провели встречу с «Волками», как называют на родине футбола команду «Вулвергемптон уондерерс». Не будем вдаваться в подробности хода игры, приведем только две выдержки из газет, которые в один голос заявляли, что Месхи опаснейший игрок и защитникам команды, которая должна встретиться с «Динамо» Тбилиси, надо в оба следить за ним. «Таймс» называла Месхи выдающимся левым крайним нападения, а «Дейли скетч» писала: «Месхи задал работу капитану «Волков» Эди Стюарту...». Газета «Дейли геральд» отметила, что правому защитнику Стюарту пришлось перенести девяностоминутный кошмар в игре с быстрым как молния Месхи. Именно Месхи подал навесной мяч на двенадцатой минуте, который сильнейшим ударом забил левый полузвездный Гогоберидзе.

По возвращении из Англии Месхи женился. За свадебным столом сидело много друзей, в числе которых были и

его друзья детства — художники. Они пожелали Мише, чтобы он и в потомках не отставал от Гарринчи и если у бразильского футболиста восемь девочек, то у Месхи должно быть, ну хотя бы двенадцать мальчиков.

Так завершился 1960 год.

Каждый год приносил Михаилу Месхи новые победы, продвигая его все выше по ступеням к мировой славе.

И вот настал 1961 год. Может быть, самый ответственный и напряженный в жизни Михаила Месхи. Предстояло первенство мира, и Миша, как и все игроки нашей сборной, должен был показать себя на мировой арене. Ведь каждая из 56 команд — участниц первенства — страстно желала стать обладателем золотого Кубка Жюлья Риме — статуи богини победы Ники.

Напомним читателю историю создания этого кубка. В 1930 году Международная федерация футбола (ФИФА) поручила известному парижскому ювелиру Абель Лафлеру изготовить кубок. Лафлер изваял из чистого золота изображение мифологической богини победы Ники, пьедесталом которой служила мраморная подставка. Весь кубок весит один килограмм и восемьсот граммов, высота тридцать сантиметров, а стоимость его оценивается в десять тысяч долларов. Кубок этот в данное время стоит на витрине одного из домов Рио-де-Жанейро, охраняемый днем и ночью полицией.

Завоевать золотую богиню победы стало заветной мечтой каждой футбольной команды.

Финальная пушка розыгрыша первенства мира должна была состояться в Чили, но получить путевку оказалось не так-то просто. Если древние римляне утверждали, что все пути ведут в Рим, то предварительные игры на Кубок Ники показали, что многие пути не ведут в Чили.

Сборная Советского Союза провела до одной встречи на своем и на чужом полях со сборными Турции и Норвегии. Выиграв все четыре матча с хорошим соотношением забитых и пропущенных мячей 11:4, наша команда завоевала право выступить в Чили. Еще до последней встречи с Турцией контрольную тренировку наша сборная проводила в Ереване. Миша заметно волновался, не находил себе места. Команда хорошо знала причину его нервного поведения — Месхи со дня на день должен был стать отцом. Как раз перед самым отъездом в Турцию он получил поздравительную телеграмму — сын. Понедельник и Чохели одновременно бросились гнать Месхи за уши — таков уже обычай. «Гарринча посрамлен, шутили товарищи, — тебе осталось только одиннадцать сыновей».

Приезд сборной СССР в Южную Америку был встречен с большим вниманием. Выказывалось много прогнозов, но все сходилось на том, что советские спортсмены не смогут устоять против грозных южно-африканских форвардов. Самый популярный в Аргентине нападающий Сан-Филиппо заявил, что его команда обыграет «русских» с разницей в 3 мяча и даже назвал счет 4:1. С ним поспорил защитник национальной сборной Аргентины Семеон, мол, наша защитная линия непробиваема и счет будет 4:0. Прогнозы строились на том основании, что ни одна европейская команда еще не выигрывала в Буэнос-Айресе. И вот 18 ноября на стадионе «Ривер Плейт» встретились сборные СССР и Аргентины. Южноамериканские футболисты начали без всякой разведки штурм наших ворот. Несколько опасных прорывов Сан-Филиппо с трудом ликвидировали наши защитники. Но тут слово взял Михаил Месхи. Он стремительно ворвался в штрафную площадку противника. Семеноу ничего не оставалось, как ухватиться за майку убежавшего от его «недремлющего ока» форварда. Миша со штрафного точно передал мяч открывшемуся Понедельнику, и тот красивым ударом послал его в сетку ворот — 1:0!

Наши футболисты с подъемом провели весь матч и одержали заслуженную и очень важную победу. Весь двадцатитысячный стадион, стоя на ногах, аплодировал нашим спортсменам. Особенно рьяные болельщики «сломали сопротивление» полиции, перебрались через проволоченное ограждение и бросились к футболистам. Но наша команда успела ускользнуть в раздевалку. Замешкавшийся Слава Метревели через секунду оказался в одних трусах — майку на нем разорвали на мелкие куски темпераментные любители сувениров.

Аргентинская, да и вся мировая пресса, высоко отозвалась об игре советской команды. Много лестных слов было сказано о каждом из игроков. Приведем некоторые высказывания, касающиеся Месхи. Журнал «Голес» писал: «Некоторые обозреватели говорят только о быстром беге Месхи. С этим мнением можно согласиться только наполовину. Если бы Месхи отличался только подвижностью, Семеон легко справился бы с ним, однако его виртуозность проявилась в этой игре как нельзя лучше. Месхи показал нам невиданную, красивую и экономную технику. В этом и надо искать причину нашего поражения...»

В швейцарской газете «Шпорт» была напечатана статья немецкого журналиста Фрица Хоки. Каскад финтов, которыми ошеломил Месхи одного из

лучших защитников Семена, — видел он, — не под силу ни одному Гарринче. А о матче журналист отзывался как о самой техничной игре из всех проведенных за последние годы в Южной Америке.

Набившие руку на купле-продаже дельцы пытались приобрести и Михаила Месхи. Получив достойный ответ от руководства нашей команды, они все-таки сделали попытку переговорить с самим № 11.

— Пятьдесят миллионов аргентинских песо, — это, знаете, сколько? Вы можете сидеть сложа руки и задрав ноги всю жизнь. Оставайтесь у нас, — говорили они Мише.

— Я футболист и не могу сидеть задрав ноги, — поднял их на смех советский спортсмен.

Ответ Месхи подействовал на дельцов как ушат холодной воды.

В Южной Америке наши футболисты провели еще две встречи. В обеих добились победы.

После этого турне наша команда была признана одним из наиболее вероятных претендентов на кубок «Золотой богини».

Старт был взят хорошо, но счастье, как говорится, изменчиво. Сборная СССР неожиданно проиграла команде, которая была намного слабее нашей.

После окончания чемпионата в чилийской газете «Ла терсера де ла Оран» был опубликован список идеальной сборной мира. В него вошли одиннадцать лучших футболистов из разных стран. Приведем этот список: В. Штройф (Чехословакия), Д. Сантос (Бразилия), Р. Санчес (Чили), К. Шнеллингера (ФРГ), Зито (Бразилия), Росас (Чили), Гарринча (Бразилия), Торо (Чили), Зеелер (ФРГ), Пеле (Бразилия), Месхи (СССР).

Но разве только в Чили признали Месхи лучшим левым крайним мира? Обозреватели многих стран разделили эту точку зрения.

А чехословацкий журнал «Копана» устроил конкурс, в котором приняли участие многие читатели. В результате этого своеобразного народного опроса Михаил Месхи получил наибольшее количество голосов — 604 и вышел на первое место среди претендентов на левого крайнего нападения. Он оторвался от ближайшего соперника испанца Хенто на 298 очков. Из советских футболистов еще двое вышли на первое место: Слава Метревели и Лев Яшин.

И, наконец, был опубликован официальный список кандидатов в сборную мира. Приведем высказывание Габриела Ано о сборной мира и, в частности, о Месхи:

«Левый край великолепен! Я хорошо знаком с игрой обоих (Месхи и Хенто) футболистов, особенно советского спортсмена Михаила Месхи. Если обойти молчанием все остальные игры советской сборной, мне достаточно было бы сослаться лишь на первенство Европы, которое я наблюдал в Париже. Продуманная игра М. Месхи, блестящая техника, которую он демонстрировал, заставили не только меня, но и многих знатоков футбола искренне признаться, что Месхи — форвард большого будущего, настоящий виртуоз...»

Правда, Михаилу Месхи не довелось участвовать в последних играх нашей сборной, но ведь у него все впереди.

Во всем Советском Союзе вряд ли найдется любитель футбола, которого не обрадовали успехи Месхи. Но больше всех радовался скульптор Элгуджа Амашукели. Ведь именно он предвосхитил с математической точностью все этапы становления Месхи футболистом мирового класса.

Многие любители футбола с разных концов страны поздравили Михаила Месхи с блестящими достижениями. Они не только радовались успеху любимого нападающего под № 11, но и рассказывали ему о себе, делились по

душам. И только одно поздравление с подарком до сегодняшнего дня — загадка для Месхи. Это было в Кутаиси на одном из очередных матчей. Когда Миша вошел в раздевалку, ему передали сверток с письмом без обратного адреса. Незнакомый божельник поздравлял Месхи и просил принять от него подарок — кофейный сервиз. «Если бы ты пил вино, — говорилось в письме, — я подарил бы тебе чаш». Сколько ни расспрашивал Месхи, автора письма и подарка не смог найти.

Михаил Месхи не из тех людей, которые останавливаются на достигнутом. Он вечно ищет нового, каждый день на каждой тренировке старается отточить свое мастерство, еще ближе «сдружиться» с техникой. Открою его секрет — сейчас Миша работает над новым сложным финтом. Принцип этого финта заключается в том, что, если до сих пор Месхи убегал от защитника в том направлении, откуда тот не ждал подвоха, то теперь он намерен проходить именно оттуда, откуда противник ждет его прорыва. И это должно случиться тогда, когда Месхи ложным движением заставит его потерять равновесие.

Защитники, будьте бдительны! С Месхи шутки плохи. Постарайтесь не потерять равновесие.

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1963 год

Журн. Стр.

Журн. Стр.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Г. Натрошвили. Ты помнишь, солдат... Рассказ

В. Орджоникидзе. Осень в Чар-гали. Из записной книжки. VII 13

Сумерки. Новелла I 55

В. Петросян. Окна города полуоткрыты. Рассказ VII 67

Б. Сейранян. На склонах горы Морут. Повесть XI 33

А. Сулакаури. Если искушают тебя... Рассказ IV 9

Вверх и вниз. Рассказ V 31

В. Татишвили. Повесть о багдадском плене VIII 32

Э. Фейгин. Штык и перо. Главы из повести X 16

Л. Хаиндрава. Подвиг. Рассказ V 5

Г. Шатберашвили. Мельник из Твалади. Рассказ XII 50

Д. Шенгелая. Млечный путь. Повесть VIII 45

III 15

СТИХИ И ПОЭМЫ

И. Абашидзе. Цари, апрель! Стихи V 3

Ш. Абхандзе. Родина моя. Второе небо. Дождь. Стихи VIII 3

Перед рассветом. Стихи II 50

Д. Аджо. Расставание. Стихи VI 52

К. Аюпян. Песня о родном доме. Стихи XI 15

Ш. Амисулашвили. Поднятые паруса. Лирическая поэма VI 4

М. Арутюнян. Горы зовут. Стихи XI 37

Л. Асатиани. Песнь о Родине. Стихи IX 6

А. Ахмадулина. Дождь. Главы из поэмы XII 9

А. Бегашвили. Слово славы. Стихи VI 3

С. Берулава. Молодежь. В детстве. И минул год... Стихи VII 12

Из любви к людям. Стихи VII 12

Поэтам России. Слушай, сердце. По всей Грузии. Стихи XII 3

К. Бобохидзе. Тот год я помню... Стихи VII 45

Г. Борян. Весенний гром. Стихи XI 6

Ч. Амирэджиби. Дорога. Повесть VI 7

В. Арамян. Кусочек солнца. Рассказ XI 45

М. Асатиани. Сердце человека. Рассказ IX 14

А. Бакуиц. Двадцать пятого октября. Рассказ XI 7

К. Гамсахурдиа. Иосиф Великий. Рассказ. II 22

К. Гогиава. Встретимся у проходной. Рассказ VI 56

Л. Готуа. Жребий. Рассказ XII 5

Л. Гуруци. Мой друг Георгий Цагов. Быль IX 42

О. Дгебуадзе. Королева утренней зари. Приключенческая повесть V—30, VI—36, VII—19, VIII—51, IX—23, X—44

Д. Демирчян. Шпана, главарь ее Айро и собака Чало. Рассказ XI 11

Р. Джанагирдзе. Вдова солдата. Роман I—23, II—4, III—55, IV—22

Г. Дочанашвили. Что там, за горой... Рассказ X 38

Н. Думбадзе. Я вижу солнце. Отрывки из повести I 61

Ю. Иоселиани. Белая палата. Новелла X 5

К. Киквидзе. Чудесный день. Рассказ IV 60

С. Квдиашвили. Поездка за город. Рассказ. II 52

Мой друг Гоча. Рассказ. IX 9

Р. Кочар. Дети большого дома. Главы из романа XI 17

Г. Леонидзе. Смерть старого пахаря. Рассказ IX 4

М. Лохвицкий. Дорога, матросы и принцесса. Маленькая повесть VIII 5

Т. Маглаперидзе. Ушба. Повесть XII 12

Л. Мачаидзе. Ашуг. Рассказ X 66

Ю. Нагибин. Под сенью Акрополя. Рассказ X 12

Т. Броев. Мэмо. Вступление к поэме. Говорят, что розы прекрасны... Стихи	VI 54	Р. Ованесян. Если бы только я мог. Стихи	XI 15
Ш. Гасан. Поет мой саз. Стихи	VI 54	М. Поцхишвили. Мечта. Стихи	V 4
А. Граши. Поезда. Стихи	XI 43	Ш. Роква. Сердце, как солнце. Отчего порой... Стихи	IX 21
В. Дагтян. Родина. Стихи	XI 37	А. Сагиян. Скалы. Стихи	XI 44
Т. Джангулашвили. Космическая поэма. Письмо Мелитону Кантария. Стихи	I 20	Г. Сарян. Песня из Грузии. Стихи	XI 43
Л. Дурьян. Солнце выплеснулось на воду огнем... Стихи	V 47	Саят-Нова. Поверь мне. Любимой. Стихи	X 57
Н. Зарьян. Сыну, еще не рожденному. Стихи	XI 36	П. Севак. Отступление с песней. Стихи	XI 16
А. Иско. Всего дороже. Песня свободы. Стихи	VI 52	В. Соколов. С друзьями. Бабочки. Хотел бы я долгие годы... Цикады. Стихи	X 35
Б. Иско. Грузинке-учительнице. Стихи	VI 53	Л. Сулаберидзе. Шехерезада. До рассвета. Стихи	XII 49
К. Каладзе. Весеннее утро. Стихи	VI 47	А. Сулакаури. Первый снег. Стихи	I 54
С. Капутикян. На старте космической эры. Стихи	XI 5	Н. Тихонов. Покоряющим вершины! Стихи	XII 58
М. Караян. Завтра. Стихи	XI 6	Ф. Халваши. Нас двое. Шепот. Стихи	IV 20
О. Караян. Глазами матери. Стихи	XI 16	Г. Цецхладзе. Первая охота. Ты и звезды. Стихи	VI 35
В. Каренц. Ты — Армения. Стихи	XI 44	А. Цыбулевский. Рача. Стихи	V 48
М. Кахидзе. Матери-земле. Хозяину гор. Стихи	III 54	С. Чиковани. Укрощенное море. Тополь. Гванца. Стихи	II 43
Б. Кешелава. Я радуюсь. Стихи	I 52	Стихи начать... Стихи	V 28
В. Кузнецов. Стихи о Грузии	IX 22	Пора сенокоса. Стихи	IX 3
Г. Леонидзе. Одним огнем. Ты и Светицховели. У речки Веры, на песке... Дуб на берегу моря... Стихи	III 13	О. Чиладзе. Громко дождь стучал. Стихи	V 29
Самочеты грядущего. Стихи	V 3	Кура плеснёт... Ночь полна поездами... Из «Итальянской тетради». Стихи	IX 12
Владимиру Маяковскому. Стихи	VII 43	Т. Чиладзе. Неба не было видно. Прощание со сказками. На солнце и земле. Приду к тебе. Стихи	VII 14
Б. Лившиц. Из неопубликованного: Картвельская речь. Предгорье. Уже нельзя взбираться выше... Перевал. Хевис-Кари. Стихи	I 59	О. Шаламберидзе. Советской Грузии. Стихи	II 3
Г. Маари. Воспоминанье. Стихи	XI 16	Б. Шинкуба. Апрель в шахтерском городе. Стихи	IV 4
О. Мампория. Проходят дни. Стихи	V 48	О. Шираз. Жизнь для людей. Стихи	XI 5
М. Маргарян. Моя песня. Стихи	XII 44	В. Эльснер. Наш век. Стихи	VIII 62
Р. Маргиани. Родине. Ну что такое стих... Стихи	X 3	Г. Эмин. Спутник запущен. Стихи	XI 36
М. Мачавариани. Дорога. Тбилиси. Стихи	VIII 31	Ф. Янакопулу. Пришли мне... Стихи	XII 57
А. Межиров. Воспоминанье. Стихи	V 29	А. Яшин. Просьба. Стихи	V 4
А. Мирцхулава. Из цикла «Дни и годы»	IV 55	ОЧЕРКИ	
М. Мревлишвили. Цвети, Отчизна! Стихи	III 53	И. Абашидзе. Первое знакомство с Европой	VI 78
С. Мурадян. Колос. Стихи	XI 37	Г. Баграмян. Голубые артерии плодородия	XI 55
В. Незвал. Ночь в Тбилиси. Уличные урны. Стихи	X 15	А. Бекаури. Битва за урожай	IV 74
Дж. Никабадзе. Раздумье у моря. Стихи	V 49	М. Гвасалия. Кязим Хутаба	XII 72
Дороги. Стихи	X 43	Глазами друзей	IX 91
Е. Николаевская. Тбилисский день. Все позабудется... Стихи	III 53	Р. Канделаки. Летопись земли и моря	III 76
И. Нонешвили. Дорогу Маю! Стихи	V 28	Ю. Марян. Наш город — Кировакан	XI 59
Лесе Украинке. Стихи	VIII 50	И. Месхи. Тепло человеческое	III 72
		Это было на Кавказе	IX 70

Н. Пичкова. Солнце в ладонях	III	79
М. Ривкин. Большая химия	VI	73
М. Сарджвеладзе. Глазами хозяй- ственника	II	65
С. Свирдлин. Во льдах Арктики	V	82
Ж. Таратута. Два шага вперед	IV	5
Г. Тевосян. Ереван, 1963	XI	49
И. Хуцишвили. Первая тропа	X	87
Г. Чиковани. Председатель кол- хоза	II	58
Б. Шатберашвили. Сквозь дали без числа	VIII	68

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. Антокольский. Карло Кала- дзе	IV	69
И. Бесклубов и Р. Пиотровский. Стихи Галактиона Табидзе на французском языке	IV	71
Л. Браиловская. По дальним до- рогам	I	79
К. Гамсахурдиа. Дереник Де- мирчян	VI	64
Г. Гвердцители. На службе со- временности	VII	79
Ш. Гозалишвили. Певец рево- люции	IX	48
И. Гришашвили. Саят-Нова	X	59
П. Гугушвили. Эволюция обще- ственно-политических взгля- дов Нико Николадзе	X	68
В. Джибути. Роман о любви и верности	VIII	80
Т. Донжашвили. Горячее серд- це писателя	XI	65
Э. Елигулашвили. Николай Ца- геридзе, наш современник	X	74
Б. Жгенти. Акакий Белиашвили	V	67
В. Зинина. «Ровесник гор»	VI	71
Д. Какабадзе. Рабле — борец за мир	XII	83
Р. Канделаки. Подвиг. Памяти Вилия Орджоникидзе	I	84
Ш. Квасхвадзе. Ценный вклад в иститутствоведческую науку	X	78
К. Коринтели. Орел, который не померк	II	93
С. Кошут. О мужестве и геро- изме советского человека	VII	83
Г. Ломидзе. Размышление вслух Время и человек	I	70
IV	63	
Э. Маградзе. Рассказы Г. На- трошвили	I	77
Г. Маргвелашвили. Рассказыва- ет Иракий Андроников Крылья творчества (Публици- стические заметки)	II	85
V	60	
В. Мнацакяня. Поэзия правды	XI	71
Т. Мурманшвили. Пусть всегда будет радуга	X	82
Н. Натадзе. Следы далекие и близкие	XII	75
С. Нацнашвили. Энциклопедия грузинского искусства	IX	68
В. Огнев. Заметки о поэзии Ни- колая Заболоцкого	VIII	74

Г. Пайчадзе. Содержательное ис- следование	X	80
С. Рассадин. «Чужое вмиг по- чувствовать своим»	IX	54
В. Соколов. Книга и сердце	XII	81
Т. Твалчрелидзе. Наш современ- ник — крупным планом	IX	64
Д. Тевзадзе. Творчество А. Мир- цхулава	IV	57
Д. Тухарели. Еще одна книга о жизни Маяковского в Грузии	VII	73
Книга об историческом романе Новикова	IX	72
Э. Фейгин. О долге, о чести и человеческом достоинстве	VI	67
Л. Хаташвили. Монография о драматургии Леси Украинки	VI	70
П. Цициашвили. Читая стихи по- эта	II	89
Г. Цицишвили. Ценный вклад в изучение литературных связей братских народов	VIII	84
О. Челидзе. Задумчивый голос поэта	II	75
С. Чилая. Поэзия Симона Чы- ковани	II	45
Ж. Чочиева. Лирика Колау На- дирадзе	XII	82

ПУБЛИЦИСТИКА

Об очередных задачах идеологиче- ской работы партии. Постанов- ление ЦК КПСС по докладу Секретаря ЦК КПСС тов. Ильчи- чева Л. Ф. 21 июня 1963 года	VII	3
И. Абашидзе. Добро пожало- вать, друзья!	XI	3
А. Агладзе. В борьбе за ленин- ский план построения партии	VII	37
В. Асатиани. Человек в горах	VII	87
Т. Буачидзе. Всегда с партией, всегда с народом	VIII	63
В. Гогуадзе. Экскурсия в орга- ническую химию	IX	86
М. Давиташвили. Ошибка док- тора Манна	I	9
И. Дубинский. Народный кон- троль	III	82
Р. Златкин. Впереди — обиль- ная жатва	I	17
Д. Майсурадзе. Прошлое и на- стоящее грузинской книги	V	75
В. Мачавариани. За партийность и народность литературы и искусства	III	3
Роман и жизнь	XII	61
Р. Мдивани. Что такое «мате- матическая лингвистика»?	IV	92
В. Мерквиладзе. Нерушимый Союз	I	64
Н. Новицкий. На больших глу- бинах	I	5
К. Пипинашвили. Образ Маяков- ского на экране	VII	64
Л. Ростовцев. Дом на улице братьев Танеевых	X	83

Т. Гвалчрелидзе. Годы, встречи, дружба Творить во имя коммунизма	XI 66 I 3	Г. Бebutov. Багдади — Маяковский	VII 69
ИСКУССТВО		Г. Гиголов. Горький и Тархнишвили	IX 76
Е. Ахведнани. Петре Оцхели	II 81	А. Гомиашвили. Незабываемые встречи	VIII 87 VII 50
А. Баланчивадзе. Певец своей страны	XI 66	Б. Жгенти. Вечно живой	V 92
Д. Баланчин. О балете и о себе	I 93	Г. Зардалишвили. «Волга»	X 95
К. Багратишвили. Шалва Кикодзе	VII 75	А. С. Размадзе	VII 61
В. Бебутова-Габуния. Мастер чеканки	V 79	К. Зданевич. Страничка прошлого	V 92
Л. Гудиашвили. Большой художник	XI 64	В. Земсков. Маяковский рецензирует, Маяковский говорит	VI 94
Г. Демирханова. Кинолетопись альпинизма	XII 59	В. Имедадзе. Георгий Туманишвили о Чернышевском	VII 49
Зарубежные отклики на фильм «Прерванная песня»	IX 91	К. Лордкипанидзе. Первая встреча	VII 55
Э. Кананова. Молодость, полск, дерзание	XI 77	В. Мачавариани. Революцией мобилизованный и призванный	IV 81
М. Карданели. О новых грузинских фильмах	IV 77	Е. Пешкова. Новое о М. Горьком. Из воспоминаний	II 78 VII 62
М. Квалиашвили. Две встречи с К. С. Станиславским	I 86	Т. Степанчук. Битва на перевале	III 88
Л. Пирадов. Широким шагом	II 69	Н. Табидзе. Встречи с поэтом	XII 92
О. Солопчинский. Выставка работ Уча Джапаридзе в Москве	VI 88	М. Траскунов. Новое о Д. Фурманове	VII 46
Г. Торадзе. «Миндия» Отара Тактакишвили	II 72	Н. Цицишвили. Из воспоминаний	X 91
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ		С. Чиковани. Из воспоминаний	
В. Балуашвили. В содружестве с передводчиком поэмы Руставели	XII 87	Ф. Шавишвили. Из воспоминаний старого большевика	
		СПОРТ	
		Н. Гаприндашвили. Мой друг — чемпион мира	XI 68
		А. Гогоберидзе. На стадионах мира	IV 86
		Г. Метревели. На поле — одиннадцатый номер	XII 94

Подписано к печати 25 декабря 1963 г. 7 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108/16.

Заказ № 53

Тираж 2200

УЭ 06990

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ქრნალი „ლიტერატურნაი გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამოცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Отпечатано в типографии издательства ЦК КП Грузии
«Комунисти» — ул. Ленина, 14.

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

